

Институт перевода Библии
Стокгольм-Хельсинки-Москва

Российская Академия Наук
Отделение литературы и языка
Москва

Московский Патриархат
Священный Синод Русской Православной Церкви
Отдел внешних церковных сношений
Москва

ПЕРЕВОД БИБЛИИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ,
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И
БОГОСЛОВСКИЕ АСПЕКТЫ

*Материалы конференции
Москва
28-29 ноября 1994 года*

Институт перевода Библии
Москва
1996

ПЕРЕВОД БИБЛИИ:

**Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты.
Материалы конференции, Москва, 28-29 ноября 1994 г.**

Редакционная коллегия:

Б.Арапович, М.Беерле-Моор, М.К.Васильева, С.Крисп,
Т.В.Погорелая, Е.Т.Пристанскова, А.М.Сучилина.

Главный редактор: Б.Арапович.

© Российское отделение Института перевода Библии,
Москва, 1996

ISBN 5-89116-035-X

Предисловие

Каждый новый перевод Библии, особенно если это первый перевод Библии на некоторый язык, становится большим событием в культурной жизни народа и вместе с тем вкладом этого народа в фонд культуры всего мира. Не только богословским, но и научным и культурным кругам стран СНГ предстоит определить свое отношение к заново возрожденной деятельности по переводу Библии, осмыслить место и ценность таких переводов для историко-культурных традиций разных народов, в том числе и многочисленных народов бывшего Советского Союза.

Весной 1990 г. Институт перевода Библии (ИПБ), Стокгольм, обратился с письмом в адрес Отделения литературы и языка (ОЛЯ) АН СССР с предложением о сотрудничестве в работе над переводом Библии на неславянские языки СССР. Именно в Советском Союзе к 1990-му году оставались самые многочисленные народы мира, на языке большинства из которых не существовало Библии целиком, а иногда и ни единой ее страницы. Ответ был положительный и осенью 1990 г. в Москве был подписан договор о сотрудничестве между ОЛЯ АН СССР и Институтом перевода Библии. Одним из плодов данного сотрудничества стала конференция «Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты», состоявшаяся в Москве 28-29 ноября 1994 г.

Эта конференция была не первой встречей на научном уровне сотрудников АН и ИПБ. Начиная с 1990 года проводятся совещания, а в 1992 г., в здании президиума РАН была организована встреча руководства и сотрудников Отделения литературы и языка РАН и Института перевода Библии с выступлениями, докладами и с последующей аудиенцией у Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В Тбилиси велись совещания и переговоры с грузинскими учеными и представителями духовенства во главе с Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II; в октябре 1992 г. Академия Наук Таджикистана орга-

низовала в Душанбе очень успешную презентацию первого перевода Библии на таджикский язык, выполненного ИПБ, и т.д.

Однако данную конференцию в определенной степени можно назвать исторической. Это была первая научная конференция по вопросам перевода Библии, организованная при содействии как Российской Академии наук – в советские годы считалось непререкаемым мнение, что Библия и наука несовместимы – так и Русской Православной Церкви.

Конференция проводилась в «зеленом зале» нового здания президиума РАН на Ленинском проспекте. По числу участников (3 выступления, 18 докладов и 10 сообщений) она не была большой, что и не входило в намерения организаторов: лучше меньше, да лучше.

На конференции предполагалось обсудить лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты не библейских переводов вообще, это слишком большая тематика, но преимущественно переводов Библии на неславянские языки народов России. Поэтому на конференцию не были приглашены ученые из-за границы, кроме двух, одним из которых был лорд Дональд Коган, архиепископ Кентерберийский с 1974 по 1980 гг.

Второй особенностью данной конференции была договоренность не затрагивать вопросы конфессионального применения библейских переводов. Рабочий язык конференции и докладов, за исключением двух, был русский.

Материалы выступлений, докладов и сообщений, опубликованные в этом сборнике, приведены в основном в их авторских версиях и сгруппированы в разделы без деления на доклады и сообщения, т.к. такое деление оказалось искусственным и в самой программе конференции. Читатель найдет здесь обсуждение самых разнообразных аспектов библейского перевода, от чисто теоретических до конкретных, связанных с переводом Библии на отдельные языки. В данном сборнике материалы конференции выносятся на суд научной общественности.

Б.Арапович

РАЗДЕЛ I

**Выступления
на открытии конференции**

Вступительное слово

Б.Арапович, директор Института перевода Библии, Стокгольм

Уважаемые дамы и господа, глубокоуважаемые служители церкви!

Разрешите мне от имени Отделения литературы и языка Российской Академии наук, Московской Патриархии и Института перевода Библии приветствовать вас сегодня на конференции: «Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты». Данная конференция, насколько мне известно, — первая в России на указанную тему на таком уровне, но, надеюсь, не последняя. За рубежом Библия нередко является предметом нетеологических, недогматических исследований. В прошлом году, например, Еврейский Университет в Иерусалиме организовал Первый международный конгресс по вопросам взаимодействия культур: «Библия в культуре восточных славян с IX по XX вв.».

Первоначально Библия, в которую входил тогда только Ветхий Завет (Tanakh), считалась книгой лишь одной культуры и одной религии — еврейской. Столетия спустя она, дополнившись Новым Заветом, стала Священным Писанием еще и христианских народов, а библейские сюжеты и догматика сыграли немаловажную роль в формировании многих сур Корана, да и ислама вообще. Пожалуй, излишне напоминать, что Библия в течение многих веков была одним из основных факторов, влияющих на мировоззрение народов Европы, Америки, Австралии и большей части Азии и Африки. Исследование социальных структур, права, искусства, литературы, архитектуры, философии, фольклора, политики, истории и т.д. в этих регионах земного шара невозможно без исследования влияния Библии на соответствующие аспекты существования человеческого

рода. Можно вспомнить большое число языков, где именно перевод Библии послужил причиной изучения фонетики, создания алфавита, где Библия явилась первой книгой. Достаточно упомянуть историческое значение готского перевода епископа Ульфилы (IV в.), армянского перевода епископа Месропа и его учеников (V в.) или значение славянской Библии Кирилла и Мефодия для культуры Западной Европы и славянского мира.

Бесспорно, именно переводы Библии сыграли решающую роль в процессах распространения влияния этой книги на человека и человеческий мир. Переводы — это рельсы, по которым движется поезд влияния Библии.

Основные проблемы перевода Библии, такие как выбор исходного текста (переводить можно непосредственно с оригиналов, т.е. Ветхий Завет с еврейского, а Новый Завет с греческого подлинника, или использовать в качестве посредника какой-либо другой перевод), решение в пользу буквального или смыслового перевода, перевод библейских реалий, терминологии и т.д., имеют универсальный характер — с ними сталкивались наши предшественники еще в древние времена, с ними сталкиваемся и мы. Например, уже в III в. Ориген, решая проблему исходного текста, пытался из множества собранных текстов LXX и других греческих переводов восстановить текст LXX в его первоначальном виде, т.к. и еврейский текст и перевод LXX при постоянной переписке подвергался искажению. Древний сирийский перевод, Пешитта, был сделан непосредственно с еврейского, а уже более поздний сирийский перевод начала VII в. сделан на основе и еврейского оригинала и греческих переводов. Иудейский прозелит Аквила приблизительно в 130 г. сделал рабски верный подлиннику перевод Ветхого Завета с еврейского на греческий, а 60-80 лет спустя Симмах сделал еще один перевод, но гораздо более смысловой и литературно оформленный.

В истории библейских переводов, которая насчитывает более двух тысяч лет, можно выделить пять периодов:

Период до христианской эры. Самые первые из известных нам переводов Библии, точнее, Ветхого Завета — Таргумы и Сеп-

туагинта (LXX) — были выполнены в основном из «защитных» соображений. Они создавались, чтобы сохранить ветхозаветное учение, мировоззрение и культуру евреев, забывших родной язык во время вавилонского плена и усвоивших халдейский, вернее, арамейский язык («И читали из книги, из закона Божия внятно, и присоединяли толкование, и (народ) понимал прочитанное», Неем. 8.8), а позже, в диаспоре Средиземноморья, принявших язык ведущей культуры того времени — греческий. Кроме того, что касается перевода на греческий, то античный культурный мир проявлял большой интерес к текстам уникальной монотеистической религии евреев и ее прогрессивным социо-юридическим структурам.

Период христианской эры до изобретения книгопечатания (I-XV вв.). С приходом христианской эры переводы Библии стали своего рода «наступательным» миссионерским оружием. Библию в переводе получили многие языческие народы, для которых мир Библии был чем-то совершенно новым и в духовном, и в социальном, и в культурном отношениях. Переводы на языки первых христианских народов были нужны не только для укрепления новой веры, но и для установления литургии в первых церквях. Так появились переводы, сделанные либо непосредственно с языков оригинала, либо с греческой Септуагинты или латинской Вульгаты:

- ♦ древнесирийский перевод, сделанный с оригинала, называемый Пешитта, т.е. верный, простой. Считается самым древним переводом после Таргумов и LXX;
- ♦ Итала, т.е. древний латинский перевод, сделанный с LXX примерно во II в. в северной Африке;
- ♦ самаритянский перевод Пятикнижия, сделанный до III в.;
- ♦ переводы на различные диалекты египетского языка — коптский или мемфисский, саидский и басмурский, конец III — начало IV вв.;
- ♦ готский перевод епископа Ульфилы, IV в.;
- ♦ латинский перевод Иеронима, сделанный с оригинала (386-405 гг.), известный под названием Вульгата;

- ♦ эфиопский перевод, называемый Gheez, неизвестного переводчика, сделанный вероятно уже в IV-V вв.;
- ♦ армянский перевод, сделанный создателем армянского алфавита епископом Месропом и его учениками в начале V в.;
- ♦ грузинский перевод, который начал осуществляться в V-VI вв.;
- ♦ новые сирийские переводы: несторианского патриарха Мар-Аббаса в VI в., Павла, епископа Тельского в начале VII в., епископа Иакова Эдесского в начале VIII в.;
- ♦ славянский перевод Кирилла и Мефодия, IX в.;
- ♦ англосаксонский перевод отдельных частей Ветхого Завета (X в.), сделанный на основе латинского перевода Иеронима;
- ♦ арабский перевод Саадия Гаона X в.; и другие.

До появления книгопечатания Библия целиком или полностью была переведена на 33 языка.

Период от изобретения книгопечатания до появления первого Библейского Общества (1804). В этот период напечатано большинство классических библейских переводов и особенно под влиянием реформации добавлены новые, так что из-под печатных станков этих ручных типографий с 1456 по 1800 вышла Библия или ее части на 66 языках, в основном европейских. Первые 14 полных Библий из них: на латинском (1456), немецком (1466), итальянском (1471), нижненемецком (1478), каталанском (1478), чешском (1488), древнегреческом (1518), французском (1530), голландском (1522), английском (1535), шведском (1541), датском (1550), испанском (1553) и старославянском полная Библия, напечатанная в Остроге (1581). Что касается славянских языков, Библия или ее части в этот период были напечатаны в основном на языках католических славянских народов, хотя некоторые из переводов были подготовлены протестантами: на чешском языке (НЗ – 1475, Библия – 1488), белорусском (перевод частей Библии Франциска Скорины – 1517-1525), польском (НЗ – 1563, Библия – 1561), хорватском (НЗ –

1553, Библия – 1831), словенском (НЗ – 1577, Библия – 1584), верхнелужицком (НЗ – 1706, Библия – 1728), нижнелужицком (НЗ – 1709, Библия – 1796), прекмурском диалекте словенского языка (НЗ – 1771) и на словацком (Библия – 1832).

Период XIX века характеризуется появлением библейских обществ и интенсивной миссионерской деятельностью в регионах Азии и Африки. Первое Библейское Общество – Британское и Иностранное Библейское Общество появилось в 1804 г. с целью сделать Библию доступной широким слоям населения мира, переводя ее на новые языки и выпуская дешевыми, большими тиражами. Библия или ее отдельные части были переведены в XIX в., по существующим статистическим данным, на 451 язык, между ними полная Библия на бенгали (1809), китайский (1822), санскрит (1822), турецкий (1827), хинди (1835), амхарский (1840), урду (1843), яванский (1854), пушту (1895) и т.д. В этом веке напечатаны и первые переводы Нового Завета и Библии на языки православных славянских народов: на русский (первый Новый Завет – 1821; первая полная Библия – 1876), украинский (соответственно – 1880, 1903), болгарский (1840, 1864), сербский (1824, 1868), белорусский (1931, 1973), македонский (1967, 1990).

Сколь парадоксально это не звучало бы, но тот же самый перевод Библии на славянский язык, так много способствовавший развитию культуры славян, одновременно замедлял процесс вхождения и закрепления разговорного языка в литературе. Долгое время у православных народов славянского мира мы имели феномен диглоссии: в качестве литературного языка использовался церковнославянский язык, а в других сферах общения – язык данного народа. Именно это послужило одной из основных причин сравнительно позднего появления литературы на разговорном языке, а также позднего появления и самих переводов Библии на современный язык у славянских православных народов.

Двадцатый век характеризуется глобальной интенсификацией перевода Библии на новые языки, в основном на языки немногочисленных народов Латинской Америки, т.е. на индейские язы-

ки и на языки народов Азии и Африки. Так, если за первых 19 веков по Р.Х. Библия или ее отдельные части были переведены и напечатаны на 517 языках, то лишь за 93 года XX в. к этому числу добавилось еще 1545 языков. По некоторым данным, к 1993 году Библия была переведена полностью на 337 языков, только Новый Завет на 799 языков и отдельные части Библии на 926 языков. Всего – на 2062 языка, на которых говорит около 95 % населения земного шара. Последние 10 лет в среднем каждые 15 дней в свет выходит первый перевод Библии на некоторый язык, а в последние два три года даже чаще.

Здесь надо вспомнить еще одно очень значительное явление. В последние десятилетия в фокус библейской переводческой деятельности снова попадают языки многомиллионных народов, на которых Библия давно существует. Речь идет о так называемых переводах на «общий язык» (common language translations), как результат явления «социо-образовательных диалектов» (socio-educational dialects). Как известно, вследствие повышения уровня образования, интенсификации средств массовой коммуникации, урбанизации, технологизации, миграции населения и других факторов, исчезают региональные диалекты, а на их месте появляются социо-образовательные диалекты, как результат расслоения населения на категории разного социального и образовательного уровня. Прослеживается стремление новых переводческих проектов привести языки этих различных категорий населения «к одному знаменателю», т.е. к общепонятному языку коммуникации, к своего рода *lingua franca* внутри данного языка. Такие переводы уже существуют на английском, немецком, французском, китайском, испанском, свахили, японском, португальском и других языках.

Сегодня в мире Библия, либо впервые, либо повторно, переводится на не менее полутора тысяч языков.

А какое положение в библейско-переводческом плане занимает Россия и другие страны СНГ? По сравнению с другими странами мира, Советский Союз до 70-х годов был белым пятном. Две трети от общего числа языков, распространенных на территории

СССР, не имели до 1973 года ни одной опубликованной части Библии, приблизительно на 36 языках имелись только отдельные части Священного Писания и только на 9 языков была переведена полная Библия (на азербайджанский, армянский, белорусский, грузинский, латышский, литовский, русский, украинский, эстонский). В большинстве случаев эти переводы были сделаны в прошлых столетиях. Причина столь малому количеству переводов, конечно, не в недостатке кадров или желаний: во второй половине прошлого века в царской России проводилась блестящая работа по переводу Библии, а вместе с ней и другим видам культурной деятельности, связанной с переводами.

В отношении библейского перевода сегодня, перед богословскими и культурными кругами СНГ стоят две основные задачи: перевести Библию на языки, на которые она еще не переведена (полностью или частично — зависит от численности народа), и осуществить новые переводы на языки, на которые она уже была переведена, согласно духовным требованиям и культурным традициям современного читателя.

Существует история об одном ученом, который был принужден оставить занимаемый им пост профессора одного из европейских университетов. Когда же он наконец смог вернуться, то спокойно сел за свой стол, открыл бумаги, и, взглянув на собравшихся студентов, сказал: «Так на чем мы остановились? Продолжим». Так и мы, уважаемые коллеги, продолжим научную работу, связанную с переводом Библии, это дело общечеловеческой культурной и духовной ценности. Этим объявляю конференцию «Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты» открытой.

Вступительное слово

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский

Встреча переводчиков, лингвистов и богословов, занимающихся проблемами библеистики, важна и актуальна. С конца 70-х и особенно в 80-е годы в печати стали появляться новые переводы Библии, чуждые Священному Писанию, низкие по качеству, полные неологизмов и современных интерпретаций. Чтобы избежать подобных ошибок, переводчики Библии на русский и иные языки должны обращаться в своей работе к опыту библеистов XIX - начала XX в. А ими было сделано немало.

Позволю себе сделать краткий экскурс в прошлое, чтобы напомнить о традициях перевода Библии. Их не только нельзя забывать, но, напротив, стоит придерживаться.

Перевод текстов как Ветхого, так и Нового Завета на русский язык в XIX в. породил множество самых различных, часто даже полярных, мнений. Споры не ограничивались рамками научных дискуссий, но нередко имели и трагические последствия для некоторых переводчиков.

Было бы ошибкой объяснять эти споры только борьбой консерваторов и их прогрессивных оппонентов. основополагающие проблемы — какие выбрать правила и критерии для библейского перевода, как выразить тот или иной сложный для понимания современного человека стих, и прежде всего, какой текст взять за исходный — не были простыми и легко решаемыми.

Но споры помогли сделать вывод: перевод Священного Писания не может быть простым переписыванием текста с языка на язык. Это было бы грубой ошибкой для филологов и еще большей ошибкой для историков, знающих процесс переводов в иудейском и христианском обществе, а для церковных людей — кощунством над святыней.

Российское Библейское Общество, образованное в 1813 г., первоначально ставило перед собой цель миссионерского характера — издание Библии на всех языках неправославных народов империи. И в пользу этого никто не сомневался.

Предложение же президента общества обер-прокурора Священного Синода князя А.Н.Голицина, направленное на Высочайшее имя в феврале 1816 г. о том, чтобы «доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке», было встречено весьма осторожно.

Славянский Библейский текст, написанный святыми братьями Кириллом и Мефодием, имел уже многовековую историю и, несмотря на поздние и не всегда удачные изменения, был неотъемлемой частью духовной жизни всех слоев русского общества и воспринимался им через богослужение. Таким образом, русский текст мог быть только продолжением библейской русской традиции, а не ее новым качественным началом.

Это хорошо понимали в Священном Синоде, возложившем разработку правил для переводчиков на самого одаренного богослова своего времени — ректора Петербургской духовной академии архимандрита Филарета (Дроздова). В дальнейшем не все были согласны с правилами, предложенными святителем. Многим они казались искусственными и даже тенденциозными. Но цель была достигнута: архимандрит Филарет предложил гибкую модель — сочетание взятого за основу греческого перевода LXX, выполненного в дохристианскую эпоху, когда еще не было причин исказить текст, и Масоретского текста.

Закрытие Российского Библейского Общества 12 апреля 1826 г. приостановило централизованную научную работу по переводу Библии на русский язык. Но по своей инициативе ее продолжили протоирей Г.П.Павский и архимандрит Макарий (Глухарев). Их труды хотя и вызвали негативное отношение в церковных кругах (на что имелись, правда, объективные причины, особенно в отношении первого из них), но одновременно произвели и широкий общественный резонанс. Россияне проявили большой интерес к появлению понятного и общедоступного

текста Священного Писания, в необходимости которого уже не было сомнений. Кроме того, сложилась парадоксальная ситуация — русская интеллигенция, для которой славянский текст не был живым, читала священных писателей в немецком и французском переводах.

Результатом такого положения дел явилось решение Священного Синода от 10 сентября 1856 г. о возобновлении «с крайней осторожностью перевода Нового Завета на русское наречие, а потом постепенно и других частей Священного Писания».

Выполнение перевода было поручено профессорам четырех духовных академий: Петербургской, Московской, Киевской и Казанской. В каждой из них был образован специальный комитет, возглавляемый ректором. Подготовленные переводы посылались в Священный Синод, при котором была создана комиссия по их рассмотрению.

Немаловажно заметить, что переводы печатались в церковной периодике и становились предметом дискуссий, а все поступающие от читателей замечания внимательно изучались.

Таким образом, можно сказать, что длившийся около 20 лет перевод Библии был не только делом группы специалистов, но результатом работы всего российского общества, заинтересованного в русском переводе Библии.

И вот в 1876 г. вышло из печати долгожданное полное издание русской Библии. Но праздновать это событие оказалось преждевременным. Наряду с явными достоинствами «Синодального перевода» (как его стало принято называть), в нем оказались недостатки. Так казалось бы уже завершенная работа началась опять, но теперь уже в новом направлении.

Выявленное «несоответствие» между славянским и русским Библейскими текстами пробудило интерес к изучению первого. При преемнике митрополита Филарета (Дроздова) святителе Иннокентии (Вениаминове) в 70-х годах XIX в. был образован Комитет по использованию богослужебных книг по поводу усмотренных в них опечаток и неудобопонятных речений. С 1880 по 1885 гг. этот Комитет рассматривал замечания к переводам

текстов четырех Евангелий и внес конкретные предложения по их исправлению.

Одновременно ходатайства о подготовке и публикации научного издания славянской Библии стали приходиться и от ученых-лингвистов. В Священный Синод с подобными просьбами обратились в 1903 г. Съезд русских филологов-славистов и в 1910 г. Всероссийский археологический и археографический съезд, проходивший в Новгороде.

Важный вклад в изучение славянских рукописей и историю развития славянского библейского текста был сделан видными отечественными специалистами А.В. Михайловым, Г.Воскресенским и корифеем славянской библеистики И.Е. Евсеевым. Результатом их деятельности явилось учреждение в 1915 г. Библейской комиссии при Петербургской Духовной академии, которая, несмотря на сложности военных лет и революцию, просуществовала до 1927 г. (с 1918 по 1927 гг. – при отделе русского языка и словесности Академии наук).

И.Е. Евсеевым и его коллегами была проделана огромная работа, но в последующие годы по известным причинам она была приостановлена.

В недавнее время Библейская комиссия была возрождена. Но когда я, будучи в 70-80-х годах ректором Ленинградской Духовной академии, попытался в стенах духовной школы провести встречу богословов и представителей светской науки по проблемам библеистики, то получил резкий отказ советских властей. «Наука и религия – полярные явления и никто не позволит вам их соединять», – был ответ уполномоченного Совета по делам религий.

Но времена меняются. И сегодня я от имени Русской Православной Церкви, как председатель ОВЦС, одного из учредителей конференции, приветствую участников встречи, которая, верю, внесет весомый вклад в дело, начатое нашими предшественниками.

Хочу завершить свое выступление некоторыми размышлениями, которые прошу принять как советы пастыря и богослова.

Перед вами, переводчиками Библии на языки СНГ, стоят невероятные трудности. Ваши переводы, как правило, делаются с русского Синодального перевода. Следовательно — все его погрешности автоматически переходят в новые тексты. С другой стороны, я бы предостерег от прямых переводов с греческих изданий, особенно с критического Нестле-Аланда, который при всех его высоконаучных достоинствах может и должен использоваться только как справочник, а не как окончательный вариант для перевода. Благодаря русской культуре ваши будущие читатели уже знакомы со многими библейскими сюжетами, мыслями, нравственными заповедями, и поэтому будет ошибкой, минуя уже знакомый им материал, совершенно по-новому, в новых словах и выражениях предлагать текст Слова Божия.

Это еще раз доказывает необходимость изучения и издания научной славянской Библии, без которой, как было правильно аргументировано старой библеистической и лингвистической школой, невозможен качественный русский перевод, а следовательно, и дальнейшие переводы с него на другие языки.

Работа над переводом Библии должна органично включать в себя две неразрывные части — работу лингвиста-переводчика и богословское осмысление текста. В этом отношении приведу один пример: многие стихи Евангелия от Луки, почти все Евангелие от Иоанна, части I-го Соборного послания Петра написаны для богослужения и содержат срифмованные гимны, молитвы разных видов, проповеди, пророчества. Без учета этого перевод потеряет авторский колорит и станет сухим изложением текста.

Зная историю переводов Библии, надо подчеркнуть (на это еще в начале прошлого века указывал митрополит Филарет), что ни один из текстов — будь то самый употребляемый перевод LXX, Масоретский текст, иные древние или более поздние переводы, включая перевод Кирилла и Мефодия и более поздние его славянские варианты вплоть до елизаветинской Библии — никогда не был канонизирован Православной Церковью. В этом смысле единственного «подлинника» для перевода Библии нет и быть не может. Выбор текста для перевода требует обязатель-

ной богословской подготовки. Желаю всем участникам конференции успехов и надеюсь, что такие встречи помогут решить многие проблемы библеистики.

Вступительное слово

Е.П.Челышев, академик-секретарь ОЛЯ РАН

Впервые об Институте перевода Библии в Стокгольме я узнал, получив в подарок к 1000-летию Крещения Руси переизданную Институтом к этой знаменательной дате трехтомную «Толковую Библию или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета» под редакцией известного русского ученого-богослова профессора А.П. Лопухина, впервые вышедшую в свет в Петербурге в 1904 г. Распространение в Советском Союзе этого издания в те дни стало знаменательным событием в духовной жизни нашей страны. Оно способствовало оживлению и активизации у нас изысканий в области духовной культуры, пробуждению интереса к вопросам богословия, что нашло отражение в названии нашей конференции.

Без преувеличения могу сказать, что это событие сыграло также большую роль в преодолении бездуховности, в нравственном оздоровлении нашего общества. Лишь совсем недавно мы начали осознавать, какой ущерб был нанесен нашей стране запретом на Библию. Идеологические наставники в своей антирелигиозной пропаганде не уставали всячески дискредитировать Священное Писание. Приведу лишь одно весьма характерное суждение такого рода: «Научная критика Библии показала полную несостоятельность церковных учений о ней... Наивные, антинаучные библейские представления о мире и все содержание Библии, выдаваемые церковью за “священные” предписания, которыми каждый человек должен руководствоваться в своей жизни, широко используются церковной организацией и эксплуататорскими классами для затемнения сознания трудящихся и увековечения классового неравенства» (Б.С.Э., 1950, т. 5, с.158). Вместо Библии в нашей стране огромными тиражами много раз переиздавалась

спекулятивная книжка Ем. Ярославского «Библия для верующих и неверующих», искажающая подлинный смысл Священного Писания. Было широко распространено рассмотрение Библии лишь как литературного памятника древнееврейской литературы. Критическая оценка Библии нашла, например, отражение в сравнительно недавно изданном университетском учебнике «Литература Древнего Востока» (1971), где отмечается, что «иудейское и христианское духовенство черпает из Библии примеры и наставления для воспитания своей паствы в духе повиновения власти имущим» (Д. Г. Редер).

С иных позиций рассматривает Библию и ее моральный кодекс А. П. Лопухин. «Главной чертой, отличающей Св. Писания Библии от всех других литературных произведений, сообщающей им высшую силу и непререкаемый авторитет, служит их богодуховность. Под нею разумеется то сверхъестественное, божественное озарение, которое, не уничтожая и не подавляя естественных сил человека, возводило их к высшему совершенству, предохраняло от ошибок, сообщало откровения, словом — руководило всем ходом их работы, благодаря чему последняя была не простым продуктом человека, а как бы произведением самого Бога. ... но эта “богодуховность” Св. Писания и его авторов не простиралась до унижения их личных, природных особенностей: вот почему в содержании св. книг, в особенности в их изложении, стиле, языке, характере образов и выражений мы наблюдаем значительные различия между отдельными книгами Св. Писания, зависящие от индивидуальных, психологических и своеобразных литературных особенностей их авторов» (т. 1, с. IV-V). Ученый-богослов, таким образом, далек от трактовки Библии только лишь как канонического произведения, он рассматривает ее как высокохудожественную литературу, созданную многими авторами древности, восхищающими нас и сегодня своим талантом, оказавшую огромное влияние на всю художественную культуру человечества.

Приближается пятилетие плодотворного сотрудничества Российской Академии наук, осуществляемого в рамках Отделения литературы и языка, с Институтом перевода Библии в Сток-

гольме. Соглашение, подписанное между ОЛЯ РАН и Стокгольмским Институтом перевода Библии, реализуется на практике, правда, не так эффективно, как было задумано, чему препятствуют трудности переходного периода в России, перевод нашей науки и образования на «голодный паек», скудность средств, выделяемых на организацию филологических исследований. Тем не менее, все это не является непреодолимым препятствием. Деятельность наших ученых, их научный потенциал подкрепляется финансированием со стороны Стокгольмского Института перевода Библии. Создается дружный, хорошо взаимодействующий коллектив, в котором главную организующую роль играет д-р Борислав Арапович со своими неутомимыми зарубежными коллегами, которые за эти годы стали близкими по духу и интересам нашими соратниками, участниками общего дела.

Работа по переводу Библии на языки народов России и стран СНГ, инициированная Стокгольмским Институтом, поддержанная Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, совпала с нашими научными интересами, открыла новое направление в отечественной историко-культурной и лингвистической науке. В эту работу включаются наши ученые, знатоки тех языков, на которые осуществляется перевод Нового Завета, перед которыми была поставлена нелегкая задача найти в своих языках адекватные средства выражения новых понятий, связанных с христианской культурой.

Мы надеемся, что на нашей конференции они поделятся опытом своих лингвистических изысканий. Закономерно поэтому, что одно из главных направлений нашей конференции обозначено как «Лингвистические аспекты перевода Библии».

Известно, что библейские темы оказали огромное воздействие на развитие мировой культуры, обогатили ее образами и сюжетами, наполненными высоким гуманистическим содержанием, идеалами высокой нравственности, торжеством сил добра над силами зла. И под этим углом зрения следует рассматривать историко-культурное значение перевода Библии, о чем, в частности, писал в своем введении к упомянутой выше трех-

томной Библии русский ученый-богослов А.П. Лопухин, что также обозначено в качестве одной из задач нашей конференции. Однако и эта сторона библейской культуры зачастую находила превратное толкование в работах ряда советских ученых. «Так, религиозная образность, пронизывающая Библию, часто становилась реакционной формой эстетического воспитания широких народных масс», — пишет М.С. Беленький в «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1962, т. 1, с.608).

Сегодня вряд ли кого-то могут убедить подобного рода догматические суждения. Перевод Библии открывает перед всеми теми, кто был от нее оторван, широкие возможности понимания многих шедевров мировой культуры, расширяет их культурный и нравственный кругозор, вводит в мир прекрасного, возникшего на библейской культуре.

Переосмысленные библейские сюжеты, возвеличивавшие человека в его земной жизни, породили искусство эпохи Возрождения. Причудливым смешением образов библейской религиозной мифологии с персонажами античной истории и портретами современных политических деятелей отличается «Божественная комедия» Данте. Своеобразной интерпретацией мифов об Адаме и Еве, о падшем ангеле мятежном Люцифере предстает поэма Мильтона «Потерянный рай». Титаническими чертами героя наделяет Клопшток библейского законодателя Моисея в своей эпопее «Мессиада». На библейских сюжетах основывается философская трагедия Гете «Фауст», пафос веры, величие человеческого духа в сочетании с любовью к жизни и ее красоте пронизывают стихи Байрона «Дочь Иевфая», «У вод вавилонских». Миф-новеллу об Иосифе Прекрасном положил в основу своего романа «Иосиф и его братья» Т. Манн.

Русский придворный театр открылся в XVII в. постановкой библейских мифов о Юдифи и Данииле. Библейская тематика находится у истоков русской светской литературы XVII в. Например, «Комедия об Юдифи» Симеона Полоцкого, «Переложение псалма», «Ода, выбранная из Иова» Ломоносова, «Праведный судья» Державина. Нельзя не заметить, что в советском

пушкиноведении делался акцент на юношеских пародийно-сатирических стихах поэта на библейские темы и замалчивался его углубленный интерес к религиозно-библейской тематике в зрелом возрасте. Библейские мотивы встречаются в некоторых произведениях Толстого и Достоевского. Особенно ярко эти мотивы проявляются в русской поэзии серебряного века и т.д.

Библейская тема обогатила мировое искусство, многие художники и скульпторы изображали Авраама и Сарру, Моисея и Давида и других героев и сюжеты, заимствованные из Библии, то же можно сказать и о музыкальном искусстве.

Обращение к Библии характерно не только для европейских стран, но и для Востока, стран исламской культуры. Библейские сюжеты и образы, проникшие в Коран, обогатили художественную культуру многих народов Востока, вошли в творчество иранских классиков Джамии и Саади, выдающегося арабского поэта аль-Маари, индийских классиков Амира Хосрова Дехлеви, Мухаммада Икбала и многих других.

Сюжеты и идеи Библии находят отклик не только в исламской культуре. Я начал свою научную деятельность, как известно, с индологии и первые же мои индологические занятия еще в аспирантуре имели непосредственное отношение к Библии. И это неудивительно, так как у источников филологической науки и литературы нового времени в Индии были христианские миссионеры. «Стремление христианских миссионеров перевести Библию на все существующие языки, — писал Дж. Неру, — привело, таким образом, к развитию многих индийских языков. Деятельность христианских миссионеров в Индии не всегда была замечательной или достойной похвалы, но в этом отношении, так же как и в сборе фольклора, они несомненно оказали большую услугу Индии» (Дж. Неру. «Открытие Индии», 1955, с. 340).

Не имея возможности в кратком вступительном слове подробно остановиться на этом увлекательном сюжете и важной научной проблеме, ограничусь лишь некоторыми замечаниями, имеющими отношение к теме нашей конференции. Христианские миссионеры, прибывшие в Индию сразу после за-

воевания португальцами ее западного побережья, понимали, что для распространения среди местного населения идей Священного Писания они должны были обращаться к нему на местных языках. Отец Томас Стефанс в конце XVI - начале XVII в. был первым, кто воспроизвел Библию в свободном изложении на языке маратхи под названием «Криста Пурана», следуя традициям языка и стиля классической маратхской литературы. Это сделало его произведение широко популярным в Махараштре. В начале XVIII в. перевод Библии на тамильский язык был осуществлен немецким протестантским миссионером Цайганбалгом и отпечатан на типографском станке, специально привезенном в Мадрас из Германии.

Вслед за португальцами в Индию пришли англичане, основавшие наряду с военными поселениями и торговыми факториями в Калькутте Серампурскую христианскую миссию при форте Вильям. Среди английских миссионеров было немало образованных людей, внесших неоценимый вклад в распространение в стране новой системы образования, организовавших типографии, миссионерские заведения. Особенно большим авторитетом и любовью среди местного населения пользовался английский миссионер Уильям Кэри, автор первой грамматики бенгальского языка и англо-бенгальского словаря, инициатор перевода и публикации Библии на бенгальском языке. Серампурская миссия издавала Библию и на других индийских языках. Так, например, в 1813 г. вышел перевод Нового Завета на языке ассам и т.д.

Однако далеко не все европейские миссионеры следовали традициям Уильяма Кэри. Среди них были также проповедники, которые пренебрежительно относились к индийской национальной культуре и свою миссию рассматривали как освобождение индийцев от варварства и язычества. До нас дошла и такого рода литература. Например, трактат дона Антонио — бенгальца, обращенного в католичество, одно название которого говорит о его идейной направленности: «Диалог между правочерным индусским брахманом и римско-католическим миссионером о превосходст-

ве христианства над индуизмом». Именно такого рода деятельность миссионеров весьма критически оценивал Неру в приведенной выше выдержке из книги «Открытие Индии».

Нет сомнений, что многим переводчикам-миссионерам Библии на индийские языки приходилось решать лингвистические проблемы, сходные с теми, которые решают сегодня наши переводчики в поисках лингвистических средств для адекватного выражения понятий христианской духовной культуры в языках, где эти понятия отсутствуют.

Мне приходилось анализировать переводы Библии на индийские языки. Переводчики там шли двумя путями: либо пытались найти в санскрите — языке индуистской религиозной культуры — близкие по значению библейским понятиям слова и выражения, что неизбежно вело к индуизации библейского текста; либо прибегали к описательным методам перевода. Прямых заимствований библейских терминов, как правило, они не допускали.

И, наконец, важно отметить, что с переводов Библии в Индии началось знакомство с западной культурой. Библия как бы открывала перед индийцами неведомый для них мир с новыми, иногда в корне отличающимися от их собственных духовными ценностями, моральными принципами, этическими законами, эстетическими идеалами — словом, со всем тем, что способствовало зарождению и развитию новой индийской литературы. «Интересно отметить,— пишет известный индийский ученый Нагендра,— что рвение европейских миссионеров при насаждении в нашей стране христианства до какой-то степени способствовало развитию ранней бенгальской прозы».

Библейские образы и сюжеты оплодотворяли творчество индийских писателей — зачинателей новой литературы, деятелей так называемого индийского возрождения, берущего начало в Бенгалии в середине XIX в. Так, например, героическая поэма «Гибель Мегхнада» (1861) поэта и драматурга Модхушудона Дотто создана под влиянием «Потерянного рая» Дж. Милтона, которого Дотто считал «поэтом божественным». Такого рода примеров в индийской литературе довольно много. Исто-

рия переводов Библии привлекала к себе многих исследователей. По этой проблеме существует большая литература, но еще осталось много неизвестного, малоизученного, требующего нового взгляда и оценки. Именно поэтому наша конференция выходит далеко за рамки российских региональных интересов и затрагивает широкий круг вопросов, связанных с общей проблемой теории и практики перевода Библии на иностранные языки.

Я надеюсь, что наша конференция во всех ее аспектах подведет итог проделанной работы, ведущейся с благословения Русской Православной Церкви в рамках сотрудничества РАН с Институтом перевода Библии в Стокгольме, наметит новые пути лингвистических и культурологических исследований, ведущихся в рамках библейской проблематики, и этим самым внесет свой вклад в дело возрождения России.

РАЗДЕЛ II

**Библейский перевод
в христианской традиции**

Перевод Библии со времен ранней церкви до наших дней

Лорд Дональд Когган, архиепископ Кентерберийский с 1974 по 1980 гг.

«Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего» (Гал. 4:4). Божьи часы всегда идут точно. Никогда не отстают, никогда не забегают вперед. Они пробили свой час, когда пришло время величайшего события в человеческой истории — время рождения Сына Божия. Когда «слава о величии Римского мира» распространилась до пределов ойкумены, когда римляне построили свои знаменитые дороги, которые и сослужили позже добрую службу распространению Евангелия, когда на огромной территории греко-римского мира появился язык, понятный для большинства, — тогда, и ни днем раньше, явился Христос.

Пожалуй, самым значительным фактором из всех, что повлияли на приближение назначенного часа («полноты времени»), было распространение греческой койнэ, понятной для большинства людей того времени. И хотя первоначально христиане говорили на семитских языках, и Иисус говорил со своими учениками на арамейском, — Новый Завет написан на греческом. По всей вероятности, Иисус знал греческий, поскольку Ему приходилось общаться с торговцами и т.д., однако Его родным языком был все же арамейский. Кое-какие арамейские вкрапления сохранились в текстах Нового Завета, например, *аминь*, *авва*, *талифа куми* («девочка, встань»), *маранафа* («гряди, Господь!»). Но это не все. Задолго до рождения Христа, задолго до рождения христианской Церкви — начали свою работу переводчики. В III в. до Н.Э. иудейская Библия (Закон, Пророки и Писания) были переведены с

еврейского (и арамейского) на греческий. Создание этого перевода было необходимо по двум причинам:

1. Иудеи в то время были рассеяны по всему свету. Греческим они владели зачастую гораздо лучше, чем еврейским или арамейским. И поэтому, чтобы понимать Писание, им нужно было иметь его на языке их повседневного общения.

2. Территорию греко-римской империи населяло огромное количество не-евреев, которые видели в иудаизме разумную веру. Политеизм не слишком привлекал их. Многие лучшие умы обращались к вере пророков, которая несла в себе столько мудрости и здравости. Однако было бы странно ожидать, что эти люди будут учить еврейский. Им был нужен перевод на греческий. Так появилась Септуагинта.

Таким образом, мы увидели, что перевод Библии начался задолго до рождения христианства.

Юная христианская церковь с самого начала была миссионерской. Она пошла в мир с Книгой в руке, с иудейской Библией, переведенной на греческий язык, и Новым Заветом, который в конце концов весь оказался написанным на греческом. Для большинства людей, живущих в районе бассейна Средиземного моря, это был самый приемлемый язык.

Но вместе с тем встречались местности, где греческий все же не был для людей *lingua franca*. Например, в районе Эдессы (современная Урфа, Турция) упорно сохранялся древнесирийский язык. Это был своего рода двоюродный брат арамейского, но более маневренный, более гибкий, чем арамейский, способный с большей легкостью передавать абстрактные идеи. В некоторых местностях говорили и писали на латинском, кое-где сохранялось использование египетского, особенно в литургических целях. Что же было делать в этих условиях церкви? У нее был выбор. Она могла махнуть на все рукой, оставив лишь самым образованным возможность понять основные документы веры и литургической службы церкви. ИЛИ дать людям эти документы на их собственных языках, чтобы тексты звучали во время церковных литургий, чтобы люди могли размышлять и изучать их за стенами церкви.

Церковь не стала долго раздумывать. Разве могла она выполнить заповедь Господню о проповеди Евангелия по всему миру, всем народам, не переведя основных документов веры на языки этих народов? Так появились самые ранние сирийские переводы (Диатессарон появился во II в., так же, как и древнесирийский, — хотя Пешитто, переработка более ранних текстов, ставшая общей версией на всей территории распространения сирийского языка, появилась лишь в V в.). Так появились переводы на латинский, коптский и египетский языки, которые впоследствии сослужили добрую службу текстологам, специалистам в области критического изучения текстов Нового Завета.

Несомненно, самым влиятельным из всех переводов стал перевод Библии на латинский — Вульгата. Примерно в 382 г. н.э. папа Дамасий поручил Иерониму пересмотреть латинские тексты Библии и сделать полный перевод. Иероним провел над этой работой около 20 лет. Он знал греческий, но выучил еще и древнееврейский, чтобы иметь возможность сравнивать греческий текст Септуагинты с оригиналом и составлять независимые суждения. Вульгата, завершенная к 405 г. н.э., стала стандартной версией Западной церкви. Ее влияние, несмотря на все ошибки и неточности, вряд ли можно переоценить. (Одна из таких ошибок, оказавшая страшное влияние на богословие и религиозную практику средних веков, перевод Иеронимом понятия «каяться». Он перевел глагол сочетанием *poenitentiam agere*, «нести покаяние, делами заглаживать вину». Разумеется, этот перевод бесконечно далек от смысла, вкладываемого в еврейское *teshuvah*, что значит «вернуться, обратиться в противоположную сторону». Еще меньше этот перевод отражает смысл греческого *metanoia*, что означает перемену сознания, отношения. Перевод Иеронима сместил акцент на дела и неудивительно, что в конце концов привел к появлению учения об индульгенциях.)

Литургия в церкви проходила на латинском, Писание читалось на латинском. Однако с течением времени латинский язык все больше становился привилегией ученых людей. Простые люди понимали его все меньше. Существует предостаточно свиде-

тельств, указывающих, что даже из священников многие не понимали того, что произносили на латинском во время литургии и чтения Писания. Невежество церковнослужителей, не говоря уже о невежестве мирян, часто достигало крайней степени. Такое невежество оставляет глубокий след на любой религии, но самым чудовищным образом оно сказалось на жизни христианства, религии, Писания которой начинаются с созидającego слова Божия и достигают кульминации, когда Слово облачается в плоть, Писания которой оживают, когда Дух Божий дышит на страницы, вживляя прочитанное в сердце верующего.

Итак, необходимость появления новых переводов нельзя переоценить. Упомяну лишь несколько выдающихся примеров такой переводческой работы, ограничившись английскими переводами.

Вспомним, например, Беду Достопочтенного, который перевел Евангелие от Иоанна, заканчивая последние стихи уже на смертном одре в тюрьме Джароу, недалеко от Дарема, в 735 г. н.э. Вспомним Джона Виклиффа из Оксфорда, который вместе с другими перевел полную Библию под натиском сильнейшей оппозиции. Он умер в своей постели 1384 г., однако позже его тело было эксгумировано, сожжено, и прах был брошен в реку Свифт. «Итак, — писал в 1655 г. Томас Фуллер по поводу этого события, — Свифт вынес его прах в Эйвон, Эйвон — в Северн, Северн — в море, море — в бассейн мирового океана. Теперь прах Виклиффа стал символом его учения, которое распространилось по всему миру».

Вильяму Тиндалю, 500-летний юбилей которого мы празднуем в этом году (1994), не повезло так, как Виклиффу. Его не оставяла мечта, чтобы самый обычный человек, даже простой пахарь, мог иметь доступ к Писанию, если оно написано на языке, понятном для него. Большую часть своей непродолжительной жизни (умер в возрасте 42 лет, в 1536 г.) он провел вдаль от дома, чтобы иметь возможность делать перевод Библии с лучших источников, к которым у него был доступ в то время. Он был потрясен невежеством многих клириков. Будучи ученым, первоклассным лингвистом, он приложил все силы, чтобы создать точный,

доступный для понимания перевод Нового Завета. Подсчитано, что около 90% перевода Тиндаля было оставлено без изменения в Авторизованной версии (Authorised Version), которая оставалась «стандартной» версией на протяжении двух — трех столетий, вплоть до конца прошлого века. Тиндаль очень тонко чувствовал семантические оттенки лексики английского языка, он сумел облагородить простой, домашний язык, возвести его до высот божественного откровения. Мы в огромном долгу перед ним. Многие выражения из его перевода проникли в повседневный язык и стали крылатыми. Мы используем их, не задумываясь, кому мы обязаны их появлением в нашем языке: «в Нем мы живем и движемся и существуем»; «ешь, пей, веселись»; «перенесшие тягость дня и зной»... Давид Даниель в недавно вышедшей биографии Вильяма Тиндаля (Yale University Press, 1994) заявляет, что «ни один англичанин, даже Шекспир, не сумел так сильно повлиять на людей».

Авторизованная версия (более известная под названием Библии короля Иакова) появилась в 1611 г. Перевод явился плодом труда шести комитетов, два из которых работали в Оксфорде, два в Кембридже и два в Лондоне. Бесспорно, главная роль в создании этого перевода принадлежала епископу Ланселоту Андриюсу. Под его руководством комитеты собирались в Иерусалимской Палате рядом с Вестминстерским Аббатством (здесь же проводилось и дальнейшее редактирование текста).

Были и другие переводы — самого разного уровня. Но Авторизованная версия практически не имела конкурентов вплоть до появления Пересмотренной версии (Revised Version) 1885 и 1895 гг. Это был хороший перевод, но он появился слишком рано, до того, как в песках Среднего Востока были найдены некоторые важные папирусы и остраконы. Приведу всего лишь один маленький пример, доказывающий важность сделанных находок: в Евангелии от Луки 15:13 написано, что блудный сын забирает все, причитающееся ему по наследству от отца, и идет в дальнюю сторону. Из папирусов мы узнали, что слово означает «перевести имущество в наличные деньги». Вот что было нужно в дальней стороне, вот с чем блудный сын чувствовал себя уверенно!

Двадцатый век стал свидетелем появления чрезвычайного количества новых переводов, выполненных как отдельными людьми (такими как Гудспид, Моффатт, Баркли, Нокс), так и группами ученых (Иерусалимская Библия [The Jerusalem Bible], 1966; Новая Международная Версия [The New International Version], 1978). Новый Завет Новой Английской Библии (The New English Bible New Testament) появился в 1961 г., а полная Библия — в 1970 г. Эта работа, ставшая плодом совместных усилий многих первоклассных ученых, в первую очередь обязана своим появлением Ч.Х. Додду и Дж.Р. Драйверу. Исправленная Английская Библия, вышедшая в свет в 1989 г., явилась построчной проверкой Новой Английской Библии. В работу были вовлечены представители различных христианских конфессий. Она была выполнена со всей тщательностью и памятованием о нужде современной церкви в переводе, который бы мог легко читаться во время богослужений.

Таким образом, из всего вышесказанного вытекает вывод: переводить Библию — значит делать то, что делала христианская Церковь с самого ее рождения. Это факт, не вызывающий сомнений. Участвовать в такой работе — значит исполнять одно из важнейших назначений Церкви — доносить до людей всех языков, цветов и культур чудесную весть о Божьей милости. Это значит продолжать день Пятидесятницы, день сошествия Святого Духа, день, когда люди могут сказать: «слышим, как они говорят на наших языках о великих делах Божиих» (Деян. 2:11). И если мы исполняем этот труд — Дух Святой, Бог истины, делает нас Своими соработниками.

Работа эта не может закончиться. Невозможно создать последний перевод. Языки меняются. Слова со временем изнашиваются и им на смену приходят другие. Например, слово *charity* в XVII в. было самым сильным словом со значением «любовь». Теперь это слово может употребляться, когда речь идет о милостыне для попрошайки на улице. *Take no thought...* (букв. «не думайте ни о чем») для англичанина XVII в. значило «не заботьтесь». Сегодня эти слова приобрели совсем иной смысл. Слова ветшают. Язык — это живой организм. А жизнь подразумевает смерть.

Если вы спросите переводчика, почему он, зачастую в ущерб себе, продолжает работать над выполнением этого бесконечного задания, то услышите, что причины кроются в его теологических и религиозных убеждениях. Он делает это для человечества, потому что верит в Бога. Если вы будете расспрашивать его далее, то услышите, что осознание двух качеств Божьего естества дает ему желание и силы работать:

1. *Бог есть любовь.* Одним из сильнейших желаний влюбленного является желание общаться с объектом своей любви. Общение может происходить по-разному, например, через прикосновение или взгляд. Но чаще всего через *слово*. И Библия много говорит о таком общении Бога и человека. На мой взгляд, сущность Библии можно выразить фразой – «Бог, Который говорит». Первые главы книги Бытия повествуют о *созидающем* слове Бога. Позже на страницах Писания мы встречаем *пророческое* слово Бога, слово предостережения и обетования. В Евангелии от Иоанна мы видим *воплощенное* Слово, Иисуса, свет и жизнь людей. Мы видим Слово, ставшее плотью и обитавшее среди нас (Ин. 1:14), открывшее сокровенные глубины Божьей любви (Ин. 1:8). В Писании мы находим великое, слово-центричное откровение.

2. *Бог есть истина.* Если сказанное выше верно, то слова имеют великую ценность, силу, святость. С ними нужно обращаться благоговейно, со всей осторожностью и внимательностью. В служении слову необходимо учитывать все достижения науки. По мере накопления знания переводчикам нужно усваивать его и применять в своей работе. У Тиндаля был доступ к знаниям, к которым не было доступа у Иеронима, когда тот работал над Вульгатой. Редакторы конца XIX-начала XX в. имели доступ к знаниям, открывшимся людям только после находки папирусов и остраконов. Знанием нельзя пренебрегать. Его обязательно нужно учитывать. Оно помогает людям яснее видеть свет истины. Книга, которая, как мы верим, содержит откровение Бога любви, истины и красоты, сама должна стать образцом, свидетельствующим, что религия и поэзия, религия и кра-

сота – неразделимы. А что Бог соединил, человек да не разлучает.

В переводческой работе должны объединиться в святом союзе вера и наука. Усилия этого союза становятся приношением Богу. Приношением молитвы – поскольку переводчик и перевод целиком зависят от Духа истины; приношением ума – благоговением перед старым и открытостью новому – да будут точность и простота путеводной звездой на этом пути; приношением чувств – прежде всего, чувства прекрасного, чувства языка.

Трижды блаженны те, кто работает так.

Библейский перевод как форма религиозной деятельности

А.А.Алексеев, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона –
Гордись, таков и ты, поэт,
И для тебя закона нет.*

Мало кто знает, что приведенные строки Пушкина из неоконченной поэмы «Езерский» представляют собою развернутое переложение короткого пассажа из книги Притч 30:18-20 с добавлением элементов из нескольких других мест Священного Писания (Прит. 5:10-11, 14; Пс. 1:4; Еккл. 1:6, 11:5), а также некоторых сторонних мотивов (Дездемона, поэт). Тот священный трепет, который охватывает сегодня русского читателя при чтении этих бессмертных стихов, охватывал и слушателей Псалтыри, Притчей, Екклесиаста, Евангелия от Иоанна, посланий апостола Павла. Тексты Библии не только душеспасительны, почти все они представляют собою первоклассные образцы литературного творчества на еврейском и греческом языках. Согласно современной теории

библейского перевода, точный перевод — его называют также функциональным переводом — должен вызвать в современном читателе тот самый священный трепет, который он вызывал у слушателей пророков и апостолов¹. В отношении того эмоционального воздействия, которое оказывает на слушателя произведение языкового творчества, Пушкин точнее передает библейский оригинал, чем многие библейские переводчики, хотя Пушкин далек от намерения переводить Священное Писание.

Мало кто знает, что при создании своего переложения Пушкин пользовался французским переводом Священного Писания², как пользовался он французским текстом и в других случаях обращения к Библии. Такие случаи были нередки и крайне значительны по своим результатам в последнее десятилетие жизни великого поэта³.

Следует напомнить и о том, что другой великий русский поэт — Ломоносов — обращался к немецкому тексту Лютера при своих переложениях из Священного Писания, которые оказывали столь сильное впечатление на его современников⁴. Такого рода факты можно рассматривать как свидетельство кризиса русской культуры в XVIII-XIX вв. Нельзя представить себе Шекспира без английского перевода Священного Писания, известного под именем короля Иакова (King James Version, 1611), трудно оценить потери русской культуры в ту эпоху, когда не было перевода Священ-

¹ Waard, J. de and E.A.Nida. *From One Language to Another: Functional Equivalence in Bible Translating*. Nashville; Camden; New York: Thomas Nelson Publishers, 1986. p. 14.

² На библейский источник вышеприведенных стихов Пушкина и использование им французского перевода впервые указано в докладе Н.М.Ботвинник «Зачем крутится ветер в овраге...» (Библейский источник пушкинского текста) // Крымская научная конференция «Пушкин и Крым», 24-29 сентября 1989 г., Тезисы докладов / Симферополь, 1989. С. 106-107.

³ См., в частности, полезный библиографический обзор: Дмитриев А.П. Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет // Русская литература. 1995. №1. С. 255-269.

⁴ См.: Unbegaun B. Lomonosov und Luther // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 24. 1970.

ного Писания на русский литературный язык. Характерно, что самый «религиозный» по своей тематике русский писатель – Достоевский – держал у себя на столе именно русский текст Нового Завета в издании Российского Библейского Общества 1823 г.⁵ Издание это, как мы знаем, было большой редкостью после закрытия Общества в 1826 г. и уничтожения части тиража.

Оконченный печатанием в 1876 г. полный текст Библии на русском языке произвел громадный сдвиг в русской культуре, можно сказать, что именно он обеспечил в конце прошлого столетия развитие богословия в России. Однако критика этого перевода, последовавшая тотчас за его появлением, также была довольно острой. Она касалась прежде всего предпочтения, отданного при переводе Ветхого завета еврейскому Масоретскому тексту перед греческим, интерпретации отдельных мест, а также языка перевода, который, по замечанию проф. И.Е.Евсеева, еще не знает великой русской литературы – Пушкина, Толстого, Достоевского, в котором отразился юридический, чуждый благодати подход к богословским истинам⁶. Сухость, эмоциональная бедность Синодального перевода были результатом того, что труд выполнялся большим коллективом переводчиков и редакторов: часто для единства коллективной работы приходится жертвовать индивидуальными пристрастиями, что значит прежде всего отказ от эмоциональности, экспрессивности. Господство государственного подхода к Церкви и вере, столь характерное для русского самодержавия, также сказалось на конечном результате сложного труда. Крупнейший русский богослов эпохи проф. Н.Н. Глубоковский собрал обширный список поправок и изменений, он увидел свет за подписью обер-прокурора Священного Синода К.И. Победоносцева⁷, известного своим консерватизмом. Социальный кризис конца прошлого и начала нынешнего столетия, затем революция

⁵ Эта книга с пометками владельца находится в музее-квартире Ф.М.Достоевского в Санкт-Петербурге.

⁶ Евсеев И. Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии. Пг., 1916. С. 7-9.

⁷ Протоиерей Владимир Сорокин.

сделали ревизии, переработки Синодального перевода невозможными. Вот уже столетие с лишним он сохраняет свою форму, создавая у неопытных людей представление, что монументальная неизблемость была задумана его создателями и заслуживает в силу времени едва ли не канонизации.

Невозможность работы над новыми переводами в силу политических причин, как это было в России в XX в., не должна вызывать представления о том, что это затишье является знаком религиозного благополучия. Стоит лишь бросить беглый взгляд на историю переводов Библии, чтобы отметить некоторые характерные для нее закономерности, которые могут быть полезны для оценки сегодняшней ситуации в России.

Нетрудно заметить, что наибольшая активность библейской переводческой деятельности приходится на эпоху распространения христианства. Для каждого народа эта эпоха имела разные исторические сроки. В первые века христианства были выполнены переводы на латинский, сирийский, коптский, армянский, грузинский, эфиопский языки; затем появились переводы на готский, арабский и церковнославянский. Важной чертой этих ранних переводов является то, что их появление непосредственно связано с установлением литургии на данном языке. Вполне четко эта закономерность выявляется в случае со славянами. Обращение в Константинополь с просьбой прислать христианскую миссию исходило не из той части славянского мира, которая утопала во тьме язычества и простиралась на громадных просторах от Адриатики до Белого моря, а из Моравии, которая в тот момент была единственной славянской землей, населенной христианами. Следовательно, начатый свв. Кириллом и Мефодием перевод ставил перед собою в тот момент не апостолические, не миссионерские задачи, а задачи церковно-литургические. Называя святых братьев апостолами славян мы должны помнить, что апостолическое, миссионерское использование их труд получил позже, в ходе христианизации славянского мира.

Особым путем эта закономерность проявляется и в истории текста Священного Писания на латыни. Первоначальный древ-

ний перевод на латинский язык, который мы называем сегодня *Vetus Latina* или *Itala*, появился в I-II вв. христианской эры, однако лишь в эпоху папы Дамаза (366-384 гг.) благодаря его усилиям целиком оформляется латинское богослужение. Как хорошо известно, одновременно под влиянием того же римского первосвященника блаженный Иероним Стридонский осуществляет новый перевод Священного Писания на латынь — Вульгату.

Ярко выделяется и привлекает к себе постоянный интерес могучий всплеск переводческой активности, который наступил в Европе в эпоху Реформации. Для реформационных переводов характерен полный отказ от латыни в качестве оригинала: Ветхий Завет переводится с еврейского, Новый Завет — с греческого. Лучшими представителями этого типа перевода являются Немецкая Библия Мартина Лютера (в 1522 г. публикуется Новый Завет, в 1534 г. вся Библия), Библия короля Иакова (1611 г.), чешская Кралицка Библия (1570-е гг.). Появление этих переводов было обусловлено резкими сдвигами в христианской догматике, характерными для протестантского богословия. Библия теряет свое значение и назначение литургического текста, оставаясь источником личного религиозного опыта. Но эти бурные события оставляют в тени то обстоятельство, что у названных переводов были многочисленные предшественники.

Первый немецкий библейский текст неполной сохранности относится к 748 г., это так называемый *Mondseer Fragmenten*. От IX столетия сохранилась немецко-итальянская гармония Евангелий Виктора из Капуи. В IX-XI вв. осуществлен ряд переводов Псалтыри на различные немецкие диалекты, среди них перевод знаменитого Ноткера (около 950-1022 гг.) из монастыря св. Галла. Виллирам фон Эберсберг (1085 г.) перевел Песнь Песней. Подстрочные латинско-немецкие переводы Нового Завета появляются в VIII в., они многочисленны в IX в. Общее число рукописных немецких библейских текстов доходило до трех тысяч. Первое печатное издание немецкой Библии было осуществлено в Страсбурге в 1466 г., следующие вышли в 1470, 1475, 1483 гг., всего же до Немецкой Библии Лютера было опубликовано 34 издания, содержа-

щих отдельные книги на немецком языке; кроме того, было опубликовано не менее 20 служебных книг с библийскими чтениями. Все это были переводы с латыни⁸.

Сходную картину мы видим в истории английских библийских версий. Древнейший перевод Псалтыри датируется 778 г. К IX-XI вв. относятся многочисленные подстрочные переводы Псалтыри и Евангелий. Пятикнижие вместе с некоторыми другими книгами было переведено в 997 г. Эльфриком (Aelfric). В X-XI вв. было выполнено несколько переводов Четвероевангелия, около 1330 г. сделан перевод Псалтыри (William de Shorham), в 1380 г. Джон Виклиф (John Wycliff) возглавил работу по полному переводу Священного Писания. Первый реформационный перевод Священного Писания на английский язык создан в 1525 г. Вильямом Тиндалем (William Tyndale)⁹.

Чешская Библия появилась в переводе с латыни в середине XIV в., однако ей предшествовал чешский перевод Псалтыри и Четвероевангелия XII-XIII вв. От XV в. сохранились десятки полных списков чешской Библии, которая была издана в Праге в 1488 г., в следующем году перепечатана в Кутной Горе, а в 1505 г. в Венеции. Последнее издание, кстати сказать, послужило оригиналом для Франциска Скорины, печатавшего свою славянскую (русскую) Библию в Праге в 1518-1523 гг.¹⁰

Все перечисленные переводы и издания были осуществлены в эпоху господства католицизма в Европе. Не столь многочисленны были библийские переводы в странах романского ареала, но и там появился перевод на тосканское наречие в XIV в., печатная итальянская Библия опубликована в 1471 г. Николаем Малерми (Малерби). На испанском уже в XV в. появилось шесть библийских

⁸ Hemelsoet B. und H. Haag. Bibelübersetzungen // Bibel-Lexicon. Hrsg. von H. Haag. Zürich; Köln: Benziger Verlag, 1968. S. 243. Говоря о средних веках, мы рассматриваем издания наравне с переводами по той причине, что обычно каждое из них связано или с новым переводом текста или, с его значительной переработкой по оригиналу.

⁹ Ibid., S. 242.

¹⁰ Kyas VI. První český překlad Bible. Praha, 1971.

переводов. Первый перевод Псалтыри на французский осуществлен в 1100 г., и уже в XIII в. Библия была переведена целиком. Именно во Франции в XII в. появилась так называемая *Biblia Historiale* – пересказ библейского текста для самого широкого читателя, – оказавшая громадное влияние на развитие образования в Европе. Впервые она была издана в Лионе в 1477 г., тогда как полный библейский текст по-французски появился в печатном виде в 1487 г.¹¹

Что касается православных славян, то можно считать установленным, что до конца XV в., т.е. до времени изготовления в Новгороде Геннадиевской Библии 1499 г., существовало не менее 12 крупных переводческих школ, работавших в области библейского перевода¹². Мы знаем, что почти весь Ветхий Завет был переведен у славян дважды уже в IX и X вв., к этому прибавились последующие переводы и переработки отдельных книг. Из ветхозаветных книг наибольшее число переводов и редакций приходится на Песнь Песней, оно достигает пятнадцати. Новозаветные переводы и редакции пока не поддаются точному подсчету, вероятно, их число было еще больше. Анализ рукописных источников Нового Завета, осуществляемый сегодня в Славянском Библейском Фонде, позволит в скором времени говорить о существовании еще нескольких переводческих центров у славян Средневековья.

Таким образом, есть основания утверждать, что в эпоху до введения книгопечатания перевод, редактирование, та или иная переработка текстов Священного Писания были одной из нормальных форм религиозного быта. Не только религиозные движения и реформы вызывали активность такого рода, она не прекращалась и при спокойном течении событий.

Напротив, случаи застоя в этой работе иногда связаны с особо конфликтными формами религиозного развития. Например,

¹¹ Hemelsoet B. und H. Haag, op.cit., S. 239-241.

¹² См.: Алексеев А.А. Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 124-145.

после исторического возникновения христианства еврейский текст Библии теряет богатство и разнообразие форм, которые были присущи ему прежде (из кумранских рукописей это хорошо известно), на их месте появляется неизменный и чрезвычайно стабильный Масоретский текст. То же самое происходит с латинским текстом Вульгаты в эпоху Реформации, когда она была канонизована на Тридентском соборе в 1546 г. Богомильская (катарская) ересь, возникшая в среде славян на Балканах в X в., усвоила кирилло-мефодиевский перевод Нового Завета и Псалтыри и сохраняла его в неизменности без какой-либо сверки с дополнительными греческими, славянскими, латинскими или еврейскими источниками. Сходную картину дает история русского старообрядчества, которое держится тех форм Священного Писания, которые были приданы ему в конце XVI в. при издании Острожской Библии Ивана Федорова; ни более древние, ни более новые черты текста старообрядцев не интересуют.

Итак, активная творческая работа над переводами и редакциями Священного Писания служит знаком полноты религиозной жизни. Инерция, приобретенная российской культурой в императорскую и коммунистическую эпохи, должна быть преодолена. По мере того как дело перевода Библии перейдет в руки профессионально подготовленных людей, наделенных чувством религиозной и культурной ответственности, исчезнут скороспелые и поспешные опыты, которые, появляясь сегодня, нередко подрывают доверие к новым переводам.

Деятельность Института перевода Библии в Советском Союзе и СНГ (1973-1994 гг.)

Б.Арапович, ИПБ, Стокгольм

За последние двадцать лет появилось немало новых переводов Библии на десятки языков России и других республик бывшего Советского Союза. Это либо новые переводы на языки, на которых до 1917 г. уже печатались отдельные книги Библии, либо переводы на языки, на которых ранее не существовало переводов Библии вообще. В основном они являются результатом деятельности Института перевода Библии (Стокгольм). В настоящем докладе кратко излагаются причины основания Института, его цели, структура и деятельность.

Как известно, на территории бывшего Советского Союза, ныне СНГ, проживает более ста народов и народностей. Едва ли можно назвать их точное число, поскольку все переписи населения приводят разные данные. Подобным образом дело обстоит и с определением числа языков. Самое авторитетное издание по этому вопросу, пятитомник «Языки народов СССР» (Наука, 1966-1968), в предисловии говорит о 127 языках коренных народов СССР (в содержании ссылки имеются лишь на 120 языков).

Согласно проведенному исследованию, до 1917 г. Библия целиком была переведена на 9 языков: азербайджанский, армянский, грузинский, латышский, литовский, русский, украинский, финский и эстонский. Новый Завет еще на 6 языков: горномарийский, казахский, калмыцкий, татарский, чувашский и эрзя-мордовский, а отдельные библейские книги на 31 язык царской империи. Таким образом, всего было охвачено 46 языков. Не исключаю возможность существования каких-либо еще

неизвестных нам сегодня переводов. Эта переводческая деятельность сначала осуществлялась зарубежными миссионерскими организациями, Российским Библейским Обществом (1812–1826 гг.), Британским и Иностраным Библейским Обществом, Русской Православной Церковью (братством св. Гурия, Обществом восстановления христианства на Кавказе, Алтайско-киргизской духовной миссией и др.).

С 1917 г. была прервана, кажется, всякая работа по переводу Библии на языки народов СССР. Исключение составлял лишь армянский язык, где работа велась над новым переводом Нового Завета, который был опубликован в 1969 г., а также белорусский, литовский, русский и украинский языки, где работа над новыми переводами Библии, шла за границей. Вместе с тем во всех странах мира, кроме стран социалистического блока, развивалась все более интенсивная работа по переводу Библии. Перевод осуществлялся даже на самые малые языки мира, насчитывающие всего лишь по несколько сотен, а то и десятков носителей. Как уже говорилось во вступительном слове, только в этом столетии, точнее к концу 1993 г., Библия или отдельные ее книги впервые были переведены на 1545 языков мира.

В XX в. перевод Библии с одной стороны стал глобальным проектом в мировой литературе, с другой стороны в Советском Союзе с 1917 г. практически полностью остановился. Это привело к тому, что к началу 70-х годов именно в Советском Союзе остались самые многочисленные народы мира, на языке которых до сих пор не было либо Нового Завета, либо вообще ни единой страницы Библии. Так, например, не существовало ни одного перевода на таджикский, киргизский, чеченский, аварский, лезгинский, каракалпакский, кабардинский, даргинский и десятки других языков. Только отдельные части Библии существовали на языках таких многочисленных народов, как узбекский, туркменский, башкирский, удмуртский, осетинский, якутский и др.

В большинстве случаев даже имевшиеся в распоряжении переводы Библии или ее частей прошлого века с течением времени стали практически непригодны из-за использования в них

старых забытых, не использующихся больше шрифтов или устаревшего нелитературного языка. Так, например, Библия на азербайджанском и фрагменты Библии на туркменском и узбекском языках были напечатаны на основе арабской графики, а калмыцкий перевод был сделан с использованием вертикального заяпандитского письма (*todo bičig*, т.е. «ясное письмо»). Исключение составляли три славянских, три балтийских, армянский и грузинский переводы, качество которых и поныне в какой-то мере отвечает требованиям, предъявляемым к переводу современным читателем. Кроме того, Библия на большинстве языков СССР стала библиографической редкостью.

Такое положение вызвало в Стокгольме несколько попыток организовать перевод Библии на языки Советского Союза (1971, 1972 гг.). Наконец, 27 марта 1973 г. был учрежден Восточный библейский институт, в 1979 г. переименованный в Институт перевода Библии, в главные цели которого входит осуществление перевода Библии на неславянские языки славянских стран. Деятельность по переводу Библии с самого начала велась исключительно на неславянских языках СССР, поскольку в большинстве других стран неславянских языков очень мало: гагаузы в Болгарии, караимы в Польше, ромы (цыгане) в Сербии. С момента основания Институт был межконфессиональной организацией. Акцент в работе Института делается собственно на переводе Библии, но не на распространении готовых изданий.

Хронологический обзор

В начале развития своей деятельности Институт исследовал историю перевода Библии в царской России, этнолингвистическую карту СССР и современное положение его языков: письменность, алфавит, уровень использования родного языка в ежедневном общении, в печати, радио, школах и т.д. Шли активные поиски экземпляров дореволюционных переводов в библиотеках разных стран мира.

В результате проведенной работы в 1973-1975 гг. Институту удалось опубликовать репринтные издания дореволюцион-

ных переводов Библии на 19 языках: на абхазском, алтайском, армянском, башкирском, бурятском, гагаузском (Болгария), гагаузском (Молдавия), грузинском, казахском, коми-зырянском, коми-пермяцком, мари-луговом, мокша-мордовском, осетинском, татарском, удмуртском, чувашском, эрзя-мордовском и якутском. Несмотря на то, что эти переводы были устаревшими, они все же могли найти некоторое применение.

На втором этапе деятельности Института были организованы новые проекты по переводу Библии. По причине известного нам идеологического подхода к этой книге и религии вообще в бывшем Советском Союзе свободно организовать в стране работу было невозможно. Поэтому первоначально работа велась за рубежом. Институт с трудом находил в разных странах мира образованных носителей целевых языков. Уже в 1973-1974 гг. были заказаны переводы отдельных Евангелий на 11 языков: аварский, грузинский, казахский, каракалпакский, карачаевский, киргизский, таджикский, татарский, туркменский, узбекский и чеченский. Только один переводчик, на чеченский язык, проживал в Швеции, все остальные — за границей.

С течением времени и развитием событий в Советском Союзе наступила либерализация системы, что напрямую повлияло и на деятельность Института. Так, например, в 1976 г. Институт вступил в контакт с Внешторгиздатом в Москве и предложил содействие в переводе и издании Библии на разных языках народов Советского Союза. Два года это сотрудничество развивалось благополучно, и Институту удалось получить от Внешторгиздата половину текста Евангелия от Матфея на даргинском и лезгинском языках. Но, к сожалению, в 1978 г. Внешторгиздат по идеологическим причинам отказался от дальнейшего сотрудничества.

В 70-х и 80-х годах из Советского Союза выехали сотни тысяч евреев. Между ними нашлись и высокообразованные носители языков народов, среди которых они проживали в Союзе. Это дало возможность Институту заказать переводы Библии на несколько языков, среди которых современный гагаузский, молдавский и татский языки.

С перестройкой наступил и качественно новый этап в деятельности ИПБ. По инициативе Института 14 июня 1990 г. был подписан договор о сотрудничестве с Отделением литературы и языка (ОЛЯ) АН СССР. В результате этого договора всю свою переводческую деятельность Институт перенес в Советский Союз — возможности казались неограниченными. Так, например, при содействии ОЛЯ АН Институт связался с лингвистами адыгейского, кабардинского и казахского языков в Институте языкознания в Москве, с Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра АН в Махачкале, где была организована переводческая деятельность на 12 дагестанских языков: аварский, агульский, андийский, бежтинский, даргинский, кубачинский, кумыкский, лакский, лезгинский, рутульский, табасаранский, цахурский. Из всех этих языков только на двух, аварском и кумыкском, когда-то были опубликованы отрывки Библии: на кумыкском в 1888 г., на основе арабской графики, и на аварском, перевод ИПБ 1979 г. В Ленинграде началась работа над переводом Библии на 6 языков народов Крайнего Севера и Дальнего Востока: корякский, нанайский, ненетский, чукотский, эвенский, энетский.

На индивидуальной основе Институт организовал переводческую деятельность и в других регионах Кавказа, в Сибири, Поволжье и т.д. — практически на всех письменных языках СНГ, на которых ранее либо не существовало перевода Библии вообще, либо был только устаревший перевод. Так началась работа на Кавказе на ногайском, осетинском и чеченском языках, в Сибири — на бурятском, долганском, тувинском, хакасском, юкагирском и якутском языках, в Молдавии — на гагаузском, в Поволжье — на башкирском, калмыцком, татарском, чувашском. Для перевода Ветхого Завета на татарский в 1994 г. был заключен договор с Институтом языка, литературы и истории Академии Наук Татарстана в Казани. В Азербайджане подписан договор с Азербайджанской Энциклопедией о редакции и совместном издании азербайджанского Нового Завета — редакция успешно завершена, а совместное издание по разным, в том числе экономическим, причинам, нет.

Отделение Института перевода Библии в Хельсинки, Финляндия, организовало переводческую деятельность на всех письменных финно-угорских языках России: вепсском, карельском, коми-зырянском, коми-пермяцком, мансийском, мари-горном, мари-луговом, мокша-мордовском, удмуртском, хантыйском и эрзя-мордовском языках.

Переводческий процесс

Перевод Библии — сложная работа, которая не под силу одному человеку. Организуя перевод, Институт ищет не только переводчика, но формирует переводческую группу или комиссию. Черновик перевода проверяется богословским редактором и филологическим редактором, делается апробация с коренными носителями языка, на заключительном этапе работы опытный консультант по переводу подписывает текст к печати.

В качестве базового текста переводческая группа принимает обычно русские переводы. Богословские редакторы сравнивают перевод Нового Завета на целевой язык с текстом греческого оригинала, а перевод Ветхого Завета — с древнееврейским подлинником.

Подготовке переводчиков и редакторов уделяется особое внимание. Уже в 70-х годах организовывались семинары в Мюнхене, Нью-Йорке, Стокгольме и т.д., а со времени подписания договора о сотрудничестве ОЛЯ АН — ИПБ, т.е. с 1990 г., семинары стали проводиться в странах СНГ, в основном в России: в Москве, С.-Петербурге, Махачкале, Владикавказе, Абазе, Чебоксарах, Якутске и т.д. Большой семинар был организован в августе 1993 г. в Швеции, в котором участвовало более 40 переводчиков и редакторов, работающих на 16 языках, в основном Кавказа и Сибири.

Издательская деятельность

За 22 года своего существования Институт опубликовал переводы Библии на 35 языках бывшего Советского Союза, в том числе репринтные издания дореволюционных переводов на 19 языках, а также следующие собственные переводы на 28 языках: 3 полные Библии — в современном грузинском переводе (1989-

1990), на молдавском языке (1984 г. — это была в основном транслитерация с румынского), и впервые изданную Библию на таджикском языке (1992), Новый Завет на 10 языках, из них впервые Новый Завет на адыгейском (1991), балкарском (1994), кабардинском (1993), киргизском (1991), коми-зырянском (1980), мари-луговом (1986), осетинском (1993), туркменском (1994), узбекском (1992) и новый перевод Нового Завета на азербайджанский, впервые напечатанный кириллицей (1982); отдельные Евангелия и другие книги Библии на 15 языках: абхазском, аварском, вепском, казахском, карачаевском, карельском, крымско-татарском, курманджи-курдском, мокша-мордовском, татарском, удмуртском, уйгурском, чеченском, чувашском, эрзя-мордовском. Ныне Институт переводит Библию на 68 языков СНГ, из которых около 50 распространено на территории России: абхазский, аварский, агульский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, андийский, балкарский, башкирский, бурятский, ваханский, вепский, гагаузский, грузинский, даргинский, долганский, ингушский, ительменский, кабардинский, казахский, калмыцкий, каракалпакский, карачаевский, карельский (олонецкий), северо-карельский, киргизский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, корякский, крымскотатарский, кубачинский, кумыкский, курдский, лакский, лезгинский, мансийский, мари-горный, мари-луговой, мокша-мордовский, нанайский, ненецкий, ногайский, осетинский, рутульский, рушанский, табасаранский, таджикский, татарский, татский, тувинский, туркменский, удмуртский, узбекский, уйгурский, хакасский, хантыйский, цахурский, чеченский, чувашский, чукотский, шугнанский, эвенкийский, эвенский, энетский, эрзя-мордовский, юкагирский, язгулямский, якутский.

Справочные издания

Кроме переводов Библии, в программе Института осуществление издания некоторых справочников. Подписан договор со Славянским Библейским Фондом в С.-Петербурге о подготовке первого греческо-русского подстрочника Нового Завета. Первая часть — греческо-русский подстрочник Евангелия от

Луки — уже опубликован в этом году (1994). Подстрочник Нового Завета сослужит добрую службу и лингвистам, и богословам, а также будет полезным вспомогательным текстом для переводчиков Нового Завета.

Институт перевел, но еще не выпустил, только один библейский словарь Э. Нюстрема (приблизительно 500 стр.) на грузинском и таджикском языках. Институт явился инициатором создания первой полной Симфонии к Русскому Синодальному изданию Библии. Работа ведется в сотрудничестве с организацией «Свет на Востоке», Германия, и с Британским и Иностраным Библейским Обществом, которое разработало специальную компьютерную программу для подготовки Симфонии. Симфония планируется к выходу в свет приблизительно в середине 1995 г. Кроме того, Институт намерен приступить к работе по подготовке Симфонии к некоторым из собственных переводов Нового Завета.

Институт работает над цветными географическими картами библейских стран, которые в изданиях Института всегда печатаются вместе с Новым Заветом. Таким образом, можно сказать, что этим заложены основы картографии на некоторых «маленьких» языках СНГ, например, на адыгейском, балкарском, кабардинском, коми-зырянском, мари-луговом и осетинском.

Детская Библия

Имея в виду тот факт, что перевод Нового Завета занимает не менее 10 лет, а перевод Библии гораздо больше, Институт решил издать текст Библии в сокращенном, популярном виде. Двое из сотрудников Института взялись за эту задачу в конце 70-х годов. Они выбрали самые значительные части Библии, сократили, а там, где требовалось, пересказали. В работе старались как можно точнее придерживаться библейского текста, а прямую речь цитировать буквально из Библии, без изменений. Каждый рассказ сопровождается цветной картинкой. Число страниц в изданиях этой книги со временем увеличивалось, от первоначальных 383 до 544 страниц. На языках христианских народов книга получила название «Детская Библия» на остальных языках «Библия в картинках».

Первое издание Детской Библии вышло на русском в 1983 г. и сразу приобрело большую популярность. На сегодняшний день книга выдержала более семидесяти изданий и опубликована на 17 языках: азербайджанском, армянском, белорусском, испанском, латышском, литовском, мари-луговом, молдавском, осетинском, русском, таджикском, удмуртском, узбекском, украинском, хорватском, эрзя-мордовском и эстонском. Осуществляется перевод этой книги еще на несколько языков.

Толковая Библия

В 1904-1913 гг. в С.-Петербурге была издана Толковая Библия в 12 томах, которая стала известна как «Библия Лопухина», по имени русского ученого-богослова, профессора А.П. Лопухина. Однако сам Лопухин только приступил к осуществлению своего великолепного замысла, а довели проект до конца его преемники, уже после его смерти. Со временем это издание стало большой редкостью.

Хотя Институт за некоторыми исключениями не занимается изданием книг на русском языке, к празднованию 1000-летия христианства на Руси Институт при финансовой поддержке христианских организаций Скандинавии подготовил репринтное издание (10.000 экз.) Толковой Библии в 3-х толстых томах без сокращений, но с добавлением географических карт и фотографий библейских стран.

Летом 1987 г. Институт обратился с письмом к Русской Православной Церкви, предлагая ей 150 тысяч комплектов репринтной Толковой Библии в подарок от народов Северной Европы к празднованию 1000-летия христианства на Руси. Перестройка в России тогда только начиналась и поэтому мы не ожидали, что Церковь получит разрешение на ввоз более 20-30 тысяч комплектов. Но через полгода Московский Патриархат известил Институт о том, что Церковь получила разрешение на ввоз всех 150 тысяч. Нужно было выполнять свое обещание – и так был осуществлен, вероятно, самый большой проект книгопечатания в Северной Европе.

Печать такого тиража в одиночку была Институту не под силу и поэтому мы обратились к Библейским Обществам стран Северной Европы – Дании, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии, которые организовали сбор денег в своих странах, а Институт осуществил организацию печати и транспортировки книг в Москву, а также официальные контакты с русской Православной Церковью, которая отдала часть своего подарка другим церквям и разным научным организациям в Советском Союзе.

Печать Толковой Библии в 1987-1990 гг. была выполнена в трех типографиях: в Швеции, Финляндии и Дании, а в Норвегии – переплет датского тиража. Печать и транспортировка книг обошлись приблизительно в 20 млн. шведских крон, т.е. более 3 млн. долларов. Средства для этого подарка собирались в основном за счет пожертвований граждан из Дании, Исландии, Норвегии, Швеции, Фарерских островов и Финляндии. Кроме того, датское правительство добавило 3,5 млн. датских крон, норвежский парламент выделил 3 млн. норвежских крон, а парламент Фарерских островов – 150.000 датских крон. Так Библия в виде подарка посодействовала укреплению дружбы народов Северной Европы и их восточных соседей.

Сотрудничество и местные силы

Задача перевести Библию целиком или частично на все письменные языки СНГ трудна и решить ее в одиночку Институт не может. Чтобы ускорить работу и улучшить качество Институт сотрудничает и с другими заинтересованными в этой деятельности организациями, с Отделением литературы и языка Российской Академии Наук и с другими уже упомянутыми научными учреждениями СНГ, а также с зарубежными Объединенными Библейскими Обществами и Летним Институтом Лингвистики. В 1992 г. в Москве зарегистрирован филиал Института перевода Библии. В намерение Института входит перенесение основной деятельности по переводу Библии в СНГ и передача ответственности за будущее этих переводов в руки местных сил.

РАЗДЕЛ III

Теоретические вопросы

Современные теории перевода и современные переводы Библии

С.Крисп, ИПБ, Хай-Викам, Великобритания

История Библии тесно связана с историей перевода. В самом деле, перевод играет значительную роль в процессе формирования Библии как памятника: в древнееврейском тексте Ветхого Завета чувствуется влияние предшествующих памятников из Ханаана, да и ко времени Иисуса использование этого текста во многих случаях было возможно благодаря переводу на арамейский язык (Таргумы), тогда как среди грекоязычных евреев Ветхий Завет читался в греческом переводе LXX (Септуагинта). Перевод играет еще более заметную роль в судьбе Нового Завета: ведь Иисус Христос говорил и проповедовал на арамейском языке, а все дошедшие до нас записи его учения составлены на греческом языке койнэ — разновидности повседневного разговорного языка восточной части Римской империи. В свете всего этого можно сделать вывод о том, что вопрос об отношении между содержанием священного текста, с одной стороны, и выражением этого содержания на человеческом языке, с другой, выступает в принципиально иной форме, чем, например, в случае Корана, где содержание текста и языковые формы изложения считаются одинаково священными, так что любой вопрос о переводе с арабского на другой язык подлежит сомнению. Несмотря на то, что временами имела место канонизация той или иной формы библейского текста и по политическим или религиозным причинам налагался запрет на его перевод, признание переводимости или интертекстуальности остается довольно ярко выраженным признаком библейской традиции.

Таким образом, интерес к теории перевода и к практическим приемам его осуществления коренным образом свойстве-

нен библейской науке. Отношения (или, как принято сегодня говорить, «интерфейс») между наукой о Библии и наукой о языке порождает целый круг вопросов, остающихся более или менее постоянными на протяжении двух тысячелетий:

1. Возможно ли передавать мысли, выраженные на одном языке, средствами другого языка? (Вопрос о переводимости вообще, имея в виду различия между языками.)

2. На каком уровне совершается процесс перевода — на уровне текста как языкового кода, на уровне содержания этого текста (семантика) или на уровне намерений автора текста (прагматика)?

3. Каким образом сочетаются две обязанности переводчика — перед текстом-источником (сохранять его целостность), с одной стороны, и перед читателями перевода (создавать понятный текст на новом языке), с другой?

4. Отличается ли перевод канонизированного религиозного текста (Священное Писание) от перевода остальных — менее священных — текстов? Существует ли такое понятие, как «библейский язык», который обязательно должен быть сохранен при переводе?

Цель настоящего сообщения заключается не в том, чтобы дать исчерпывающий обзор ответов на эти вопросы, заданные в разные времена и при разных обстоятельствах, а, скорее, сосредоточить внимание на положении дел в наши дни, когда рост контактов между народами (возникновение «мировой деревни») создает необходимость и возможность создания самых разных переводов, когда наука о языке и теория перевода существенно развились, а количество переводов Библии резко возрастает. Все это делает уместным взгляд на место библейского перевода в общем контексте разработки научной теории перевода.

Одним из самых оживленно дискутируемых в переводческой науке является вопрос о том, какой степенью свободы располагает переводчик в своей работе? Должен ли он держаться как можно ближе к форме текста-источника, тем самым жертвуя в какой-то степени (в зависимости от степени отличия язы-

ка перевода от языка оригинала) естественностью — а порой даже и понятностью — переводного текста? Или же он должен пытаться как можно точнее передать смысл и содержание текста-источника согласно нормам и правилам второго языка, даже тогда, когда на уровне языковой структуры перевод выглядит совершенно иначе, чем исходный текст? Если адекватность или верность по отношению к тексту-источнику является основным требованием к любому переводу, то какой перевод — буквальный или смысловой — должен считаться наиболее адекватным? В разрешение этого принципиального вопроса внесла существенный теоретический вклад работа Найды и его коллег (см. особенно Nida and Taber 1969, «The Theory and Practice of Translation»). В то же время она послужила своего рода мостом между библейским переводом как прикладной работой, с одной стороны, и теорией перевода как отвлеченной наукой, с другой. Почти во всех определениях перевода как процесса, а также в оценках готовых переводов фигурирует слово «эквивалентность» (например «замена воплощения текста на одном языке воплощением *эквивалентного* текста на другом языке», см. Bell 1991; p.20), и большая заслуга Найды состоит в том, что он различил формальную эквивалентность (наиболее близкое совпадение формы и содержания между текстом-источником и текстом перевода) от *динамической* эквивалентности (эквивалентность воздействия на читателя перевода, переименованная впоследствии в *функциональную* эквивалентность). Это различие, возникшее на основе практической работы над переводом Библии и стремления создавать более понятные переводы для новой аудитории, в то же время имеет важные последствия и для общей теории перевода — может быть, прежде всего потому, что бинарная оппозиция «буквальный/свободный перевод» превращается в более емкую шкалу эквивалентности по разным параметрам, согласно целям перевода и нуждам его читателей или слушателей. Перевод международного договора отличается от перевода стихотворения, и формулировка Найды дает теоретическую основу для определения этого отличия. Адекватность

перевода оценивается не какими-либо абстрактными канонами, а в зависимости от степени достижения цели, которая может быть разной в разных обстоятельствах и которая определяется в основном типом текста-источника и спецификой аудитории перевода. Для переводчиков Библии такое «отщепление» концепции адекватности перевода от буквалистического подхода стало важным теоретическим подспорьем при разработке теории смыслового перевода, которая сегодня превалирует в библейском переводе и оказывает существенное влияние на более широкую переводческую практику.

Однако теорию динамической (или функциональной) эквивалентности нельзя считать беспроблемной. Во-первых, концепция о воздействии на аудиторию несколько сомнительна, например, когда речь идет о древних памятниках. Во-вторых, теория предполагает такую языковую модель, которая на сегодняшнем уровне наших знаний может казаться упрощенной и даже наивной. И в-третьих, упор на восприятие перевода его аудиторией может оказаться, по мнению некоторых критиков, посягательством на целостность текста-источника. Ниже мы попытаемся в какой-то мере осветить эти проблемы.

О восприятии любого текста (как оригинального, так и переводного) его аудиторией трудно судить с какой-либо уверенностью. В случае древних письменных памятников отсутствие реальной аудитории только усложняет дело. Поэтому чаще говорят о предполагаемом воздействии текста, чем о его действительном восприятии. Это, безусловно, более реальный подход, так как в науке разработаны приемы анализа намерений автора — этим занимается литературная критика, а также более строго лингвистическая дисциплина — прагматика. Если мы представляем текст-источник как серию речевых актов, то путем анализа психологического, культурного и социального контекста речевого акта мы можем приблизиться к пониманию намерения автора. Конечно, такой анализ любого текста, а тем более древнего памятника, требует много времени и усилий, а дает результаты, порой остающиеся спорными, так как другой исследова-

тель может прийти к иным выводам. Тем не менее, применение методов прагматики к анализу библейского текста может дать полезные результаты для переводчиков, которые хотят остаться верными замыслу автора и в то же время произвести возможно аналогичное воздействие на читателей перевода. Таким образом, первое критическое замечание в адрес теории функциональной эквивалентности может быть в большинстве случаев устранено при помощи методов современной литературной критики и лингвистического анализа.

Второе критическое замечание, на наш взгляд, более существенно. В 60-х годах Найда и его коллеги позаимствовали из теории порождающей грамматики представление о поверхностной и глубинной структуре, позволившее им выделить общий уровень смысла, который выражается по-разному, в зависимости от свойств того или иного конкретного языка. На этой основе Найда построил представление о процессе перевода в три этапа: выявление этого общего смысла из языкового материала текста-источника (анализ), перемещение данного смысла из одной языковой среды в другую (передача) и его выражение по правилам второго языка (переструктурирование). Но эта стройная картина, к сожалению, не лишена недостатков. Во-первых, у Найды предполагается, что поверхностная и глубинная структуры имеют психологическую реальность, тогда как у порождающих грамматистов они были чисто теоретическими конструкциями без всяких претензий на реальное существование. Во-вторых, в порождающей грамматике глубинная структура была чисто синтаксическим явлением, и это сопровождалось более или менее полным агностицизмом в том, что касается семантики. Содержащееся в модели динамической эквивалентности предположение о том, что существует некое смысловое ядро, легко подвергающееся перемещению из одной языковой среды в другую, конечно, предполагает хорошо разработанную теорию семантики.

Традиционная семантика оперирует почти исключительно на уровне слов как основных носителей значения и представляет язык

как абстрактную систему. У Аристотеля, Соссюра, Хомского практическое использование языка (*parole* у Соссюра, *performance* у Хомского) рассматривается строго отдельно (и на втором плане) от анализа языковой системы. Современные теории семантики смотрят на «язык в применении» (*language in use*) как на единое целое и в то же время делают упор на понятия (а не на слова) как основные единицы значения. С одной стороны, это делает более прочно обоснованной теорию функциональной эквивалентности, так как подтверждает существование четко выделяемого смыслового уровня как своего рода универсалии, независимо от выражения этого смысла графическими, фонетическими, морфологическими и синтаксическими средствами конкретного языка (и тем самым опровергает тезис о невозможности перевода, так как в принципе смысл может быть передан на любом языке). С другой стороны, такой разрыв между формой и содержанием в языке может привести к некоторым крайностям в переводе, если теряется всякая связь с формой текста-источника.

В свете сказанного уместно напомнить о третьем критическом замечании, предъявленном теории функциональной эквивалентности, а именно о проблеме целостности текста-источника. Если переводчик считает, что этот текст в своей первоначальной форме недоступен новой иноязычной аудитории, тогда ради функциональной эквивалентности он может заменять все фигуры речи, делать эксплицитным весь терминологический аппарат, применять другие стилистические приемы (для создания эквивалентного эффекта) и т.д. Но можно сказать, что поступая таким образом, он лишает читателя перевода доступа к миру текста-источника. Более того, он делает существенный шаг на пути к культурной адаптации, конечным итогом которой явится превращение автора текста-источника в кого-то другого: ему приписываются языковые выражения, а следовательно и мировоззрение члена культурно-языковой общности аудитории перевода. Поэтому в современной теории перевода делаются серьезные попытки разработать приемы перевода стиля как связующего звена между формой и содержанием текста.

В заключение приведем довольно наглядный пример из Библии. В Новом Завете одним из самых ярких образов Иисуса Христа является Агнец Божий. Но есть языки, где агнец (ягненок) не может выполнять метафорические функции объекта ласковой заботы пастуха, так что образ будет непонятным (или, по крайней мере, не сразу понятным) для читателей перевода. Предположим, что есть язык, в котором аналогичные функции выполняет олень. Имеет ли переводчик право заменить «Агнец Божий» на «Олень Божий»? Если делать немного крайнее применение теории функциональной эквивалентности, то он имеет это право: во-первых, потому что это метафора (в буквальном смысле, конечно, Иисус Христос не является ягненком), и во-вторых, потому что эквивалентность функции превалирует над эквивалентностью формы. Но (и это большое «но») образ Агнца Божьего является неотъемлемой частью библейского мира и культуры, и замена такого характерного образа, несомненно, в какой-то степени лишает читателя доступа к этому миру и культуре. В таком случае трудно поверить в то, что нет никакой связи между смыслом и содержанием текста с одной стороны и формальной системой образов и стилистических приемов с другой. В этом отношении работа ученых над передачей стиля в переводе, над переводом текста в цельности его формы и содержания должна иметь положительные последствия для практической работы по библейскому переводу.

Из рассмотренного примера отнюдь не следует, что мы предлагаем отказаться от принципа функциональной эквивалентности при переводе Библии или возвратиться к буквализмическому пониманию процесса перевода как непосредственного перехода от текста к тексту. В обосновании этого принципа — большая заслуга библейского перевода перед наукой о переводе вообще. Но в то же время есть основание думать, что переводчики Библии могли бы учиться и у современных теоретиков — учиться большей осторожности в том, что касается понимания намерений авторов текста, а также большей скромности и чувству смирения перед понятийным аппаратом, через

который перед нами открывается мир порой странный и таинственный, мир библейского текста.

Литература

1. Bell, Roger T., Translation and Translating: Theory and Practice. London: Longman, 1991.
2. Hatim, Basil, Mason Ian, Discourse and the Translator. London: Longman, 1990.
3. Nida, Eugene A., Taber, Charles A., The Theory and Practice of Translation. Leiden: E.J. Brill, 1969.

Трудности перевода слов, обозначающих время, в корпусе апостола Иоанна

(Необходимость использования кратких комментариев-парафразов)

Игумен Венедикт (Кантерс), Смоленская Духовная семинария

Недостаточность или, лучше сказать, невозможность перевода значительного числа библейских выражений осознавалась с самого начала появления этих переводов. Споры относительно правильности передачи ряда текстов Септуагинты¹, которые не утихают и по сей день, наглядный тому пример.

Трудность передачи с языка на язык стала важной проблемой уже и на заре христианства. Так, отец церкви начала II в. св. Папий Иерапольский, отмечая недостатки перевода первых переводчиков арамейского текста Евангелия по Матфею, иронично отметил некомпетентность их работы: «Матфей записал беседы Иисуса по-еврейски, переводил их кто как мог»².

В IV в. один из авторитетнейших знатоков и толкователей Священного Писания св. Василий Великий в Первом каноническом послании к Амфилохию, епископу Иконийскому, в ответ на вопрос последнего о трудности перевода 9-го стиха 8-го псалма заметил: «Дивлюся же, яко ты требуеши от Писания буквальный точности, и думаеши яко речение перевода есть принужденно, когда он хорошо выражает означаемый им предмет, но не предлагает собственно значение слова еврейского»³.

¹ См. Ис. 7:14.

² Евсевий Памфил. Церковная история, 3, 39, 16.

³ В Книге Правил Святых Апостолов, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992, с.317.

Эта сложность была продиктована не только разницей между лексическим запасом, культурными, историческими, бытовыми или какими-нибудь другими особенностями, влияющими на формирование языка, но прежде всего *содержанием* самих текстов. Перевод новозаветных книг без учета реальной церковной жизни, без учета литургического аспекта его применения (а Новый Завет практически весь был написан именно для богослужения – см. Кол. 4:16 ср. рифмованность ряда стихов – 1 Пет. 3:10-13; 1 Тим. 3:16 и др.; частые молитвы – Лк. 1:46-55; 2 Фес. 1:11-12) окажется оторванным от той почвы, на которой был создан и без которой становится каким-то новым литературным памятником, а на его титульном листе в качестве автора должен поставить свое имя переводчик, а не апостолы Марк или Павел⁴.

Кроме литургического и догматического аспектов, являющихся «камнем преткновения» для любого, даже самого подготовленного переводчика, надо указать на еще более трудный пневматологический аспект. Библия – это богодухновенная книга, и вне зависимости от убеждений, от отношения к вере и конфессиональной принадлежности, любой специалист, держащий возлагать на себя крест интерпретатора Священного Писания, должен в меру своих интеллектуальных (а лучше и духовных) сил представить себя на месте его писателей, а для них их труд имел значение «Писания», «Слова Господня», «Откровения», «Евангелия» (см. 2 Пет. 3:16; 1 Фес. 4:15; Гал. 1:12; Рим. 2:16 и др.).

Работа авторов Нового Завета была в известной степени уже работой переводчиков (передатчиков, толкователей). Некоторые из них были не просто учителями, но и пророками (ср. Павел – Деян. 13,1), не исключено, что в новозаветном тексте можно найти в записанной форме растолкованные глоссолалию или пророчество, относительно толкования или перевода которых

⁴ См. рецензию на один из новых переводов Нового Завета С.С.Аверинцева в журнале «Альфа и Омега» № 2.

в апостольское время существовали специальные правила⁵. Из этого часто находят примитивно простой выход — заменяют непонятные «устаревшие» слова и понятия на современные эквиваленты. Но подобные попытки, сделав текст Библии более понятным и доступным, лишают его внутреннего, не всегда видного современному человеку, воспитанному в ином культурном контексте, содержания.

Что же делать? На какой путь встать? Где найти выход? Переводчики часто критикуемого в наши дни Синодального издания нашли выход в употреблении так называемых конъектур или пояснительных вставок в текст. Здесь мы не будем рассматривать степень возможного их употребления — в ряде мест они необходимы, в ряде допустимы, в ряде же искажают смысл. Но в любом из перечисленных вариантов они могут быть охарактеризованы только как желательная или нежелательная вставка в текст, так как полной ясности содержания они не высвечивают.

В последние годы в греческих церквах была возрождена к жизни и получила широкое признание и одобрение известная еще у кумранитов практика применения так называемых *парафразов*. Внешне это выглядит следующим образом — рядом с текстом Библии на строке дается его пересказ. Такая форма имеет сразу два преимущества: слова Священного Писания остаются нетронутыми, священников писателей никто не дополняет, а параллельное толкование является распространением того же текста и переводчик-богослов при этом имеет достаточную свободу заменять или толковать слова и выражения⁶.

Один из авторов современного парафразы и научного комментария на 1-е Послание к Коринфянам проф. Савва Агуридис указывает три основные новозаветные темы, где парафразы будут

⁵ См. 1 Кор. 14:13-19; 1 Ин. 4:1-3.

⁶ Основные парафразы на все или некоторые новозаветные книги предлагали Веллас В., Колитсарас И., Агуридис С. Самое большое распространение получил парафраз Трембеласа П. В настоящем докладе цитируем по Н.Καϊνη ΔΙΑΘΗΚΗ. ΜΕΤΑ ΣΥΝΤΟΜΟΥ ΕΡΜΗΝΕΙΑΣ ΥΠΟ Π. ΤΡΕΜΠΕΛΑ. ΑΘΗΝΑΙ 1988.

порывом ветра, который сорвет покров тайны с завесы слов и выражений, знакомых и понятных современникам апостолов, но забытых нами по известному закону Екклесиаста (Еккл. 3:1):

1. Правильное выражение библейского времени, которое несвойственно современному секулярному и потребительскому восприятию действительности, и по-другому определяет дистанцию между прошедшим и будущим.

2. Правильное понимание значения богословского понятия «место»: «верх», «низ», «небо», «небеса», «земля», «ад», «рай» и т.д.

3. Правильное выражение антропологических категорий: «тело – душа», «дух», связанное с этим отношение к Богочеловечеству Второго Лица Святой Троицы и аналогичным терминам в области экклесиологии.

Оставляя без рассмотрения 2-й и 3-й пункты, остановимся на некоторых примерах трудности перевода слов, обозначающих время в писаниях св. Иоанна Богослова.

Эсхатология, в рамках которой, в основном употреблялись временные категории, была для полного треволнений и гонений периода болезненной темой, нередко доводящей людей до фанатизма, выражавшегося в полном отрицании ценностей настоящего века, семейных отношений, участия в жизни общества, заботы о завтрашнем дне и т.д.

В писаниях Иоанна эта тема, которая в исторической науке получила название «задержка Парусии», занимает одно из центральных мест. Иоанн Богослов использует типичное библейское восприятие времени, применяя уже привычную и понятную терминологию, часто обогащая ее новым содержанием.

Так, можно говорить о трех понятиях времени, характерных для Библии.

1. *Линейное время*

Это общепринятое европейским менталитетом понятие о постоянно развивающейся смене минут, часов, дней, годов и т. д. является более поздним по происхождению и не несет никакой смысловой богословской нагрузки.

2. Циклическое (событийное) время

В соответствии с этим пониманием история состоит из циклов, входящих в состав большого цикла, начинающегося творением и простирающегося до пакибытия. Три понятия, типичных для линейного времени, — прошедшее, настоящее и будущее — здесь отсутствуют, а есть только свершившееся и то, которому еще предстоит свершиться. Здесь время и факты отождествляются, т.е. время состоит из отдельных событий, а частота их явления представляет второстепенную значимость.

3. Литургическое время

В соответствии с этим пониманием ряд ушедших, казалось бы, в историю событий в богослужении и обрядах проявляются не просто как напоминания, а как реальное восстановление религиозных фактов истории, в которых человек принимает полное участие. Литургическое время нарушает естественный порядок линейного, показывая его тварность и преходящую природу. Так важный религиозный факт выходит из рамок времени и вне зависимости от того, в прошлом он или в настоящем, переходит в категорию «теперь» или «сейчас». Участники пасхальной вечери для иудеев были участниками именно той, которую совершили их отцы по выходе из Египта, день Новолетия был днем предвкушения Страшного Суда и т.д.⁷

Временных категорий Иоаннова богословия немного⁸ и их значение открывается св. Иоанном постепенно, в ряде случаев он сам их комментирует.

1. *χρόνος* везде переводится как «время». Этим термином в корпусе Иоанна обозначено обычное линейное время и никакого богословского значения он не имеет. Самое интересное место, где

⁷ См. Σ.ΑΓΟΥΡΙΔΗ. Ο ΕΥΑΓΓΕΛΙΣΤΗΣ ΙΩΑΝΝΗΣ. ΑΘΗΝΑΙ 1984, 64. Подобный же мотив встречаем и в Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста: «Поминающе убо спасительную сию заповедь, и все же о нас бывшая: крест, гроб, тридневное Воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки Пришествие».

⁸ Во всем Евангелии Иоанна употребляется около 700 слов – это обычный лексический запас ребенка.

встречается *χρόνος* — Отк. 10:6: «времени уже не будет» — видимо, единственное, где оно имеет и смысловое значение — т.е. линейное время, определяемое этим термином — «хронос» — временно, не вечно, оно тварно и, следовательно, конечно.

2. *καιρός* у св. Иоанна может как быть носителем богословского значения, так и употребляться просто как синоним *χρόνος*. Приведем характерное место — Ин. 7:6: «Мое *время* еще не настало; а для вас всегда *время*... Вы пойдете на праздник сея, а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое *время* еще не исполнилось...».

В этих стихах слово *καιρός* употребляется три раза в двух значениях. Два раза *καιρός* — это наступление эсхатологической эпохи крестной жертвы, третий раз это указание на благочестивую традицию иудейского народа посещать в праздники Святой Град.

Обратимся к толкованию-парафразу проф. П. Трембеласа, где в параллельной колонке эти стихи имеют следующее сопроводительное чтение: «Итак говорит им Иисус: Мое время, предопределенное Моим Отцом для того, чтобы Я явил Себя в Иерусалиме как Мессия, когда Я буду распят, еще не настало. Ваше же время для того, чтобы подняться как паломники в Иерусалим — всегда готово... Мое же время еще не настало явиться на праздник».

В Евангелии от Иоанна слово *καιρός* часто заменяется на более конкретное понятие *ώρα* — «час». Этим констатируется важность факта, происходящего во времени, его единственность, уникальность и неповторимость.

ώρα никоим образом не принадлежит обычному течению линейного времени, это категория времени событийного и литургического. *ώρα* можно определить как важный момент епифании — явления Бога в мир.

Св. апостол Иоанн постепенно готовит читателей к восприятию содержания, вложенного в емкое и глубокое понимание слова «час». Оно для него гораздо более значимо, чем *καιρός*.

Приведем два примера.

Ин. 2:4: «Иисус говорит ей: что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой».

Ин. 7:30: «И искали схватить Его; но никто не наложил на Него руки, потому что не пришел час Его». В обоих стихах, особенно во втором, для понимания смысла текста необходим параллельный парафраз.

П.Трембелас предлагает такие варианты:

Ин. 2:4: «Говорит Ей Иисус: что общего есть, женщина, между Мной, когда Я сейчас как Мессия использую божественную силу моего Отца, и Тобой, родившей Меня как человека? Не пришел еще час (момент) сотворить чудеса, дабы все увидели, что Я Мессия».

Ин. 7:30: «По причине этих обличений и требований Иисуса иудеи Его гнали и желали схватить, но однако никто не возложил на Него рук, потому что не пришел еще определенный Божественным Промыслом момент и заранее определенный час, когда Ему предстоит пострадать на Кресте».

В этом стихе евангелист специально подчеркивает, что время жертвы Христа – не просто событие, а факт предопределенной божественной епифании. Он совершается вопреки иудейским обычаям (в праздник опресноков не занимались судебными делами – см. Деян. 12:4) и против желания Синедриона, неуверенного в реакции толпы на арест Иисуса.

Все развитие евангельского повествования Иоанна направлено на постепенное приближение к событиям, скрытым под таинственным словом *ώρα* – «наступает час» – *ἔρχεται ὥρα* (см. Ин. 4:21,23; 5:25,28; 16:2; 25:32). Эти события – Голгофа, Воскресение и Пятидесятница⁹.

Наступление епифании *ώρα* предваряется рядом типосов-прообразов. В этих случаях рядом с «часом» появляется новая временная категория *νῦν* – «ныне». Ин. 4:23: «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Богу в духе и истине».

⁹ По мнению С.Агуридиса, все четвертое Евангелие можно разделить на три части в соответствии с употреблением слова *ώρα*: 1-я часть (1-12 главы) – «ожидание часа»; 2-я часть (13-17 главы) – «наступление часа»; 3-я часть (18-21 главы) – «осуществление часа».

П.Трембелас предлагает в этом случае такой парафраз: «Очень быстро наступит час, и уже могу сказать, что час уже наступил, когда истинные поклонники будут поклоняться и совершать служения Богу в богопросвещенной духовной силе. И не формально и неосознанно, но реально, вдохновляясь полнотой познания истины. Потому что Отец желает иметь истинных и достойных поклонников для совершения служения».

Интересно, что вторая часть Евангелия — 13-17 главы — начинается с констатации совершившегося факта — «пришел час». Ин. 13:1: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, *явил делом, что* возлюбив своих, сущих в мире, до конца возлюбил их» (курсивом выделена конъектура).

В этом стихе обращает на себя внимание то, что сам евангелист должен был объяснить значение *ῥα* читателям — «перейти от мира сего к Отцу», т.е. предложить своего рода парафраз-комментарий последующим действиям (омовения ног) и связанным с ними словами Христа.

Эту же потребность почувствовали и переводчики Синодального перевода, введя в текст объяснительную конъектуру.

У П.Трембеласа находим такой парафраз настоящего стиха: «Прежде наступления праздника Пасхи, так как знал Иисус, что наступил предопределенный Божественным Промыслом час покинуть этот мир и вернуться к Свосму Отцу, своим, которых оставил в мире, возлюбленным, явил деятельные свидетельства Своей любви».

Для правильного понимания сотериологии св. Иоанна Богослова необходимо сказать о часто употребляемых им выражениях: «вовек» — *ὡς τὸν αἰῶνα* и «вечный» — *αἰῶνος*. Эти выражения без всякого сомнения, употребляются здесь в контексте их литургического использования в древней Церкви. Как справедливо отмечал О.Кульман, Евангелист Иоанн в церковном богослужении видит воспроизведение, сопричастие верующих со спасительными фактами жизни на земле Господа. И здесь мы опять встречаем тот же феномен — игнорирование линей-

ного восприятия времени и одновременно отождествление событийного и литургического.

Самые показательные места, свидетельствующие о литургическом характере использования этих выражений, находим в Ин. 6:53-54,58: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день... ядущий хлеб сей жить будет вовек».

Необходимость параллельного перефразирования этих стихов не требует никакого особого обоснования.

Полезность появления переводов-парафразов на русском языке не вызывает сомнения – они вызовут интерес у верующих и проповедников Слова Божия, преподавателей и, конечно, у переводчиков.

Однако было бы недостаточно просто ограничиться переводом одного из уже существующих подобных изданий. Необходимо свой, написанный с учетом особенностей русского языка, при сохранении в необходимых случаях богатой тысячелетней традиции славянского перевода Библии и при принятии во внимание культурных особенностей и менталитета отечественных читателей, как и многих иных факторов, парафраз.

Параллельно необходимо подготовить издание одного из современных богословских научных комментариев на Новый Завет. В качестве возможного и желательного варианта может быть предложена создающаяся в настоящее время трудами греческих специалистов-библейстов серия толкований на книги Нового Завета «ΕΡΜΗΝΕΙΑ ΚΑΙΝΗΣ ΔΙΑΘΗΚΗΣ» ЕКК, издающаяся в Фессалониках.

О гипертекстовом справочном аппарате библейского переводчика

Д.В.Дмитриев, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

В процессе работы над конкретным переводом библейскому переводчику приходится анализировать текст Священного Писания от мельчайших грамматических составляющих до крупных семантических единиц, образующих дискурс. Во многом эта работа переводчика пересекается с подходами к тексту самых разных специалистов: текстологов, лингвистов, экзегетов, историков и др. Разумеется, успешное решение тех или иных переводческих задач напрямую связано с тем, насколько сам переводчик владеет методологией библейской филологии. В затруднительных случаях переводчик обращается к соответствующей специальной литературе, однако зачастую опасность исказить смысл оригинала или впасть в буквализм подстерегает переводчика именно там, где по его мнению нет вообще никаких затруднений. Иными словами, существующая практика переводов предполагает высокоспециальную и, к сожалению, не всегда достижимую степень подготовленности.

Справочные издания и аппараты, призванные помогать переводчикам, а также всем тем, кто хочет самостоятельно вникнуть в данный библейский текст и разобраться в конкретном текстологическом или лингвистическом вопросе, традиционно строились таким образом, что им нельзя было задавать встречные вопросы. Сообщалось только то, что сообщалось. Так, словари строились на алфавитном принципе, который сам по себе является случайным и не позволяет как-то иначе подходить к анализу лексики. Печатные симфонии (конкордансы) также опирались на последовательное указание всех употреблений данного слова в различных библейских книгах и не отвечали на иные виды запросов.

В то же время и лингвист, и текстолог, и экзегет, и переводчик (выполняющий в своей работе все эти роли) могут ставить перед собой вопросы самого разного профиля.

«Мне необходимо получить полный перечень библейских контекстов, где слово “чаша” - употребляется в образном значении “судьба”».

«Меня интересует дублетное сочетание “стыд и срам”. Часто ли в ветхозаветном тексте эти слова употребляются в пределах одного стиха?»

«Я хочу знать, сколько в новозаветном греческом языке имеется грамматических и лексических средств для выражения идеи повеления, приказа?»

Список подобных вопросов, весьма актуальных не только для конкретных исследований, но и для повседневной переводческой практики, разумеется, не имеет конца. На большинство из них нельзя найти ответа ни в стандартных лексикографических описаниях, ни в комментариях, ни в грамматиках. Особенно много непредсказуемых вопросов может возникнуть у переводчиков, работающих с младописьменными языками или с языками, значительно отличающихся по своей структуре и словарю от европейских. Можно с уверенностью констатировать, что ни один, даже самый подробный, комментарий к библейскому тексту не сможет предусмотреть весь возможный спектр вопросов переводчика, поскольку эти вопросы будут проистекать из конкретных особенностей языка перевода.

Не исключено, что в огромном океане литературы по библеистике можно отыскать точные или приблизительные ответы на запросы переводчика, однако на отыскание этих ответов, как правило, уходит очень много времени, а найденные материалы не всегда проясняют интересующий переводчика вопрос. В таких случаях целесообразнее бывает провести самостоятельный анализ языкового или текстового материала для того, чтобы выяснить конкретную проблему. Как правило, именно в контекстном анализе библейского материала лежит ключ к получению необходимой информации.

Может ли позволить традиционный печатный текст такую процедуру анализа? В принципе — да, хотя для этого исследователю придется каждый раз перечитывать весь корпус библейских текстов или знать их практически наизусть. На этом принципе энциклопедизма построена система религиозного образования в иудаизме: человек всю жизнь перечитывает тексты, и его образованность зависит от свободы, с которой он может приводить соответствующие контексты, касающиеся данного вопроса. Западный принцип образования, не исключая личного энциклопедизма, разработал множество вспомогательных средств, облегчающих процесс познания. На протяжении веков учеными создавались конкордансы, глоссарии, энциклопедии, монографии. Вероятно, именно так сформировались две крайние тенденции в науке: с одной стороны, глубокое знание обширного материала в доскональных подробностях, с другой стороны, научно-критический подход к наблюдаемым фактам, но без энциклопедической совокупности знаний.

Ограниченность доступа к информации в традиционных печатных изданиях обусловлена чисто техническими причинами. В самом деле, страница печатного текста может вместить только тот объем информации, который можно разместить на жестко ограниченном пространстве бумажного листа. К сожалению, этот технический аргумент является порой более весомым, чем аргумент научный. Страницы в книге не переставишь, даже если возникает необходимость иной группировки материала. Сноски либо сокращай, дабы не нарушить верстку книги, либо помешай в конец тома, где их вряд ли кто станет искать. Чаше транскрибируй и упрощай, поскольку шрифта подходящего нет. За всем этим нельзя перестать видеть главное: научная постановка задачи — это одно, а ее техническая реализация — совсем другое. Печатный станок и фальцовочно-переплетное оборудование не должны корректировать научную задачу.

На исходе двадцатого столетия мы должны четко осознать непреходящий характер знания и постоянное изменение формы его представления. На каменных скрижалях Моисею был

дан Закон. Ветхий папирус и прочный пергамент донесли до нас откровение Нового Завета. Бумага и перо значительно расширили круг фиксируемых текстов. Изобретение Гутенберга сделало образованность доступной для тысяч и сотен тысяч. В наши дни новой ячейкой хранения информации является электронный код, и это коренным образом может и должно изменить наши представления о фиксации информации и получении нового знания. То, чего нельзя требовать от печатной страницы, можно требовать от компьютера. Заметим, что речь идет о том же самом типе знания, которое можно получить и традиционными методиками, однако при новом формате хранения информации тот же самый процесс анализа происходит быстрее, объемнее, точнее. Важно лишь правильно сформулировать для себя свою задачу, и то, что при обычном подходе могло бы занять десять человеческих жизней, осуществляется за десять минут.

В области библеистики применение компьютерных средств дает принципиально новые возможности презентации данных: в центре исследовательского внимания постоянно находится один и тот же ряд текстов-источников, к которым мы получаем интерактивный доступ. Анализ исходных текстов — Масоретского древнееврейского оригинала, греческого перевода Септуагинты, рукописного материала Нового Завета, древних и современных переводов Библии, патристических текстов, комментариев и др. — может осуществляться с разных точек зрения. На сегодняшний день на Западе уже существует немало конкретных информационных разработок, представляющих тексты Библии с возможностями систематического анализа: от простых поисковых программ до экстенсивных массивов информации, организованных по гипертекстовому принципу.

Под гипертекстом в области современных компьютерных технологий понимается особая взаимосвязь между ограниченным или неограниченным числом документов, помогающая пользователю осуществлять разнообразную «навигацию по информации». Иными словами, гипертекст — это нелинейный

доступ к информации¹. Логика построения таких взаимосвязей между текстами и алгоритм доступа к ним всякий раз диктуются конкретными задачами пользователя, который определяет всю структуру гипертекста.

Применительно к библеистике гипертекст может использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с другими видами доступа к информации и получения нового знания. Библейские тексты и вся относящаяся к ним текстовая информация могут быть представлены в виде своеобразного каталога, по которому исследователь может выйти на любой интересующий его текст. Кроме того, гипертекстовый доступ к информации может сочетаться с такими прикладными задачами, как поиск и статистика. Как представляется, из разнообразных видов доступа к библейским текстам и анализа библейского материала наиболее распространенными и употребительными являются следующие:

- ◆ быстрый доступ к нужному фрагменту библейского текста или к совокупности фрагментов,
- ◆ сличение различных переводов данного фрагмента,
- ◆ показ текстологических данных,
- ◆ поиск языковых единиц различных уровней: от фонологии до синтаксиса,
- ◆ лексикография, идеография, семантический анализ
- ◆ статистика

Трудности создания комплексной гипертекстовой системы, которая предоставляла бы исследователю (а в нашем случае — переводчику) вышеперечисленные типы доступа к корпусу библейской литературы, очевидны. Речь идет не только об экстенсивных объемах собственно текстовой информации, которая должна быть введена в компьютер, но также о разработке нетривиальных алгоритмов анализа текста. Специалисты должны оснастить такую систему особыми модулями-интерпретаторами, которые позволяли бы программе извлекать, скажем,

¹ Благодарю Льва Гордона (Институт информатики РАН) за уточнение моей терминологии применительно к гипертексту.

необходимую текстологическую или лингвистическую информацию. Однако опыт западных разработок в этой области вселяет определенные надежды на то, что отечественная библеистика сможет уже сегодня заглянуть в завтрашний день.

Реальность создания гипертекстового справочного аппарата к Библии зависит от исходных принципов построения такой системы: информационные блоки должны быть изначально независимы друг от друга, и при этом они должны без труда стыковаться, образуя единое целое. В этом случае любой исследователь, желающий внести свою лепту в общий проект, сможет включить созданный им блок в общую структуру системы.

В качестве пробной версии такой системы можно было бы разработать элементарную лингво-текстологическую программу для анализа оригинального греческого текста Нового Завета, которая не только стала бы одним из основных инструментов для специалистов в этой области, но и служила бы хорошим подспорьем в работе тех переводчиков или исследователей, кто не владеет греческим языком.

Как известно, немало затруднительных моментов в переводческой практике возникает в связи с неопределенностью понятия «оригинальный текст Нового Завета». Переводчик изначально поставлен в жесткие рамки выбора между диаметрально противоположными взглядами на этот счет и между конфликтующими текстологическими традициями. «Критический текст», «рецептус», «текст большинства», «византийский текст» — все эти термины выдвигаются на передний план различными школами, и именно они, к сожалению, определяют весомость того или иного грамматического или лексикографического труда в глазах библеистов. Возможность самостоятельного анализа переводчиком или любым другим исследователем, не являющимся профессиональным текстологом, текстологических данных практически сведена к нулю. Переводчикам приходится полагаться на мнение тех, кого в конкретных обстоятельствах принято считать более авторитетным.

Такая жесткая связь между текстологическими фикциями и представлением собственно текстового и языкового материа-

ла в доступных изданиях заставляет искать новые способы показа тех же данных. Прежде всего необходимо понять, что вариативность и текстологическая неустойчивость греческого рукописного материала есть историческая реальность и она должна учитываться при анализе текста Нового Завета. Текстология обязана опираться на лингвистику, экзегетику и историю, а эти дисциплины также должны принимать во внимание особенности библейской текстологии.

Предполагаемая гипертекстовая программа, которая учитывала бы все вышеназванные факторы, может принципиально иным образом организовать доступ к текстовому и языковому материалу Нового Завета. Иное представление текстологических данных послужит определенным компромиссом в извечном споре критиков и традиционалистов и позволит переводчику или исследователю каждый раз увидеть реальное соотношение рукописной традиции и взвесить все за и против.

Так, мозаичный способ представления текстологических данных позволяет визуализировать соотношение текстовых типов, исторически имевших место в рукописных традициях прошлого. Текст предстает перед нами как мозаическая совокупность языковых единиц. Любое изменение текстового типа наглядно отражается в цветной или цифровой мозаике, причем изменение это можно фиксировать как на уровне библейского стиха, так и на более пространственных фрагментах вплоть до целого текста. Одновременно с подобной визуализацией появляется возможность адекватнее описывать языковой материал, всякий раз указывая круг текстовых свидетельств для того или иного языкового феномена (известны случаи, когда исследователи не пользуются конкретным словарем к Новому Завету только по той причине, что его автор описывал текст иного типа, даже если речь шла о второстепенных деталях).

Если снабдить такую текстологическую презентацию греческого материала грамматическим, лексикографическим и семантическим ключами, которые давали бы объясняющую «подсветку» для языковых единиц, то в результате может действи-

тельно образоваться надежный инструмент и для конкретной работы переводчика, и для иных исследований.

Более подробно о разработке подобной гипертекстовой программы на материале греческого Нового Завета можно узнать непосредственно от автора настоящего сообщения. Буду рад услышать какие-либо отклики на эту идею, включая критические замечания.

РАЗДЕЛ IV

Опыт конкретных переводов

Перевод Библии и новые письменные языки Дагестана

М.Е.Алексеев, Институт языков народов России АЕН, Москва

Из истории мы знаем много примеров формирования литературных языков на основе переводов Библии. Известно и то, как библейская традиция влияла на литературу и искусство многих народов (ср.: «... библейские образы и сюжеты оказали воздействие на развитие мировой литературы: европейскую, славянскую, в т.ч. русскую, а также на литературу стран мусульманского Востока; особенно велико их влияние в средние века и эпоху Возрождения, в литературе барокко и маньеризма. Переосмысление библейских мотивов, часто уже не связанных непосредственно с христианским религиозным вероучением (вплоть до антиклерикальных их интерпретации), нашло отражение также в литературе XVIII-XX вв.» [3, с.54]).

К сожалению, языковое строительство в СССР шло иными путями и, несмотря на определенные успехи, в целом дало и сильный негативный эффект, породив в ряде младописьменных литературных языков некий советско-партийный суррогат. Сравним, например, оценку ситуации с аварским языком, которая до определенной степени справедлива и по отношению к другим языкам Дагестана: «...аварский язык, как и другие языки народов России, претерпевает сложный процесс развития и расширения своих возможностей, но и одновременно – пагубного влияния русского канцелярского стиля и газетно-пропагандистских штампов».

В настоящее время, когда на лингвистической карте Дагестана появились еще три новых письменных языка, необходимо, как мне кажется, учитывать и положительное, и отрицательное в предшествующем опыте. Для начала – характеристика новых письменных языков.

Рутульский язык, получивший свое название от наиболее крупного селения – районного центра (это же относится и к другому варианту названия – «мухадский» от рут. МыІхаІд «Рутул»), входит в лезгинскую группу нахско-дагестанской семьи языков. Рутульская языковая территория охватывает 17 селений в Рутульском районе (в т.ч. Рутул, Шиназ, Ихрек, Мюхрек, Лучек, Амсар, Борч и др.), с. Хнов в Ахтынском районе Дагестана, а также несколько селений в Шекинском и Кахском районах Азербайджана. В диалектном отношении рутульский язык делится на мухадский (собственно рутульский), шиназский, мюхрекский, ихрекский (два последних иногда объединяются) и борчинско-хновский. Динамика численности рутульцев показана в таблице:

	1926	1970	1979	1989
Общее количество (тыс.)	13,0	12,0	14,3	15,0
Считает родным цахурский язык (%)		98,9	99,1	98,4
Свободно владеет русским языком (%)		30,7	51,5	61,7

Высокий процент знания русского языка и его заметный рост обусловлены, видимо, школьным обучением на этом языке, но в то же время здесь обнаруживается и владение другими языками Дагестана (2,7% – лезгинский, цахурский?), а также 6,2% – вероятно, азербайджанским языком. Дело в том, что до 1952 г. обучение в школе велось на азербайджанском языке. По данным социолингвистического обследования, население в возрасте свыше 50 лет при межэтническом общении отдает предпочтение азербайджанскому языку, свыше 40 лет – общаются как на русском, так и на азербайджанском. Те, кто моложе 40, пользуются русским языком. Русский язык является языком массовой коммуникации (исключение составляют отдельные передачи на рутульском языке по местному радио), делопроизводства, межнационального общения и обучения. Лишь в последние годы был создан букварь рутульского языка и постепенно реализуется программа обучения на родном языке. Было

осуществлено издание произведений местных ашугов, а также собрание пословиц, поговорок, загадок и скороговорок.

Термин «Рутул» встречается в памятниках с XV в. Известна родословная рутульских беков, восходящая к Газибеку, правившему Рутулом с 991 г. хиджры (1574 г.). Как отмечается в специальной литературе, в рутульских селениях нередко куфические надписи X–XI вв. Арабский космограф XIII в. Закария Ал-Казвини упоминает в своем сочинении Шиназ. Первые сведения о рутульском языке приводит в своем сводном труде Р.Эркерт (535 слов и 168 словосочетаний). Специальное исследование по рутульскому языку опубликовал А.М.Дирр. Рутульскому и цахурскому языку посвящены многие статьи и монография Е.Ф.Джейранишвили (в основном в 50–60-е гг.). В настоящее время изучением рутульского языка занимаются в различных научных центрах Дагестана и в Москве. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на то, что рутульская письменность делает первые шаги, мы имеем дело с языком и народом, обладающим достойными культурно-историческими традициями.

Цахурский язык (*цIаьхна миз*, цахский язык; самоназвание *йихъбы*) в составе лезгинской группы наиболее близок рутульскому. Ныне насчитывается 29 цахурских селений, из которых 13 – в Дагестане (Рутульский район: Аттал, Баш-Калял, Баш-Мухах, Гельмец, Джыных, Корш, Микик, Мишлеш, Муслах, Сюют, Хиях, Цахур), остальные в Азербайджане (Закатальский и Кахский районы). Динамика численности цахурцев по переписям представлена в таблице:

	1926	1959	1970	1979	1989
Общее количество (тыс.)	4,2	4,5	4,3	4,6	6,7
Считает родным цахурский язык (%)	100	100		99,6	95,0
Свободно владеет русским языком (%)		12,2	51,5	22,4	56,1

По некоторым оценкам, общее число цахурцев в настоящее время может достигать 30 тыс. человек. Более низкое по сравнению с другими народами Дагестана знание русского язы-

ка и невысокое знание других языков Дагестана (0,3%, видимо, рутульский) компенсируется достаточно высоким уровнем знания азербайджанского языка (11,4%). Естественно, эти цифры претерпевают серьезные изменения в Азербайджане: 7,2% свободно владеющих русским языком, но 74,9% свободно владеющих азербайджанским. О степени распространения арабского языка в прошлом могут свидетельствовать не только многочисленные заимствования (есть также персидские, тюркские и русские), но обнаруженные в цахурских селениях надписи, в т.ч. 1244 г. в селении Мишлеш.

До недавнего времени цахурский язык оставался бесписьменным разговорно-бытовым языком: в сферах массовой коммуникации, делопроизводства, межнационального общения и школьного обучения использовался русский язык. В 1935-1938 гг. функционировало начальное обучение на цахурском языке (алфавит на латинской основе). До 1952 г. в цахурских школах (в Дагестане) обучение велось на азербайджанском языке, а с 1952 г. — на русском. В последние годы был издан цахурский букварь и постепенно вводится обучение на цахурском языке. Богатый цахурский фольклор отражен пока лишь в специальных лингвистических исследованиях.

Начальные сведения о цахурском языке приводятся в сводном труде Р.Эркерта. Первое специальное исследование принадлежит А.Дирру. В дальнейшем над изучением цахурского языка работали А.Н.Генко, С.Джафаров (автор учебников 30-х гг.), Е.Ф.Джейранишвили (автор монографического исследования по рутульскому и цахурскому языкам), Б.Б.Талибов, Г.Х.Ибрагимов, А.М.Асланов и др.

Агульский язык относится к восточно-лезгинской подгруппе, куда включаются также табасаранский и лезгинский. Ближайшими соседями агулов являются даргинцы и кайтагцы (на севере и северо-востоке), табасаранцы (на востоке), лезгины (на юге) и рутульцы (на юго-западе). По данным переписей населения, число агулов постоянно растет, хотя процент считающих агульский язык родным несколько снижается (см. таблицу).

	1926	1933	1970	1979	1989
Общее количество (тыс.)	7,6	9,3	8,8	11,5	13,8
Считает родным агульский язык (%)			98,8	99,3	98,5
Свободно владеет русским языком (%)			39,8	62,6	68,9

Основная часть агульского населения проживает в Агульском (15 селений) и Курахском районах Дагестана. Небольшое количество переселенцев живет также в Дербенте и его окрестностях (с 60-70-х гг.), Махачкале и за пределами Дагестана – в Сумгаите (Азербайджан), в Киргизии (с периода коллективизации), в Ставрополе (с 80-х гг.). В течение веков агульский язык функционировал как разговорно-бытовой. В последние десятилетия языком обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения является русский язык. В качестве языков межнационального общения агулы использовали также языки более многочисленных соседей: на севере – даргинцев (с. Цирхе) и лакцев, на востоке – табасаранцев, на юге – лезгин. Широко было распространено также знание азербайджанского языка. Знание второго языка, помимо русского, переписью 1989 г. зафиксировано у 5,5% агулов. Как и для всего Дагестана, для агулов с давних времен было характерно также и до определенной степени знание арабского языка, о чем свидетельствуют найденные в агульских селениях арабские куфические надписи, относящиеся к XII-XIII вв. Как язык религиозных обрядов арабский употребляется, хотя и более ограниченно, вплоть до наших дней.

По данным глоттохронологии, обособление агульского языка произошло в начале I тысячелетия. С этим согласуются и некоторые исторические источники, в частности, упоминание в армянской географии VII в. этнонима «агутагани».

В диалектном отношении можно выделить собственно-агульский д-т (говор), керенский, кошанский и буркиханский (гекхунский) д-ты. Иногда также обособляется говор с. Фите.

В последние годы на агульском языке была создана письменность на базе собственно-агульского д-та и началось обучение в школе. Еще до введения официальной письменности началась

издаваться газета «Ахсрар» («Рассвет»). Существенные фольклорные материалы были опубликованы в качестве приложения к лингвистическим очеркам А.Дирра, Р.Шаумяна, А.А.Магометова. В прошлом агульские поэты – Агул Навруз (XVII в.), Замир из Рича, Абдугамид из Дуруштула, Амай Тагиров из Дулдуга, Джегил Якупов из Фите, Алихан и Кари Кариев из Буркихана, Шериф из Арсуга, Шабан Асукаев из Буршага, Мирванарин Рамазан и Магомед Магомедов из Тпига, Муртуз Магомедов из Рича и др., а также современные поэты (Гаджи Алхасов, Ф.Джамалов, Шамиль Гаджирамазанов) творили как на родном, так и на азербайджанском и лезгинском языках. Первая книга стихов на агульском языке была издана Камалдином Ахмедовым.

Перевод Евангелия от Луки по инициативе Института перевода Библии на эти языки начал осуществляться независимо от процесса введения письменности, хотя надо заметить, что все нынешние переводчики, в т.ч. Г.Х.Ибрагимов – профессор кафедры дагестанских языков Дагестанского Государственного Педагогического Университета (цахурский), К.Э.Джамалов – зам. декана филологического факультета Дагестанского Государственного Университета (рутульский) и Ш.А.Мазанаев – декан филологического факультета Дагестанского Государственного Университета (агульский) были непосредственно вовлечены в этот процесс. Так, все они являются соавторами букварей, а в настоящее время работают и над другими учебниками.

Это значит, что при внешней независимости библейского перевода и создания литературных языков в данном случае наличие внутренняя связь, которую необходимо учитывать при анализе подобных процессов.

Прежде всего здесь следует обратить внимание на следующие аспекты:

1. Выбор диалектной базы. Для агульцев и рутульцев в целом данную проблему можно считать решенной, поскольку существуют районные центры – Рутул и Тпиг и их речь признается нормой (при этом все же нельзя не считаться с распространенной точкой зрения о том, что литературный язык должен

быть неким «средним арифметическим» всей совокупности диалектов). Для цахурцев проблема осложняется разделенностью народа, причем большая часть находится в Азербайджане в весьма неблагоприятных демографических условиях. Естественно, что здесь переводчик ориентируется в большей степени на свой родной говор, что в принципе можно считать оправданным, если учесть, что на нем говорит значительная часть цахурского населения как в Дагестане, так и в Азербайджане.

В то же время переводчики на агульский и рутульский языки не являются представителями основного диалекта, что должно, на наш взгляд, вызывать определенные опасения: поскольку литературные нормы пока не совсем установлены, довольно сильным оказывается стремление представителей отдельных диалектов узаконить в литературных правах свой диалект. Нередко подобные тенденции находят оправдание в существовании на диалекте определенной литературной традиции. Так, на шиназском диалекте сочиняли свои песни ашуги, чьи произведения были изданы в сборнике «Изды Ватан» в 1993 г. (Шиназ Гьезерчи, Уста ГьаІрун, Кьабилашды ГьаІли).

Среди местной интеллигенции бытует мнение о необходимости создания некоего общего языка, который вобрал бы в себя элементы из разных диалектов. В результате следования этому принципу в перевод может попасть значительное число диалектизмов. Это показали, в частности, результаты проверки первого варианта рутульского перевода, в котором было найдено сравнительно большое количество слов и грамматических форм, характерных для периферийного ихрекского диалекта.

Если исходить из принципиальных установок библейского перевода, ориентированного прежде всего на критерий естественности¹, обозначенный выше принцип не может быть при-

¹ Об этом говорится практически во всех учебных пособиях по библейскому переводу. Ср.: «Никто не станет отрицать существования определенных расхождений между языком отдельных библейских книг. Так, безукоризненный стиль Луки отличается от более простого стиля Иоанна. Однако и тот, и другой текст для читателя выглядел естественно, даже если он замечал диалект-

няют, так как составленная из разнодиалектных элементов речь заведомо окажется искусственной.

2. Литературная норма. Речь на бесписьменных языках характеризуется неустойчивостью и изобилует индивидуальными вариантами. Помнится, во время полевых исследований рутульского языка мне приходилось наблюдать длительные дискуссии о том, как правильно говорить: каждый настаивал на своем варианте. Кроме того, продолжающееся влияние русского языка может привести к тому, что в качестве эталона во многих случаях будут выбираться нормы русского языка, на котором наши переводчики общаются вполне свободно — преподают в вузе, пишут научные статьи и т.д. Эта опасность усугубляется при переводе Евангелия с русского языка, так как здесь возможно уже прямое заимствование. Пожалуй, наибольшую опасность здесь представляет порядок слов (особенно, на наш взгляд, это касается цахурского языка с отсутствием формальных ограничений на порядок слов: в таких условиях не возникает формальных преград для буквального следования порядку слов оригинала).

Отрадно заметить, что все подобные опасности учитываются Институтом перевода Библии, исходящим из принципов естественности и понятности перевода. Это значит, что в итоге перевод может действительно стать одним из первых литературных образцов на данных языках и воздействовать на читателей не только содержательно, но и формально, воспитывая у них любовь к Слову. Дело в том, что тяга к чтению на родном языке всецело зависит от качества имеющейся литературы. Мне приходилось бывать в Дагестане в домах интеллигенции, где с трудом отыскивали одну-две книги на родном языке (при сравнительно неплохом подборе литературы на русском). Мне кажется, что это происходит не в силу плохого отношения к род-

ные или стилистические различия. Длина предложений, способы связи между ними, использование слов и словосочетаний, синтаксис, морфология — все было естественным. Это свойство оригинала должно распространяться и на перевод» [1, с. 29].

ному языку, а по причине отсутствия действительно хорошей литературы – художественной, духовной, несущей вечные истины.

В заключении данного сообщения приведем небольшие образцы переводов, точнее их рабочих вариантов (Лук. 2: 1-3).

На агульском:

1. *Те вахтари аттар хьуна ая Август ага паччагьдин указ учин джилариф фидегьен инсанар ай чин ахIар акье пуна.*
2. *Ме инсанар ликIуб ссад неф э Сирияийн ахIаф Квириний иде гуна.*
3. *Гьар инсан адина канеф хуна ая учин ттур ликIес уч яшамииш вере шагьурдиь.*

На цахурском:

1. *Шени йигьбишил гьоIкмудар Августна амыр вухьа сиягьий ыккес гьргыни чIиел.*
2. *Ин сифтайн сиягьийний водон Сирией Квиринияйни гьоIкмуранлыгье.*
3. *Ва абкIынийнбы гьргынбы оокIанас, гьарна джуни шагьареехьа.*

На рутульском:

1. *Гьади йигьгьрма Римдеди Август пачагьара амыр выри сиена уьлкиде ады халкь сиягьа ледишун.*
2. *Ми халкь сиягьа ледишун сахьусды йиьий, Квириний Сириеды пачагь йиьид вахтинде.*
3. *Гьания дур кихьин бадана гьар кас джуди шегьера хьаIрхыIри.*

Литература

1. Бикман Дж., Келлоу Дж. Не искажая Слова Божия... Принципы перевода и семантического анализа Библии. Перев. с англ. С.-Петербург, 1994.
2. Гимбатов М.-К., Тестелец Я. Из опыта перевода Нового Завета на аварский язык. // Альфа и омега. М., 1994, № 2.
3. ЛЭС 1987: Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.

Опыт перевода Священного Писания на язык первобытного общества

**(материал: Евангелие от Луки,
язык: один из аборигенных языков Северной Евразии)**

А.П.Володин, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

1. Постановка задачи

1.1. Дано:

(1) Текст, содержащий исповедание одной из мировых религий, имеющий сложный фон и глубочайшую «корневую систему». Текст написан на одном из языков, имеющих к моменту написания текста богатейшую литературную традицию.

(2) Первобытное племя. Цивилизация – присваивающая, в лучшем случае это кочевники-скотоводы, а то и просто собиратели, рыболовы и охотники. Отсутствует имущественное, социальное, профессиональное расслоение. Мироззрение – мифология. Нет письменности, значит, нет исторической памяти. Своего прадеда не знает практически никто. В «чистом» виде таких племен в настоящее время нет, во всяком случае, на территории России; однако вряд ли подлежит сомнению, что психология таких племен (к числу которых могут быть отнесены так называемые «малочисленные народы Сибири и Севера») едва ли далеко ушла от первобытной, а их языки не претерпели принципиального изменения за последние 300-400 лет с момента их «открытия». Шестьдесят лет письменности (в лучшем случае), полученной в советский период, нельзя серьезно брать в расчет. В результате этого аборигены получили навыки чтения и письма на родных языках; безусловно, это положительный фактор, но подобную возможность имели далеко не все «малые народы».

Итак, задача — перевести текст, упомянутый в (1), на язык, упомянутый в (2).

1.2. Моральный аспект проблемы: зачем мы это делаем? — в мою непосредственную тему не входит, но не коснуться его я не считаю возможным. Давайте честно признаемся самим себе: к «аборигенам» мы относимся как к «меньшим братьям нашим» — в глубине души, на уровне подсознания. Приступая к переводу, мы их не спрашивали. Это не было принято с самого начала: когда их «открывали», их ведь тоже не спрашивали — а хотите ли вы, чтобы вас «открыли»? Не спрашивали и потом — когда их облагали даяниями, колонизовали, крестили, а затем — давали письменность, заставляли строить социализм ... Как всегда, мы искренне убеждены, что делаем для них доброе дело.

При этом мы отдаем себе отчет, что перевод такого текста, как Священное Писание, на тот или иной язык — это всегда культурный шок для носителей этого языка. Особенно если речь идет о первобытном племени. Поэтому, приняв решение, мы должны понимать, что берем на себя всю ответственность. То, что данное племя может этого шока и не заметить — совершенно не важно.

2. Язык текста и язык первобытного племени

2.1. Если бы мне сказали: на этот язык этот текст перевести невозможно — я бы не согласился.

Принципиально возможно перевести любой текст на любой язык. Иногда это трудно, иногда — невероятно трудно, иногда — нецелесообразно (например, текст, посвященный проблемам высшей математики, ядерной физики или структурной лингвистики); но принципиальная возможность сохраняется всегда. Если же решение о переводе нами принято, мы должны отдавать себе отчет в том, какого рода трудности ждут нас и как мы будем их преодолевать.

Язык, на котором написан текст — индоевропейский, флективный. Языки, на которые в нашем случае текст переводится — палеоазиатские, не связанные генетической общностью, и само-

дийские, относящиеся к уральской семье. Все эти языки — агглютинирующие, с высокой степенью полисинтетизма (конкретный пример см. ниже, 2.7), часто различающие моно- и полиперсональное спряжение глагола, по синтаксическим характеристикам — часто эргативные, иногда использующие инкорпорацию. Грамматическая система всех аборигенных языков Сибири отличается изощенностью и структурным изяществом. Вообще грамматическая система любого языка самодостаточна и как таковая трудностей при переводе представлять не должна. Как бы «экзотичен» и даже «примитивен» язык ни был, его грамматическая система способна порождать естественный продукт, т.е. связные тексты, следовательно, это язык, а не, так сказать, *Untersprache*, «неоязык». В этом отношении все языки равноправны.

Рассмотрим некоторые фрагменты языковой системы.

2.2. В любом языке грамматическая система различает базовые классы слов N (имя) и V (глагол), хотя бы на уровне «актант — предикат». Тем самым в любом языке имеется возможность выражать субъектно-объектные отношения. Это вещь безусловно тривиальная, однако и общие истины полезно иногда повторять.

2.3. В любом языке имеется противопоставление «реалис — ирреалис», хотя бы на уровне «индикатив — императив». Здесь требуется более развернутый комментарий.

Императив — первая ненулевая модальность, формирующаяся в грамматической системе одновременно с нулевой модальностью — реалисом. Нулевая модальность, выражаемая в высказываниях типа «человек спит/человек молодой», «человек поспал (проснулся)/человек был молод (стал стар)» — должна различать как минимум действие, дошедшее до конца, результат которого наблюдается (или не наблюдается) в момент речи, и действие, не дошедшее до конца, которое имеет место в момент речи и может продолжаться после момента речи. На этом противопоставлении видового типа впоследствии развивается категория времени; более или менее эксплицитно это можно наблюдать во всех аборигенных языках Сибири. Императив, выражающий прямое воле-

изъявление говорящего, представляет противочлен дихотомии «реалис — ирреалис». Дальнейшее развитие приводит к появлению других форм ирреалиса, которые располагаются в следующей шкале объективной модальности:

Реальность	Гипотетичность	Ирреальность
говорящий уверен, что действие имело/имеет место	говорящий не уверен, что действие имело/имеет место	говорящий уверен, что действие не имело/имеет место
Категория времени	Категория наклонения	
прошедшее настоящее будущее — ?	потенциалис аудитив	оптатив дебитив конъюнктив кондиционалис и т.д. будущее — ?

Положение форм так называемого будущего времени в этой шкале двусмысленно. Семантико-прагматическая особенность футура состоит в том, что действие еще не имело места — и, следовательно, это ирреалис. С другой стороны, говорящий как будто бы уверен, что действие будет иметь место, и на этом основании формы футура зачисляются в реалис при описании системы; но это, как известно, происходит не всегда, и теоретические дискуссии о «будущем времени» еще не получили удовлетворяющего всех разрешения. Императив, место которого в грамматической системе совершенно отдельно сравнительно с другими формами объективной модальности, сходен с футуром в том, что действие еще не имело места, но говорящий хочет его выполнения, он прямо каузирует его выполнение; однако, как и в случае с футуром, каузируемое действие в силу различных экстралингвистических причин может не иметь места. Эти содержательные схождения императива и футура иногда прослеживаются формально, в плане выражения (например, в чукотско-корякских языках).

Показанная выше система форм объективной модальности реализуется в подобном развернутом виде далеко не в каж-

дом языке. В этом случае различные разновидности ирреалиса должны при переводе передаваться контекстуальными средствами. Однако языков без императива нет. Известны языки, где категория наклонения ограничивается противопоставлением «индикатив — императив». Таков, например, кетский язык (енисейская группа). Возникновение конъюнктива в ительменском языке (аборигенное население Камчатки) является результатом чукотско-коряцкого влияния, так что первоначально и в ительменском категория наклонения включала два члена — индикатив и императив.

2.4. Для «первобытного» языка, существующего исключительно в устной форме, потребность в выражении ирреалиса редка, поэтому он вырабатывается не всегда. Но человеку разумному свойственно уметь различать явления по признаку «причина — следствие», поэтому, очевидно, нет языка, где не был бы представлен концепт «если». Во всех аборигенных языках Сибири он имеется. Даже в австралийском языке аранта, на который часто ссылаются как на эталон «примитивного» языка, концепт «если» развивается из субъективно-модельного концепта «может быть, возможно».

2.5. Система форм и средств выражения субъективной модальности в языках первобытных племен может обнаруживать недостаточность. В этом проявляется специфика первобытной психологии мышления, которая кажется недостаточно развитой нам, с высоты нашего социального и исторического опыта. Во всяком случае, практически во всех аборигенных языках Сибири отсутствует концепт «надо, должен». Эти люди не знали, что такое принуждение, необходимость, поэтому языковой знак не был выработан: он существует в виде русского заимствования «надо» в соответствующих фонетических адаптациях. Зачастую отсутствует и концепт «можно»; ительмены, например, говорили: «Что такое “можно”? Если я могу, то я и сделаю, вот и все». Во многих языках набор субъективных модальностей ограничен двумя: «хочу» и «не могу»; имеются специальные глаголы со значением невозможности, которые не имеют форм отрицания, так что получить

значение «могу» через «не не=могу» не удастся. Это уже создает существенные проблемы при переводе.

2.6. Отдельного рассмотрения требует выражение качественного признака. «Имя прилагательное» обычно выделяется в описаниях аборигенных языков Сибири, но это дань традиции, которую еще не удалось преодолеть. Разумеется, в любом языке есть знаки типа «большой», «белый», «хороший» и т.д.; но качественная характеристика часто выражается как предикат: «дом – большой», «человек – хороший», а соответствующие формы представляют собой «качественные глаголы» (как в юкагирском и нивхском языках) или «предикативы» (как в чукотско-корякских языках), которые изменяются по лицам. Поэтому фразу «Красивая девушка живет в белом доме» невозможно передать иначе как: «Девушка в доме живет. Дом белый. Девушка красивая». В аборигенных языках Сибири подобных структур в чистом виде, вероятно, уже нет. Атрибутивные синтагмы формируются под влиянием русского поверхностного синтаксиса с помощью примыкания (когда качественные слова выступают как неизменяемые, и только из окружения выясняется различие между «красивый» и «красиво»). В чукотско-корякских языках для выражения атрибутивных значений используется инкорпорация, ср. чукот. *йара=ны ны=мэйың=қин* «дом – большой», но: *Майны=йара=ны* «большой дом», *майны=йара=к* «в большом доме», *майң=элгы=йара=к* «в большом белом доме».

2.7. Работая над переводом, необходимо постоянно иметь в виду принципиальные различия поверхностного синтаксиса языка текста и языка перевода. В агглютинирующем языке, помимо этих различий, существуют еще различия в количестве информации, распределяемой между отдельными единицами текста (словоформами). Продемонстрирую сказанное на конкретном примере из ительменского языка. Допустим, нам надо перевести русское предложение «Я хотел пойти к нему немного поесть».

Первый вариант, представляющий собой рабскую синтаксическую кальку и тем самым совершенно неудовлетворительный, выглядит так:

- (1) *кэмма т'улајзукичэн эннанкэ уьук нокас*
 я хотел=пойти к=нему немного поесть

Приняв во внимание, что (а) диминутив выражается суффиксом =ала, (б) личное местоимение опускается, поскольку лицо эксплицитно показано в глагольной форме, — получаем вариант:

- (2) *т'улајзукичэн эннанкэ новаланокэ*
 я=хотел=пойти к=нему поесть=немного=чтобы

Однако в ительменском и директив выражается суффиксом (=ата), следовательно, необходимость в отдельно выраженном глаголе «идти» отпадает. Сделав поправку на особенности поверхностного синтаксиса — глагольная словоформа тяготест к концу предложения — получаем:

- (3) *эннанкэ т'новалатавајзукичэн*
 к=нему я=хотел=пойти=немного=поесть

Наконец, имеется возможность выразить в глагольной словоформе также значение косвенного объекта 3 лица. В последнем случае все необходимое содержание укладывается в пределы одного слова (вот пример полисинтетизма):

- (4) *т'нов=ала=(а)тав=ај=зу=кинэн*
 я=поесть=немного=пойти=хотеть=прошедшее=к=нему

Вариант (4) наиболее предпочтителен с точки зрения ительменской грамматической системы. Должен подчеркнуть при этом, что композиция (основосложение, инкорпорация) в ительменском запрещена: в словоформе может быть представлена только одна корневая морфема, что мы и наблюдаем в данном случае.

2.8. Для индоевропейских языков характерны сложные предложения, т.е. полипредикативные конструкции с несколькими независимыми предикатами; которые скрепляются союзной связью. Текст Евангелия в этом смысле не исключение, в нем достаточно высокий процент сложных предложений. Для аборигенных языков Сибири подобного рода конструкции не

характерны (не говоря уже о том, что самой проблемы деления связного текста на предложения для этих языков не было, поскольку они не имеют письменной традиции). В некоторых из этих языков союзы практически отсутствуют, например, в самодийских языках; однако в этих языках имеется достаточно разветвленная система форм зависимого предиката. С помощью этих форм можно порождать полипредикативные конструкции, выражающие одновременность, предшествование, причину, цель, уступку и т.д. В этом случае соблазн синтаксического калькирования не так велик, как, скажем, в чукотском языке, в котором наряду с формами зависимого предиката широко представлены и союзы (среди которых нет русских заимствований). Союзная связь позволяет строить сложные предложения индоевропейского типа, и от мастерства переводчика будет зависеть выбор того или иного способа выражения. Конечно, следует избегать появления в переводе калькированных синтаксических структур, хотя полностью избежать их, по-видимому, невозможно. С одной стороны, текст перевода должен быть естественным, но и при этом, как мне кажется, необходимо соблюдать меру, чтобы перевод не воспринимался, как некая история, миф, легенда о дальних и незнакомых племенах, местах и временах.

Я полагаю, что задача переводчика — сделать именно перевод, а не пересказ. Поэтому в тексте могут быть непонятные и темные места и, по-моему, не следует «облегчать» эти пассажи. Появление подобных пассажей неизбежно — слишком уж различны социально-психологические потенциалы текста и малого народа, на язык которого такст переводится.

2.9. Главные трудности связаны, разумеется, с лексикой. Для мира, в котором живет первобытное племя, этот уровень развит достаточно для того, чтобы мышление людей было адекватно их миру. Мы же предлагаем им другой мир, неизмеримо более сложный и во многих отношениях чуждый. Отсюда неизбежно следует вывод: для перевода текста необходим новый словарь.

Создавая такой словарь, следует избегать одного соблазна: выдумывать новые слова самому (если переводчик — носитель

языка, такой соблазн отнюдь не исключен). На мой взгляд, словарь может создаваться тремя путями:

1. конструирование новых лексических единиц (из имеющегося корневого материала, с использованием имеющихся деривационных механизмов);
2. семантическое расширение (использование имеющихся лексических единиц в новых значениях);
3. заимствование.

Предпочтительна именно такая последовательность приемов: заимствование — крайнее, последнее средство. Заимствований в любом случае будет много, поскольку в данном случае мы имеем дело с иной географией, иной флорой и фауной (не говоря уже о прочем). Проблема заимствований напрямую связана с другой проблемой: с какого языка переводится текст? Применительно к аборигенным языкам Сибири ответ напрашивается сам собой — текст переводится с русского языка. Отвечая так, мы не только выдаем нужду за добродетель (хотя, конечно, не без того) — выбор русскоязычного варианта текста для аборигенных языков Сибири имеет достаточные исторические обоснования. Все эти малые народы испытывают воздействие русского языка в течение нескольких столетий. Многие из этих народов были крещены (русскими), хотя и не получили священных текстов на родных языках. В XX в. влияние русского языка многократно усилилось, родные языки начали активно вытесняться из обихода (иногда это была сознательная политика) — в последние годы существования Советской власти официально говорилось о русском как о «втором родном языке советского народа», фактическое положение дел с тех пор не изменилось.

2.10. Перевод Евангелия от Луки был обеспечен публикацией греческого подлинника с русским подстрочником, что послужило прекрасным подспорьем в работе. Кроме того, полезно пользоваться для сравнения и справок также переводами на другие языки (сам я постоянно держал на рабочем столе немецкий, английский, французский и финский переводы). Использование для собственно переводческой работы русских (или

иноязычных) пересказов типа «Слово жизни» и т.п., по-видимому, нежелательно: в итоге мы и в переводе получим пересказ, в котором обаяние текста будет неизбежно утрачено (ср. в этой связи 1.7). Лучший способ, на мой взгляд, — использование в качестве основы русского Синодального перевода (при всех его недостатках) и сличение его с греческим подлинником через русский подстрочник или с помощью специалистов.

3. Ительмены. Краткая историческая справка

Дальнейшее, видимо, целесообразно рассмотреть на примере одного из аборигенных языков Сибири, поскольку исторические условия, в которые попадали различные племена, различны, что обусловило, в частности, степень сохранности родного языка.

Ительмены — аборигены полуострова Камчатка; их соседи коряки (с севера) и айны (с юга) появились на Камчатке позднее. Камчатка «открыта» без малого триста лет назад — поход Владимира Атласова и собранная им первичная информация датируется 1697 г. Ительмены населяли Камчатку от 58 параллели до самого юга, как по западному (охотскому), так и по восточному (тихоокеанскому) побережью. Численность ительменов в конце XVII — начале XVIII вв. оценивается в 15 тысяч человек (некоторые источники называют цифры в 20 и даже 25 тысяч, но это явное преувеличение). Ительмены делились на три племени (народа?), говорившие на разных диалектах или близкородственных языках — восточном, южном и западном. Хозяйственные промыслы — собирательство, рыболовство, охота на пушного и морского зверя. Образ жизни — оседлый, что существенно облегчало колонизацию: сначала ительменов «объясачили», затем — окрестили (1746). Иеромонах Иоасаф Хотунцевский, крестивший ительменов, разумеется, понимал значение языкового барьера, но идея перевода священных текстов на ительменский язык у него, вероятно, даже не возникала. Известна только одна попытка перевода, предпринятая членом Второй Камчатской экспедиции Георгом Стеллером (1740-1741) — шесть строк из «Отче наш» на языке южных итель-

менов. Хотунцевский пошел другим путем: он стал организовывать на Камчатке церковные школы, где дети ительменов учились по-русски. Обучение шло успешно: сохранившиеся от тех времен документы свидетельствуют, что молодые ительмены, оканчивавшие эти школы, владели русским языком и писали на нем очень грамотно; но в 1768 г. Камчатку постигло страшное бедствие — эпидемия оспы. Среди ительменского населения из каждой семьи умерло шестеро. К концу XVIII в. численность ительменов сократилась вдесятеро сравнительно с началом века. От этого удара ительмены так и не оправались. По переписи 1827 г. их насчитывалось 2,5 тыс. человек; их и сегодня столько же (данные переписи 1989 г.). Дальнейшая колонизация Камчатки шла главным образом за счет говорящих по-русски переселенцев из Сибири. В 1840 г. епископом Камчатским и Курильским был назначен И.Е. Вениаминов, долго работавший среди алеутов и индейцев-глинкихтов Русской Америки, автор алеутской грамматики и перевода Евангелия на алеутский язык. Но и он, вероятно, не видел необходимости переводить Евангелие на ительменский язык, так как убедился, что население юга Камчатки (где находились ее административные центры — Большерецк, а впоследствии Петропавловск) без труда воспринимает церковную службу на русском языке. Южный и восточный ительменские языки полностью исчезли в конце XIX — начале XX вв. До настоящего времени сохранился западный ительменский язык, но и он находится в критическом состоянии. Именно на этот язык и был сделан перевод Евангелия от Луки.

4. Современное состояние ительменского языка.

Способы преодоления трудностей при переводе

4.1. В.Г.Богораз, основоположник чукотско-камчатского языкознания, писал об ительменском языке, что он сильно разрушен — русификация наблюдается и в грамматическом строе. Это было написано в 1900 г. о западном ительменском языке. Специальные исследования показали, что оценки Богораза были чересчур пессимистичны. Грамматическая система итель-

менского языка уцелела. Пострадала главным образом лексика, причем ее коммуникативно важные фрагменты: так, под русским влиянием пали ительменские числительные, редко употребляемые ранее, но ставшие очень нужными при расчетах с казаками (ясак, долги и т.п.); пали наречия времени (типа «утром», «вечером», «зимой», «весной», «вчера», «завтра»); вышли из активного употребления (забылись) некоторые существительные, например, «молния», «гром» и некоторые другие. Русское влияние может быть усмотрено в способах выражения атрибутивных отношений, однако лишь на первый взгляд: ительменская грамматическая система адаптировала русские заимствования в соответствии с собственными правилами.

4.2. Заимствования из русского делались уже в первой половине XVIII в.: в списках С.П. Крашенинникова (1737-1740) находим, например, *окнучь* «окно». Ительмены не знали сельского хозяйства, поэтому лексемы *зэрноʹн* «зерно», *сэмаʹн* «семена», *мукаʹ* «мука», *хьэп* «хлеб», *пахаʹукас* «пахать», *сэйаʹукас* «сеять» и т.д. имеют уже солидный возраст в качестве слов ительменского языка. Однако важнейшая вокабула, без которой перевод Евангелия вряд ли возможен, — слово «Бог» — в ительменском имеется. Не каждый из аборигенных языком Сибири может этим похвастать.

Интересна история этого слова. Крашенинников делал свои словарные записи еще до массового крещения ительменов; поэтому в качестве соответствия слову «Бог» ему дали слово *Кутх* (с вариантами *Кут*, *Кутхай*). Однако *Кутх* — это не Бог. Согласно ительменской мифологии, это Ворон-демиург, создатель их мира, который впоследствии удалился и в дела мира никак не вмешивался. Существовало множество локальных божков, духов и «бесов» — лесных, горных, живущих в вулканах и горячих ключах. Но был и еще некто, называемый *дустяхчичь* (запись Крашенинникова, восточный язык). О нем известно немного — собственно, только то, что он существовал и что ему приносили жертвы. Однако именно этим термином стали называть христианского Бога, «который в церкви» (современная запись *Нустахчах*, западный язык).

Кроме того, от пожилых информантов мною еще в 60-е годы был получен глагол *тақакас* «молиться» — глагол специальный, не сводимый ни к «просить» (*энтэс*), ни к «кланяться, наклоняться» (*°пнэукас*). От этого глагола уже нетрудно было образовать дериваты *тақас* «молитва» и *тақа²лном* «молитвенный дом, храм».

В первой половине XVIII в., когда контакты с русскими только начинались, ительмены старались передавать названия чуждых им предметов и явлений средствами собственного языка — калькирование, переосмысление, но не прямое заимствование (даже упомянутое выше *окнучь* в других ительменских языках передавалось как *атхыжичь* «отверстие для света»). Крашенинников удивляется этому «смешному их обыкновению». Характерно в этом смысле слово «священник», образованное от русского заимствованного корня по имеющейся в ительменском редупликативной словообразовательной модели: *богбог* (комментарий Крашенинникова: называют так «без сомнения для того, что часто Бога поминает»). Поскольку звонкие смычные были слабо представлены в ительменском, слово подверглось оглушению (*пoxпox*), а затем — стяжению в односложную структуру и в этой форме (*пoxпx*) существует и в настоящее время.

4.3. Картоoteca новых для ительменского слов, созданных в ходе работы над переводом Евангелия от Луки, включает свыше трехсот единиц. Поскольку проблемы пополнения лексики в этой ситуации в общем аналогичны и для других аборигенных языков Сибири — представляется бесполезным сделать краткий обзор этой лексики. Она делится на три группы, о которых упоминалось выше (ср. 2.9).

4.3.1. Конструирование новых лексических единиц предполагает как использование архивных записей XVIII-XIX вв., так и построение дериватов на базе корней, имеющихся в современном ительменском языке. В первом случае, возможно, более адекватным был бы термин «восстановление». Таким путем были прежде всего восстановлены числительные, записанные Крашенинниковым на трех существовавших в его время ительмен-

ских языках. В современном ительменском языке счет сохранился только до четырех. При подготовке школьного словаря (1989) был сделан опыт восстановления счета до десяти (на основании списка западного языка). Опыт оказался успешным, ительмены проявили самый живой интерес к счету на родном языке. В тексте Евангелия числительных достаточно много, поэтому счет был восстановлен до тысячи (последнее слово было обнаружено только в записях XIX в., сделанных Б.Дыбовским – публикация И.Радлинского, 1891-1894). Утраченные сравнительно недавно, уже в середине XX в., наречия времени (ср. выше 4.1) были восстановлены по текстовым материалам В.И.Иохельсона (1910-1911) и по словарным материалам Е.П. Орловой (записи 30-х годов).

Под русским влиянием ительменский язык утратил также союзы, ранее употреблявшиеся редко. Их удалось восстановить по материалам Иохельсона, что весьма важно, так как без знаков конъюнкции *эж* «и» и дизъюнкции *инкнэж* «или» перевод был бы вряд ли возможен.

На базе материалов Крашенинникова были восстановлены такие, например, вокабулы, как «месяц» (период времени), «век» (или, если угодно, «эпоха», длительный промежуток времени), «господин» (от которого была образована форма «Господи», поскольку в ительменском есть звательный падеж), «раб» и др. Ни господ, ни рабов ительмены, разумеется, не знали, во всяком случае, до прихода русских. Слово *айэрэм* «господин», видимо, сконструировано ительменами с использованием чукотско-корякского корня, ср. чук. *н=эрмэ=қин* «сильный»; что же касается слова *халнчах* «раб», то его происхождение в настоящее время неясно. Для современных ительменов все эти слова равно чужие, незнакомые, но это слова, бытовавшие в их языке (повторяю, что все эти вокабулы восстановлены на основании списка западного языка), и именно это обстоятельство оправдывает введение их в словарь.

Собственно конструированием были получены такие вокабулы, как *хэнэс* «слово» (< *хэнэкас* «сказать»), *тынувал* «род,

колени Израилево» (< *тынууи* «родственники»), *чикилж* «хозяин», «имеющий» (< *чэкас* «иметься в наличии»), *эмхэдж* «меч» (< *эмхэс* «рубить, резать») (ср. *фалч* «нож»), *элкэлк* «чудо» (< *элкэлкас* «удивляться») и т.д. Ительменский язык имеет большие деривативные возможности, и при наличии корневой морфемы можно получить целый «букет» новых вокабул.

4.3.2. Путем семантического расширения была получена главным образом глагольная лексика: *энксэс* «избавить» (собст. «освободить, отпустить»), *нэлчэс* «утешать» (собст. «заставить перестать плакать, успокоить»), *тэнсэкас* «каяться» (собст. «становиться лучше»). Для значения «искушать» в разных контекстах использованы разные глаголы: *кэмжэкас* «соблазнять чем-либо», *тавоңэс* «испытывать, пробовать что-либо, но также кого-либо», *лэнтсхэлэңэс* «заставить совершить ошибку». Примеры качественных форм: *изулах* «недостойный» (собст. «низкий»), *эчк'элах* «грешный, грешник» (собст. «плохой, дурной»; отсюда же *эчк'эчк'* «грех»). Примеры именных дериватов: *ксхлэном* «знамение, знак» (собст. «(по)явление»), *соңлэс* «судьба» (собст. «жизнь»; ительменские фольклорные тексты дают основания для подобного семантического расширения). Отдельного комментария заслуживает понятие «закон», с которым ительмены также не были знакомы. Для этого значения использованы соответствия *Хэнэс* «неписанный закон» (собст. «Слово») и *Лнэс* «писанный закон» (собст. «Чтение»). (Русское заимствование «закон» неизбежно воспринималось бы ительменами через призму их современной жизни, чего, на мой взгляд, следует по возможности избегать.) Слово *лнэс* используется также в значении «глава (в книге)», а слово *хэнэс* — в значении «заповедь»; вот пример того, как вокабулы, созданные по правилу (1), затем функционируют по правилу (2), ср. 2.9.

Большие трудности представила модальность долженствования, которая в ительменском отсутствовала. Пользоваться русским заимствованием типа «надо» (ср. выше 2.5) очень не хотелось. К счастью, в ительменском имеется общеказуативный глагол *этэс* «велеть, приказывать, понуждать». На базе его с использованием

пассивных форм удалось создать вполне приемлемые эквиваленты: *кэмма нытызмиш* «я должен» (мне велят — в этой форме не названо, кто именно велит мне, понуждает меня), *энна нытысчэн* «он должен» и т.д., во всех личных и видо-временных формах.

4.3.3. Новых для ительменского языка русских заимствований в словаре Евангелия немного. Большинство используемых заимствований бытует в ительменском уже не первое столетие. К ним, помимо упомянутых выше сельскохозяйственных терминов (ср. 4.2), относятся такие слова, как *нэдэля* «неделя» (и частотное в тексте слово «суббота»), *конь* «лошадь», *цар* «царь», *чистой* «чистый» (и его дериваты, например, *чэстэ?жас* «очищать», *чэстэ?жном* «очищение»), *заслуга?* «награда», *мэра?* «мера», *дэльэс* «делить» и т.д. К числу старых заимствований относятся и аналитические глаголы типа *простит эжэс* «простить, помиловать», *назначит эжэс* «назначить» и некоторые другие. Отмечу глагол *спаса?жас* «спасать(ся)», зафиксированный в XIX в. Подобного понятия у ительменов, возможно, не было: Крашенинников упоминает о том, что спасать, например, тонущего было запрещено, считалось грехом. От этого заимствования образован дериват *Спаса?жаклж* «Спаситель».

Слово *крэст* «крест» также вряд ли может быть отнесено к числу новых заимствований — оно было известно ительменам раньше. От него были образованы дериваты *крэстэс* «крестить», *крэстэ?жас* «креститься», *Крэстэ?жаклж* «Креститель», а также *крэстанк энт эжэнас* «распять» («на кресте повесить»). Новыми для ительменского русскими заимствованиями являются в данном случае такие вокабулы, как *ковчэг*, *наслэдник*, *наслэдство?*, *осэл* (полагаю, перевод не нужен), *тэмница?* «тюрьма» (последнее слово ительмены, конечно, знают, но я предпочел термин, не вызывающий современных коннотаций). Приведенными примерами список исчерпывается. Отдельно упомяну семантему «налог, собирать налог, сборщик налогов». Эти слова образованы от корня *йасақ* «ясақ» — слово, которое ительмены выучили от казаков одним из первых, но потом забыли: *йасақа?жас* «собирать налоги», *йасақа?жаклж* «сборщик налогов, мытарь».

4.3.4. Несколько терминов заимствовано непосредственно из греческого текста. Отчасти это продиктовано традициями перевода Евангелия, отчасти же — стремлением донести до читателя вкус, цвет и запах времени и места. В данном случае я выступаю как решительный сторонник именно перевода, а не пересказа, даже для языка, не имеющего никакой письменной традиции (ср. ниже, 5.1).

Поскольку таких терминов немного, перечисляю их все.

Аиэл «ангел». Эта форма сохранена во всех известных мне переводах, в том числе и в русскоязычном пересказе «Слово жизни». Замена его на «посланник, приносящий весть» нецелесообразна, хотя теоретически возможна. Кроме того, ительменам, крещенным уже 250 лет назад, слово «ангел» известно.

Профэт «пророк». Это слово «переведено» только в русском языке. Для ительменов обе формы равно чужды, а возможный в принципе «перевод» (предсказатель, прорицатель) может вызвать у читателя коннотации с семантемой «шаман». Кроме того, от формы *профэт* в ительменском удобно образовывать дериваты: *профэта?лкас* «пророчествовать», *профэта?лном* «пророчество».

Тэттарх «четвертовластник». Как-либо калькировать греческую форму нецелесообразно: калька неизбежно окажется громоздкой, неудобочитаемой и все равно потребует специальных комментариев, как и исходная форма. Интересно, что из всех иноязычных переводов, которые я использовал, форма «тетрарх» калькирована только в финском: *neljännysruhtinas* «князь четверти».

Кэсэр «император, кесарь». Собственно, форма «император» используется только в пересказе «Слово жизни»; во всех упомянутых выше языках слово «император» образовано от греческой, а не от латинской формы, в том числе в финском (*keisari*).

Цэнтурэ?он «сотник», в греческом подлиннике — *ἑκατόνταρχος* ср. соответствия: англ. *centurion*, франц. *centenier*, нем. *Hauptmann* «капитан», финск. *sadanpäämies* «начальник ста»,

русск. пересказ – «римский офицер». По-ительменски возможна описательная калька: *тулусэн тнакол* «сотни начальник», но форма *цэнтурэ?он* предпочтительнее, так как речь идет о представителе римских оккупационных войск.

В форме заимствований в переводе присутствуют названия реалий, характерных для времени и места: *дэнар* «крупная монета», *ассар* «мелкая монета», *драхма?* «мелкая монета», *мина?* «мина» (обычно передаваемая как «фунт»; ср. однако франц. *mine*), *сэнагога?* «синагога». Разумеется, в неприкосновенности сохраняется в переводе и слово «апостол», не требующее по-ительменски фонетической адаптации.

5. Заключительные замечания

5.1. Публиковать ительменский перевод целесообразно при непременно условии публикации обратного пословного перевода на русский язык, в две колонки или на развернутых страницах, ср. конкретный пример из главы 2:

⁸ *Ивэн сэптээнк лүзүвээн анхчолкалаһи, минэһи тхыһи цэлэ энхчолүзүнэн клфицүлэ усхэнк.*

В=той земле были пастухи, которые свое стадо пасли=они=его ночью в=поле.

⁹ *Хоровал Айрман Ацэл ксхлэкипнэн, эц Айрман атхатх итү натхсавнэн, ктылхлүкнэн, клйақи к'лэкипнэн.*

Вдруг Господень Ангел явился=он=им, и Господень свет их осветил=он=их, испугались=они, престрашно стало=им.

¹⁰ *Ацэл хэныкипнэн: забү ктэкабү цсэссх; °хэплаху ригат т'ампэласкисхэн, эц мнил ч'амзанлаһикэ лэм:*

Ангел сказал=им: не бойтесь вы; весьма=великую радость я=хочу=возвесить=вам, и всем людям также:

¹¹ *Клүчи, ифа Давидэн атноманк Спаса?лүкалү ахскэсхан, мин Кристус Айэрэм сэн;*

Слушайте, только=что в=Давидовом городе Спаситель родился=он=у=вас, который Христос Господь есть;

¹² *Хицү цтылссхик: чкивалсхик Мильачү кч'умк'эһи, нукнэн °кэпхэнк °солкалү.*

Узнайте вы=это: найдете=вы=его Младенца запеленатого, для=еды в=корытце лежащего.

Количество словоформ в ительменском тексте и в обратном переводе совпадает, насколько это возможно; сохраняется и порядок слов. Это поможет читателям-ительменам разбирать сложные глагольные формы и познакомит их с особенностями итель-

менского синтаксиса. Без обратного перевода ительменский текст будет во всех отношениях подобен запертой шкатулке.

Кроме того, книга должна быть снабжена небольшой по объему статьей (возможно, стандартной для всех аборигенных языков Сибири) о Евангелии, условиях его написания, об истории Иудеи и прочих деталях социально-культурного фона (римская оккупация, тетрархия и т.д.; небесполезно, видимо, указать и дату взятия Иерусалима и разрушения храма, что предсказывал Христос). Разумеется, необходима карта, подобная тем, что публикуются в изданиях Библейских обществ — как минимум, карта Палестины с приложением плана Иерусалима. Необходимы и комментарии, особенно к тем реалиям, наименования которых взяты в текст перевода без изменений (ср. выше, 4.3.4). Все это поможет читателю полнее воспринять текст Евангелия на родном языке и повысит интерес к нему.

Публиковать эти приложения, по-видимому, лучше порусски, имея в виду все сказанное выше об аборигенных языках Сибири: переводить на эти языки научные статьи — дело едва ли не более трудное, чем переводить Евангелие.

5.2. Работа над переводом Евангелия от Луки на ительменский язык шла в постоянном контакте с еще сохранившимися информантами. Мы поддерживали связь по почте, так как нынешняя экономическая ситуация не давала возможности для поездок на Камчатку. Списки новых слов регулярно посылались «на утверждение», и не всегда предлагаемые мною варианты принимались безоговорочно: некоторые случаи требовали длительного обсуждения; да и вообще, поскольку язык не имеет литературной нормы, текст перевода и после публикации представляется мне открытым для дальнейшего корректирования и совершенствования.

5.3. В настоящее время известны случаи, когда число носителей языка, как будто уже исчезающего, начинает возрастать. В качестве примера назову мохеган, один из аборигенных языков Северной Америки, и дюирбал (Австралия). В обоих случаях это результат деятельности самой общины, а не поли-

тика властей. Задача властей в данном случае — не препятствовать. Конечно, язык, на котором говорит молодежь, выучившая его в школе, не совсем тот, на котором говорит старшее поколение, впитавшее его, так сказать, с молоком матери, это уже нью-мохеган и нью-дюирбал, но это неизбежно. То же будет наблюдаться и в случае с ительменским языком — это будет новый ительменский (разумеется, если это произойдет). Важно одно — чтобы аборигенные языки, которые составляют богатство нашего мира так же, как незагрязненная среда обитания и сохраненная фауна, не исчезали с лица земли.

Из опыта перевода Библии на дагестанские языки

Г.Г.Гамзатов, РАН, Дагестан

Предпринимаемый по взаимному соглашению Института перевода Библии (Стокгольм, Швеция) и Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН (Махачкала) перевод Библии на дагестанские языки — явление во многих отношениях знаменательное для дагестанской словесности.

При оценке данного явления следует иметь в виду ряд обстоятельств этнокультурной и языковой жизни Республики Дагестан. Это, как известно, страна уникального многоязычия: здесь на территории в 50 тыс. кв. км. с населением около 2 млн. человек говорят на 32 языках. В подавляющем большинстве это языки так называемой кавказской семьи. Но функционируют здесь и тюркские языки — азербайджанский, кумыкский, ногайский, а также татский, относящийся к иранской группе языков.

Известен в Дагестане и другой тип распределения и различия дагестанских языков. Речь идет о двух исторически сложившихся нишах размещения языков по группам, известным как аваро-андоцезская, в которую входит 14 языков, и лезгинская с 10 языками.

И, наконец, существует разделение дагестанских языков по стадияльному уровню развития — на языки письменные, литературные, и языки бесписьменные. Традиционно литературными являются 11 языков. В последние годы в процессе демократизации общественной жизни письменность обрели еще три ранее бесписьменных языка, которые ныне именуются новописьменными. К числу же бесписьменных в настоящее время относятся 18 языков. Как правило, это языки наиболее малочисленных народов.

А диапазон численности народностей Дагестана? Наиболее крупная из них — аварцы, число которых не превышает 600 тысяч, наименьшая — гинухцы, на языке которой говорит всего около 400 человек.

И последнее: все 32 языка, функционирующих в Дагестане, в лингвистическом отношении вполне самостоятельны. Несмотря на известное родство, они настолько разнятся между собой, что их носители за редким исключением практически не понимают друг друга. Поэтому, естественно, в Дагестане не обходятся без языка общего пользования, так называемого языка межнационального и межэтнического общения, которым по воле исторических судеб стал и остается русский. В прошлом на эту роль претендовали то персидский, то тюркский, то арабский, однако, сыграв непреходящую положительную роль в развитии дагестанской письменности и словесности, послужив на известном этапе развития дагестанского общества в качестве языков науки, литературы и официальной переписки, они не смогли реализовать себя в роли средства массового общения разноязычных народностей и этнических групп.

Итак, многоязычие воспринимается как важнейший фактор, придающий переводу Библии на языки Дагестана своеобразный характер и отводящий ему специфическую роль.

Другой существенный фактор состоит в том, что Дагестан — страна мусульманская. Ислам имеет здесь глубокие корни и пользуется статусом господствующей религии более 1000 лет. Это обстоятельство накладывает особый отпечаток на обусловленный самим фактом перевода Библии диалог «Библия — Коран», «христианство — ислам», а шире «Запад — Восток». Диалог этот своеобразен не только в идеологическом отношении, но и в собственно лингвистическом, лексическом плане. Дело в том, что такое общение хорошо вписывается в современное русло возрождения духовности и духовных ценностей народов бывшего Союза. Былая концепция тотального атеизма и межрелигиозного противостояния все более уступает место нормальному, естественному процессу взаимопознания народов в обшир-

ной сфере их верований, познания религиозных учений и религиозной литературы людьми различных конфессий.

Должен сказать, что в самом начале реализации программы перевода Библии на дагестанские языки не обошлось без подозрений, упреков и наскоков со стороны отдельных представителей местного мусульманского духовенства, вернее, наиболее воинственных носителей исламской идеи. Нас осаждали и осуждали публично на митингах, в печати, на официальных уровнях. Приходилось вести нелегкую работу по преодолению обывательщины, разъяснять, что начатое нами дело преследует не миссионерские, а просветительские цели и ему вообще чужда мессианская идея; что Библия – это всемирный историко-культурный памятник, величайшее творение человеческого духа и мысли, и познание ее ведет к духовному обогащению любого человека; что взаимопознание мировых религий – условие необходимое и неизбежное для цивилизованного человечества; что сам ислам никогда не отрицал и не отрицает Иисуса и признает его, наряду с Мухаммедом, одним из величайших пророков, а в числе шести столпов исламской веры значится вера в божественные книги, каковыми ислам признает, наряду с Кораном, Товрат (Тору), Забур (Псалмы) и Инжил (Новый Завет); что ознакомление дагестанских мусульман с основной книгой христианства является делом разумным, целесообразным и оправданным, ибо познание Библии лишь способствует лучшему освоению самого Корана и морально-этических ценностей, которые носит в себе Коран; что высказываемые некоторыми ортодоксами от религии опасения и подозрения напрасны и не имеют под собой почвы. Пришлось убеждать примерами из истории, в частности, веротерпимостью имама Шамиля, соорудившего в разгар Кавказской войны у своей резиденции церковь для пленных христиан, продемонстрировать перед дагестанскими лидерами духовенства многочисленные переводы Библии на языки исламских народов – арабский, тюркский, татарский, персидский и т.д. Препруды конфессионального порядка были преодолены, проблема снята, и перевод Библии на

дагестанские языки пошел в русле налаженного научного, гуманитарного, творческого процесса.

Далее, характерную особенность перевода Библии на дагестанские языки мы видим в том, что здесь в этот процесс вовлечены не только языки письменные, имеющие многовековые традиции литературного письма, но и те, которые до сих пор не вышли за пределы бытового языкового общения, не накопили собственных литературных традиций, не имеют литературных норм. Не исключено, что для носителей бесписьменных языков — андийцев, бежтинцев и даже кубачинцев, говорящих на одном из диалектов даргинского языка, Библия станет первым письменным памятником мировой цивилизации на их родном языке. Случай не единичный для истории культуры так называемых малых народов: как известно, создание письменности на мордовском языке связано именно с переводом Библии. Трудно переоценить историко-культурное значение и просветительский, гуманитарный смысл этого события. Поистине, большая перспектива уготована для языка, на котором зафиксирован и озвучен такой бессмертный памятник человеческого духа, как Библия.

И, наконец, хочется обратить внимание на такое обстоятельство: перевод Библии на дагестанские языки знаменателен в том отношении, что мы рассматриваем его в плане возрождения прерванных после 1917 г. традиций развития духовной литературы на языках Дагестана. Известно, что на дагестанских языках, в частности, на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, создана — в особенности в XIX-начале XX вв. — богатая мусульманская литература, составляющая подлинно народное духовное наследие. Только в г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) известным книгопечатником М. Мавраевым было издано около 400 наименований такой литературы. Это была переводная и оригинальная литература, которая хорошо укладывалась в рамки арабо-мусульманской культуры. После революции процесс был прерван — как и в стране в целом — на многие десятилетия.

Дело не только в том, что сама духовная жизнь народа была усечена, ущемлена, обкрадена. Был деформирован, искажен нормальный ход развития языковой жизни, процесс развития языков, становления их литературных норм и накопления лексического багажа. В языковой практике сказалось засилье идеологических, газетно-пропагандистских штампов и канцеляризов, можно сказать, стилистической казенщины. В такой ситуации все очевидней становится значение перевода Библии: сама организация работы с привлечением квалифицированных переводчиков-лингвистов, филологических и богословских редакторов, консультантов и экспертов призвана обеспечить высокий уровень перевода, что позволит – мы это уже наблюдаем – признать данный перевод явлением в дагестанской словесной культуре. Именно тщательная организация работы творческих коллективов, регулярные семинары и консультации с участием признанных специалистов по Новому Завету способствуют, как и ожидалось, выявлению, я бы сказал, мобилизации наличного потенциала и внутренних возможностей дагестанских языков. В свою очередь, все это способствует продолжающемуся процессу становления и нормализации лексико-семантической системы родного языка, раскрытию его потаенных ресурсов, накоплению и обогащению опыта национального гуманитарного мышления. Хотя, как явствует из вышесказанного, нас больше привлекают не богословский, а историко-культурные и лингвистические аспекты проблемы перевода Библии.

Я позволю себе остановиться на некоторых вопросах практической организации перевода Нового Завета на дагестанские языки, предпринятого в дагестанской истории впервые, причем в таком широком масштабе.

Перевод Нового Завета осуществляется на литературные языки Дагестана: аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский; на языки новописьменные: агульский, рутульский, цахурский; на бесписьменные: андийский, бежтинский. Осуществляется перевод и на кубачинский диалект (в литературе его называют и языком) даргинского языка. Помимо языков, но-

сителями которых являются мусульмане, Новый Завет переводится и на татский язык, на котором говорят иудеи, представляющие так называемый северный, или еврейско-татский, диалект татского языка, относящегося к иранской группе языков.

Перевод Нового Завета на все литературные языки Дагестана осуществляется в полном виде. На новописьменные и бесписьменные языки переводится одно Евангелие — Евангелие от Луки, на татский — Евангелие от Матфея.

Для работы над переводами и их редактированием созданы специальные переводческие группы, в которые входят высококвалифицированные специалисты по дагестанским языкам, обладающие опытом переводческой работы. Кроме сотрудников Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, в этой работе принимают участие преподаватели Дагестанского государственного университета и Дагестанского педагогического университета. Как уже отмечалось, огромную работу проводит группа консультантов и экспертов, привлекаемых Объединенными Библейскими обществами и Институтом перевода Библии. Общее число активных участников творческого процесса превышает 30 человек. Среди них — доктора филологии, профессора, опытные научные сотрудники, известные в стране и за ее пределами специалисты по Евангелию и постановке дела его перевода, обладающие опытом мировой практики. Такое широкое представительство специалистов позволяет не только обеспечить компетентное решение собственно переводческой задачи, но и по-новому осмыслить и переоценить отношение к традициям культуры и духовному наследию народов Дагестана и России в целом.

Каково же в настоящее время состояние работы по переводу Нового Завета на дагестанские языки?

На литературные языки переведены все четыре Евангелия и Деяния Апостолов. Эти переводы прошли предварительное — филологическое и частично богословское — редактирование. В последнее время усилия творческого коллектива были сосредоточены на редактировании и подготовке к изданию Евангелия

от Марка. В целом эта работа завершена, идет окончательное согласование текста перевода при участии редакторов и представителя Института перевода Библии. Издание Евангелия от Марка, намеченное на 1994 г., в силу ряда причин перенесено на начало 1995 г. Более других подготовлен к изданию перевод на аварский язык.

Перевод Евангелия от Луки на новописьменные и бесписьменные языки также в целом завершен, а некоторые переводы и отредактированы. Перевод Евангелия на бежтинский язык практически подготовлен к печати. Вызывает беспокойство отставание перевода на агульский язык.

Отметим также, что два небольших отрывка перевода Нового Завета нами опубликованы как пробные варианты: на аварском (Эхо Кавказа, № 1, 1994 г.) и на лакском (газ. «Илчи» от 13 мая 1994 г.) языках. Они имели целью ознакомить читателей с работой над переводом и получить их отзывы. Переводы в основном благосклонно приняты читателем.

Сегодня мы можем сказать, что в деле перевода Нового Завета на дагестанские языки накоплен весьма полезный опыт. В этом плане особое место занимают терминологические проблемы, сводящиеся, в сущности, к поискам приемлемых эквивалентов библейским терминам в дагестанских языках. Безусловно, работа была далеко непростая, но плодотворная. Большим подспорьем для дагестанских переводчиков послужили различные версии перевода Нового Завета на русский язык и в особенности на языки неславянских народов — турецкий, азербайджанский, а также на грузинский.

Для всех переводов на дагестанские языки характерен ряд общих особенностей. Известно, что общим достоянием дагестанских языков является большое количество арабизмов, что обусловлено исламом. Они представляют собою своего рода единый лексический фонд дагестанских языков и одновременно являются «интернационализмами» мусульманского мира. К ним относятся собственно арабизмы и слова, проникшие через арабский язык из древнееврейского, арамейского, древнегре-

ческого и других языков. В этот же фонд входят наличествующие в дагестанских языках иранизмы и тюркизмы.

В силу этого обстоятельства многие термины Нового Завета на дагестанские языки переводятся одинаково — с незначительными различиями в произношении в различных языках: *рухI* — «дух», *дугIа* — «молитва», *малаик* — «ангел», *иблис* — «дьявол», *шайтIан* — «сатана», *аллагь* — «бог», *илчи* — «апостол», *жагь-аннам* (*дужагь*, *жужагь*) — «ад», *алжан* (*жаннат*) — «рай», *тавба* (*тавбу*) — «покаяние», *ягьуди* — «иудей» и др. Мы сошлись на том, что подобного рода термины могут быть использованы в переводах Нового Завета на все дагестанские языки в более или менее унифицированном виде. Аналогичным образом унифицированы в переводах и многие личные имена персонажей из Нового Завета: *Ибрагьим* — «Авраам», *ГIиса* — «Иисус», *ЯхIья* — «Иоанн», *Муса* — «Моисей», *Жабраил* — «Гавриил», *НухI* — «Ной», *Ильяс* — «Илья», *Марьям* — «Мария» и др.

Определенные сложности в переводе Нового Завета на дагестанские языки представляют библейские имена, ранее не известные дагестанцам. Они передаются в русской, перешедшей через греческий, форме. Мы считаем, что правильным было бы передавать такие имена в их исходной форме (древнееврейской, арамейской), так как фонетические возможности дагестанских языков позволяют передать их в более близкой к исходному звучанию форме. Впрочем и воспроизведение смысловых категорий греческого текста при переводе на дагестанские языки могло быть более плодотворным и эффективным при обращении к первоисточнику, минуя язык-посредник. Но, увы, этих «благ» мы лишены.

В то же время в переводах на отдельные языки прослеживаются особенности, характерные именно для перевода на данный конкретный язык. Так, при переводе Нового Завета на аварский язык максимально широко использована лексика существующей духовной литературы на аварском языке. И этот опыт оказывается весьма полезным. К примеру, удачными представляются нам термины: *мурид* — «ученик» (шейха, святого), *илагьияв* — «святой»

и др. Об этом довольно подробно говорится в статье М.К. Гимбатова и Я.Г. Тестельца (см. сб. Альфа и Омега/, М., 1994).

В переводах Нового Завета на южнодагестанские языки — лезгинский, табасаранский, а также на новописьменные — агульский, рутульский, цахурский заметно влияние азербайджанского и персидского языков, что также учитывается нами в переводческом процессе. Разумеется, в переводах на дагестанские языки приходится прибегать и к калькированию, т.е. созданию новых терминов по существующим в языке моделям на базе обиходной лексики. Но такие неологизмы вводятся в перевод лишь после весьма тщательного обсуждения творческой группой по языку перевода. Именно здесь становится самоочевидным значение работы над переводом Нового Завета как важного инструмента выявления лексических возможностей того или иного языка, особенно языка, не располагающего достаточным «литературным» опытом и нащупывающего пути формализации и нормализации.

Есть свои особенности и у переводов Нового Завета на андийский и бежтинский бесписьменные языки, испытывающие сильное влияние аварского языка, который, как известно, служит общепринятым средством межэтнического общения для андо-цезской группы народностей. Этим обстоятельством обусловлено наличие в лексике языков данной группы значительного слоя арабизмов и собственно аваризмов. Вот почему в переводе Нового Завета на андо-цезские языки большим подспорьем служит аварский перевод памятника.

В процессе работы над переводом Нового Завета на дагестанские языки возникли, иначе и не могло быть, серьезные трудности. Наиболее существенные из них обусловлены новизной и необычностью такой работы. Мы столкнулись с тем, что имеем дело не просто с переводом: в силу известных причин мы вынуждены вносить в текст перевода элементы толкования, разумеется, не выходя из круга богословских понятий. И здесь нас должна выручать и действительно выручает обширная справочная литература по Новому Завету, которой, к сожалению, не

всегда хватает. В частности, ощущается большая нужда в квалифицированных толкованиях и комментариях библейского понятийного аппарата греческого оригинала, что сблизило бы авторов перевода с языковой стихией первоисточника и позволило бы им «отыскать» в недрах родного языка больше лингвистических соответствий.

Так что важнейшей позитивной частью складывающегося опыта перевода библейской литературы на дагестанские языки является выработка «новозаветной» терминологии, которая имеет явственную тенденцию к унификации и, безусловно, ведет к обогащению лексического фонда дагестанских языков. Представляется весьма плодотворной и перспективной идея создания сводного словаря библейских терминов по дагестанским языкам — идея, реализация которой потребует серьезных научных и исследовательских усилий специалистов — лингвистов, переводчиков и редакторов.

Думается, что комплексная работа по переводу Библии на дагестанские языки представляет реальный вклад в развитие словесности и обогащение языков народов Дагестана, способствует большему взаимопониманию народов. А это — в духе высших идеалов человека и духовных запросов его интеллекта. Дело это благородное и благодарное. И весьма перспективное.

О соотношении между понятиями «буквальный» и «адекватный» перевод

(На материале перевода на таджикский язык Евангелия от Иоанна)

А.А.Горбачевский, Челябинский Государственный Университет

1. Диапазон употребления термина *буквализм* в современной научной и научно-публицистической литературе очень широк — от оценочно-негативного до нейтрального. Буквальным называют перевод, выполненный на любом литературном языке в соответствии с нормами его грамматики, лексики, стилистики — с одной стороны (1, с.38), и перевод, являющийся результатом сознательной интерференции двух языковых систем, в значительной степени зависимый от языковой формы оригинала и представляющий собой механическую подстановку соответствующих лексических элементов без учета их сочетаемости в языке перевода — с другой (2, с. 103, 113-118).

В первом смысле цель буквального перевода состоит в том, чтобы дать текст, равноценный оригиналу (или приближающийся к этому идеалу), во втором смысле — представить оригинал наглядно, раскрыв через лексику его внутреннюю логику. Кроме того, есть и другие различия — отношение переводчика к оригиналу, используемые приемы воспроизведения иноязычного текста и т.д. Поэтому необходимо различать буквальный перевод в первом смысле, т.е. собственно буквальный перевод, и перевод во втором смысле — буквалистский перевод (или дословный, лексический, подстрочный, учебный, вспомогательный).

2. В художественных, а также в любых других текстах, обладающих семантической многозначностью, представлено два типа информации: экстралингвистическая — о внеязыковой действительности и собственно лингвистическая — о языке, на

котором написано данное произведение. Именно лингвистическая информация служит для упорядочения экстралингвистической информации и благодаря этому влияет на семантику художественного текста. Чем больше это влияние, тем труднее перевести такой текст на другой язык.

3. Перевод — это не только преобразование лексики, но процесс, затрагивающий все уровни языковой системы. Поэтому при переводе необходимо учитывать, во-первых, какие уровни языковой системы существенны для данного текста; во-вторых, в какой степени подвергаются переводческим трансформациям языковые единицы соответствующих уровней; в-третьих, в какой степени может быть подвергнут трансформации текст в целом.

Степень точности перевода находится в прямой зависимости от объективных и субъективных причин. Объективные, предсказуемые причины заключены в оригинале и в языке перевода, субъективные, непредсказуемые — в переводчике, в его отношении к оригиналу и в степени понимания переводчиком оригинала.

Собственно буквальный перевод предполагает сохранение эквивалентов на всех уровнях языковой системы. На уровне лексем — сохранение прежде всего знаменательных слов. Если нормы заимствующего языка не позволяют сохранить прямые словарные эквиваленты, то допускается замена, но только словами синонимического ряда, причем синонимия понимается в узком смысле этого слова. Эквивалентность на уровне синтаксических конструкций предполагает, по возможности, сохранение моделей, используемых в оригинале, или замену их синонимическими, но только в строго ограниченных рамках.

Адекватный перевод — в отличие от буквального — допускает более свободное обращение с оригиналом. В большей степени используются разные переводческие трансформации, перестановки слов, их замены, добавления, опущения. Синонимия понимается в широком смысле, практически не ограничена никакими рамками. Свободно используется принцип компенсации, недопустимый с точки зрения буквального перевода.

Понятия «буквальный/адекватный перевод» соотносятся между собой по цели, но различаются по исполнению. Буквальный перевод стоит в ряду таких переводов, как адекватный, вольный, характеризующих степень точности перевода и отношение переводчиков к оригиналу.

4. Результативность переводческого метода в значительной степени обусловлена характером текста, что, в свою очередь, определяется тем, как представлены в нем функции языка – референтивная, эмотивная, метаязыковая, конативная, поэтическая и фактическая (3, с. 193-230). Тексты, в которых преобладает референтивная или метаязыковая функция, вполне адекватно можно перевести на другой язык, если использовать методику буквального перевода. В текстах с преобладанием поэтической функции буквальный перевод не всегда может оказаться точным и достаточно полным воспроизведением смысла оригинала. В этом случае предпочтителен адекватный перевод с его возможностями функциональных замен, переводческих трансформаций, широким использованием принципа компенсации.

5. Перевод Библии на таджикский язык осуществлен с древнееврейского языка – Ветхий Завет – и с русского языка – Новый Завет, переводчик – Мордехай Бачаев (4, с. 2, аннотация). Сравнение таджикского перевода с русским Синодальным текстом позволяет утверждать, что переводчик использовал и другие источники, в частности, перевод на персидский язык, как это было показано в докладе И. М. Стеблин-Каменского, и, возможно, древнееврейский текст. Об этом косвенно свидетельствуют способы передачи на таджикский язык иудейских собственных имен.

Несомненный интерес представляют разночтения русского Синодального перевода с греческим оригиналом (отмечаемые обычно в тексте Библии курсивом). Таких разночтений в Евангелии от Иоанна не менее 120. Все эти добавления не вносят существенных изменений в содержание соответствующих фрагментов. Они уточняют значение отдельных фраз, придают

усилительное значение отдельным словам и предложениям, в отдельных случаях восполняют в структуре предложения недостающие формальные компоненты.

Рассмотрим лексические и грамматические трансформации, которым подвергаются при переводе на таджикский язык фрагменты, содержащие в русском тексте соответствующие добавления по сравнению с греческим оригиналом, обращая внимание прежде всего на сами добавления, но не упуская из виду и других преобразований, отмеченных в данном фрагменте.

А. Лексические трансформации.

К лексическим трансформациям относятся те преобразования, которые возникают в процессе перевода в семантике словарных эквивалентов заимствующего языка. Сюда же можно отнести добавления слов, не имеющих прямых соответствий в оригинале, или, наоборот, опущения при переводе слов оригинала.

Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда *это вино*, знали только служители ... (2:9).

Чун сардор оби ба шароб мубаддалшударо чашид ва надонист, ки аз кучост, зеро фақат хизматгороне ... медонистанд... (Когда распорядитель попробовал воды, превратившейся в вино, и не знал, откуда, знали только служители...).

В таджикском переводе пропущено словосочетание *это вино*. Придаточное предложение в таком виде является семантически и формально неполным. Недостающие компоненты восполняются из контекста.

На это Иудеи сказали Ему в ответ: каким знамением докажешь Ты нам, что *имеешь власть* так поступать? (2:18).

Он гоҳ яхудиён ба ӯ рӯ оварда, гуфтанд: «Ба мо чӣ аломате нишон медиҳӣ, ки ин корҳоро мекунӣ?» (Тогда иудеи, обратясь к Нему, сказали: «Какой знак нам покажешь, что эти дела [Ты] совершаешь?»).

Не переведено на таджикский язык «имеешь власть», что меняет модальную направленность вопроса, а следовательно, и смысл всего фрагмента.

Вместе с тем следует отметить и такую лексическую трансформацию, как перевод слова «знамение» словом *аломат* —

«знак, признак», по своему лексическому значению только частично совпадающим со словом оригинала.

А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и *поспели* к жатве (4:35).

Инак, Ман ба шумо мегӯям: чашмони худро боло карда, киштзорро бубинед, ки барои дарав сафед шудааст (Итак, Я говорю вам: подняв свои глаза, посмотрите на нивы, которые побелели для жатвы).

Не переведено «и поспели». Выражение «возведите очи ваши и посмотрите» переведено в соответствии с его референциальным значением «подняв свои глаза, посмотрите». Не передана стилистическая окраска этого выражения.

Человек *прозревший* сказал им в ответ... (9:30).

Он одам дар ҷавоби онҳо гуфт... (Тот человек сказал им в ответ...).

Слово «прозревший» не переведено. Его формальная функция компенсируется указательным местоимением *он* — «тот», а в семантическом отношении это добавление избыточно.

Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, *где жили* Мария и Марфа, сестра ее (11:1).

Шахсе Лаззор ном бемор буд аз аҳли Байт-Ҳинӣ, ки деҳаи Марьям ва хоҳараи Марто буд (Был болен один человек по имени Лазарь из жителей Вифании, которая была селением Марии и ее сестры Марфы).

Не переведено сочетание «где жили». Придаточное определительное с союзом «где» переведено тоже придаточным определительным, но с союзом, соответствующим русскому «который».

И многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии — утешать их *в печали* о брате их (11:19).

Ва бисъёре аз яҳудиён назди Марто ва Марьям омада буданд, то ки барои бародарашон онҳоро тасалли диҳанд (И многие из иудеев пришли к Марфе и Марии — утешать [чтобы утешать] их из-за их брата).

Не переведено добавленное в Синодальном тексте «в печали», уточняющее слово «утешить». Инфинитивная конструкция со значением цели переведена эквивалентной конструкцией, которую в таджикском языке можно определить и как придаточное цели, так как глагол употреблен в личной форме.

Приближалась Пасха Иудейская, и многие из *всей* страны пришли в Иерусалим пред Пасхою, чтобы очиститься (11:55).

Чун иди фисхи яхудиён наздик шуд, мардуми бисьёре аз ҳар тарафи мамлакат неш аз фисх ба Ерусалим омаданд, то ки худро татҳир намоянд (Когда приближался праздник иудейской пасхи, много людей из всех концов страны пришли перед пасхой в Иерусалим, чтобы очиститься).

Вместо «из всей страны» переведено *аз ҳар тарафи мамлакат* «со всех сторон страны» (или «из каждой стороны страны»), т.е. произведена частичная замена. Сложносочиненное предложение преобразовано в переводе в сложноподчиненное с придаточным времени. Конструкция со значением цели переведена так же, как и в предыдущем примере.

Встал с вечера, снял с *Себя* *верхнюю* одежду и, взяв полотенце, препоясался (13:4).

Аз сари суфра бархоста, либоси Худро кашид ва дастмоле гирифта, ба камар бафт (Встав из-за стола, снял Свою одежду и, взяв полотенце, перепоясался).

Не переведено добавленное в Синодальном тексте прилагательное «верхнюю». Возвратное местоимение «с Себя» заменено притяжательным местоимением «Свою». Слово *суфра* — «скатерть, скатерть с угощением» в данном контексте соответствует русскому «стол, обеденный стол».

В некоторых примерах отступления от русского первоисточника более значительны — за счет замен и добавлений.

... и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы *можно было* есть пасху (18:28).

... ва онҳо ба сарбозхона надаромаданд, то ки начис нашаванд ва барраи фисхро бихуранд (... и они не вошли в помещение для воинов, чтобы не оскверниться и есть пасхального барашка).

Значение возможности, выраженное аналитической конструкцией «можно было», в переводе не передается. Слово «претория» — «дом претора — высшего должностного лица в Древнем Риме» — представляет собой реалию — то, что принято называть «непереводимым в переводе». Переводчик заменил это слово другим, частично соответствующим ему в функциональном отношении. Слово *фисх* — «пасха» в переводе конкретизировано как *барраи фисх* — «пасхальный барашек».

...а такие *ветви* собирают и бросают в огонь... (15:6).

...*ва чунин навдаҳоро гирд оварда, ба оташ меандозанд...* (...и такие побеги собирая, бросают в огонь...).

Слово «ветви» в переводе конкретизируется и передается словом *навдаҳо* — «побеги», хотя в таджикском языке есть словарный эквивалент *шох* «ветвь, ветка; хворост». Выбор указанного слова объясняется его сочетаемостью в таджикском языке: о ветках винограда говорят именно *навда*.

Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою *сторону* и Меня оставите одного ... (16:32).

Инак, соате мерасад, ва аллакай расидааст, ки шумо пароканда шуда, ҳар яке сӯи хонаи худ меравед ва Маро танҳо мегузоред... (Вот, наступает час, и уже настал, что вы, рассеявшись, каждый из вас пойдет в свой дом, и Меня одного оставите...).

В данном фрагменте произведена замена одного понятия другим. Выражения «рассеетесь каждый в свою *сторону*» и «рассеявшись, каждый из вас пойдет в свой дом» не являются синонимичными: в первом случае предполагается, что те, к кому обращается Иисус, пойдут в мир и понесут слово Божье, вторая фраза такого смысла не выражает, скорее, наоборот: «разойдетесь по домам и будете заниматься своими делами, забыв о своем истинном призвании».

Опять говорил Иисус *к народу* и сказал им... (8:12).

Ва Исо боз ба мардум гуфт ... (И опять Иисус говорил [сказал] народу).

Как и в предыдущем примере, добавленное в Синодальном тексте слово переведено. Оно легко восстанавливается из контекста — слово «народ» — *мардум*, а также соответствующие местоимения употребляются в предыдущих предложениях этой главы. В силу семантики глагола «говорить» дополнение «к народу» в данном предложении обязательно. Поскольку в таджикском языке отсутствует категория глагольного вида, глаголы «говорить»/«сказать» переводятся одним словом — *гуфтан*.

Глагол «возлежать» (ср.: 6:10, 11; 12:2; 13:12 и др.) переводится соответствующими формами глагола *нишастан* — «сидеть»:

Иисус сказал: велите им *возлечь*... Итак *возлегло* людей числом около пяти тысяч (6:10).

Исо гуфт: «Мардумро шинонед» ... Ва мардум, ки кариб панҷ ҳазор мард буданд, нишастанд (Иисус сказал: «Посадите людей» ... И люди, которых было почти пять тысяч мужчин, сели).

В единичных случаях этот глагол переводится другими словами:

Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса (13:23).

Яке аз шогирдонаш буд, ки бар сандуки синаи Исо такья мезад: Исо вайро дӯст медошт (Был один из учеников Его, который прислонился к груди Иисуса: Иисус его любил).

Контекст позволяет перевести глагол «возлежал» глаголом со значением «сидел», как это дано в переводе Леонида Лутковского (А рядом с Иисусом сидел один из самых любимых учеников Его).

Б. Грамматические трансформации.

Известно, что выбор лексических средств языка при описании той или иной ситуации в значительной степени зависит от говорящего или пишущего. Для выражения того или иного понятия каждый носитель языка широко использует всевозможные синонимические средства. Грамматическая система языка более жестка, здесь выбор возможен только в очень узких, ограниченных рамках, поэтому носители языка в большей степени зависят от его грамматики, чем от лексики.

С аналогичными проблемами переводчик сталкивается независимо от того, с каким текстом он имеет дело. В случае избыточной или, наоборот, недостающей информации в тексте – в зависимости от задач и возможностей языка перевода – переводчик может соответственно добавлять или опускать, не переводить отдельные слова или выражения.

В этом отношении показательны случаи употребления прямого дополнения, выраженного указательными местоимениями *то*, *это*, зависимыми от переходного глагола.

Народ, стоявший и слышавший *то*, говорил... (12:29).

Мардуме, ки дар он ҷо истода буданд, инро шунида, гуфтанд... (Люди, которые там стояли, слыша это, говорили...).

Если чего попросите во имя Мое, Я *то* сделаю (14:14).

Агар чизе ба исми Ман биталабед, Ман онро ба чо хоҳам овард (Если попросите что-либо во имя Мое, Я *то* выполню).

Это говорил Он ... (6:71).

Инро Ӯ ... гуфт (Это говорил Он ...).

В приведенных примерах используемые в Синодальном тексте указательные местоимения «то», «это» переведены соответственно местоимениями *он*, *ин* с послелогом *-ро*, указывающим на прямой объект.

Есть несколько примеров, в которых прямое дополнение, выраженное указательными местоимениями, на таджикский язык не переведено. Такие предложения воспринимаются как формально и семантически неполные.

Они же, услышавши *то* и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим ... (8:9).

Чун шуниданд, вичдонашон нороҳат шуд, ... наси якдигар баромада рафтанд... (Когда они услышали, их совесть пришла в беспокойство, ... [они] стали уходить друг за другом...).

Иисус, услышав *то*, сказал ... (11:4).

Чун Исо шунид, гуфт... (Когда Иисус услышал, сказал...).

Рассмотренные примеры лексических и грамматических трансформаций свидетельствуют, что лексические добавления в Синодальном тексте, как правило, на таджикский язык не передаются. Немногочисленные отступления от этого принципа объяснимы вполне объективными причинами, в частности, необходимостью реализовать в составе словосочетания сильные синтаксические связи.

Грамматические добавления, наоборот, как правило, в переводе воспроизводятся, что объясняется большей жесткостью грамматической системы по сравнению с лексической.

Перевод выполнен в соответствии с требованиями буквализма, понимаемого не как механическая подстановка слов одного языка вместо слов другого языка, а как преобразование исходного текста в текст на заимствующем языке в строго огра-

ниченных рамках формального и смыслового варьирования. Трансформации, представленные в переводе Евангелия от Иоанна на таджикский язык, обусловлены прежде всего особенностями заимствующего языка и семантикой переводимого текста. Именно поэтому в таджикском переводе отражены те добавления, содержащиеся в Синодальном тексте, которые формально необходимы в составе переводимого предложения или семантически однозначно восстанавливаются из контекста.

Литература

1. В. Набоков. «Предисловие переводчика» (к английскому изданию «Евгения Онегина») //Наше наследие. 1989, № 1. с. 38.
2. М. Гаспаров. «Брюсов и буквализм» //Мастерство перевода. Сборник восьмой. М., 1971.
3. Р. Якобсон. Лингвистика и структурализм //Поэтика: «за» и «против». М., 1975.
4. Библия (на таджикском языке). Стокгольм, 1992. Примеры из Евангелия от Иоанна приводятся по следующим изданиям: Башорати Худованди мо Исои Масех. Инчили Юханно. Стокгольм, 1984; Новый Завет. Псалтирь. М., 1991.

Терминологические проблемы, возникающие при переводе Евангелия от Луки на корякский и чукотский языки

А.Н.Жукова, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

На чукотско-камчатские языки Евангелие переводится впервые. Родственные чукотский и корякский языки входят в палеоазиатскую группу. Чукчи и коряки расселены на крайнем северо-востоке Азии — Чукотке и севере Камчатки. По переписи 1989 г. коряков 9,2 тыс. человек, чукчей — 15 тыс. Исконная религия — шаманизм. Терминология шаманизма не изучена.

Письменность на чукотском и корякском языках была создана в 30-е годы XX в. Современные алфавиты базируются на русской графике, включая дополнительные буквы. Для этих языков, обучение которым ведется в школах Чукотского и Корякского автономных округов, составлены учебники, но еще не созданы полные словари. Лексика и словообразование получили лишь первоначальное описание. Нет обобщающего исследования духовной культуры чукчей и коряков.

В этих условиях перед переводчиками Евангелия возникает ряд проблем, в числе которых на первый план выходят вопросы терминологии.

1. Во-первых, сложность заключается в том, что, не имея теоретических разработок в области терминологии духовной культуры чукчей и коряков, переводчики должны одновременно осуществлять перевод и неизбежно предвирать его углубленной разработкой терминологии. В процессе перевода Евангелия выявляется — свойственна ли тому или иному слову устой-

чивая однозначность, необходимая для становления термина. Встает вопрос — как далеко должно простираться требование устойчивой однозначности при переводе того или иного термина? На практике приходишь к мысли, что устойчивой однозначности следует добиваться для ключевых терминов. Двусмысленность же в любом случае устраняется в контексте, в тексте в целом.

2. Вторая проблема связана с использованием заимствованных слов. Всегда ли можно избежать заимствования, когда в языке перевода есть слова, раскрывающие значение исходного термина? Какое место в лексической системе займет предлагаемый вариант? Проиллюстрировать поиски адекватного перевода можно переводом термина «ангел». Опираясь на значение этого слова, мы могли бы перевести его на корякский язык, как *тыңивылг'ын* — «посланный», «посланник». Слово *тыңивылг'ын* широко употребляется в корякском языке, но оно закрепилось в современном значении «депутат». Следует отметить, что в последние годы коряки явно отдают предпочтение заимствованию из русского слова «депутат», но слово *тыңивылг'ын* для перевода термина «ангел» употреблять неправомерно, так как несомненно будет превалировать прежнее, уже усвоенное, значение. Можно предположить, что и заимствование слова «депутат» стало нужным, чтобы добиться необходимой для термина однозначности.

В процессе выбора термина пришлось рассмотреть еще одно корякское слово — *уйийит*. Корякское *уйийит* имеет значение «дух-охранитель». В этом случае обозначается существо не такое, как человек. При проверке реакции на употребление этого слова оно не было отвергнуто коряками и старшего, и среднего возраста.

Уйийит — «дух-охранитель». Он не один, их много. В первом варианте перевода на корякский язык было использовано это слово.

Корякскому *уйийит* соответствует чукотское *увирит*. Выясняется, что *увирит* — «охранители», «помощники», но это души умерших родственников, о чем не у всех, говорящих на чукотском

языке, есть представление. Если этимологизировать корякское *уйийит*, можно связать это слово с глаголом *уйи-к* — «сжигать».

После размышлений и колебаний слово *уйийит*, как и *тыңивылг'ын*, не было взято в качестве термина. Пришлось выбрать заимствование — «ангел». Это слово хорошо известно чукчам и корякам.

Заимствованное слово «ангел» легко произносится, так как по звуковому составу и слоговому строению хорошо входит в ряды корякских и чукотских слов (кор. *ай-кат* — «берег», *ум-кын* — «лес», *аң-қан* — «море», *ан-гел*).

Наряду с семантическим и фонетическим освоением слова необходимо предусмотреть возможность его грамматического освоения. С употреблением в тексте слова «ангел» возникает проблема выбора типа склонения. Существительные корякского и чукотского языков, обозначающие человека, склоняются по одному типу, обозначающие не человека — по-другому. Анализ фольклорных и других оригинальных текстов на языках переводов показал, что если существо, не являющееся непосредственно человеком, действует, например, говорит, как человек, его наименование изменяется по типу склонения слова «человек». Соответственно, рассматриваемое слово функционирует в тексте с суффиксированным артиклем:

Лук. 2:10: «И сказал им ангел...» — *То ангельнак ив'нин...*

Лук. 2:13: «... с ангелом...» — *...ангельнак омакаң...*

Так же может быть раскрыт процесс выбора термина «крест» и ряда других ключевых терминов.

Возможности использования заимствованных слов ограничены. При необходимости номинации нового понятия используются различные способы пополнения лексической системы языка перевода. Так, затруднения встретились при переводе слова «храм». В корякский язык заимствовано слово *черкван* «церковь», но понятие, обозначаемое этим словом, не эквивалентно понятию «храм». После относительно долгих поисков на чукотский язык слово «храм» переведено — *аңауран* (букв. «дом Бога»). Соответственно, на корякский язык — *аңаңьян*.

Термин создан по употребительной в корякском и чукотском языках модели сложного слова, по которой были образованы в разное время корякские слова *қайыкмэуы-ян* — «детский дом, детский сад», *ав'зе-ян* — «столовая», *отты-ян* — «изба, деревянный дом», *лымгы-ян* — «землянка»; чукотские *калетко-ран* — «школа».

Для того, чтобы слово вошло в язык, необходимо фонетическое и грамматическое освоение его говорящими. Большое значение имеет регулярное употребление в речи, в процессе которого осваивается значение слова.

Для языков чукотско-камчатской группы не характерно разграничение терминологии (например, производственной) и общей лексики.

3. Третий вопрос — о соотношении терминов в родственных языках, отражающих родственные культуры. Целенаправленное сравнение дает возможность проведения этимологического анализа, выявления исконного значения, что позволяет проверить однозначность слова-термина. Можно отметить, что и в родственных языках, отражающих один и тот же уровень культуры, получивших письменность в одно и то же время, наблюдаются расхождения в приемах обогащения словарного состава. Так, анализ текстов показывает, что коряки чаще предпочитают заимствования, чем чукчи, которые развивают лексику, более активно пользуясь средствами своего языка. Например, для наименования кесаря, императора, царя в чукотском языке есть слово *тиркэрым* — буквально «солнечный владыка», в корякском же языке соответствующее слово *тийкайым* не закрепилось в употреблении и было заимствовано из русского. Фонеморфологически слово «царь» не соответствует облику исконных корякских слов (в корякском нет односложных существительных, нет звука «ц»), но оно закрепилось в языке и употребляется в фольклоре.

Сопоставление терминов в родственных языках служит, до известной степени, опорой переводчику. Например, слово «ученик» переводится на чукотский *кэлиткульын* (*кэлиткук* — «учиться, писать», *калеткоран* — «школа»). В корякском языке

«ученик» – *ейгучев'уылг'ын* (буквально «желающий [получить] знания»). По аналогии с корякским, было взято для перевода на чукотский «ученики» (ученики Христа) слово *рэгьюсесуылгу* «желающие [получить] знание». Слово *рэгьюсесуылгу* точнее раскрывает библейское понятие «ученик» и может быть терминологически закреплено в переводе.

Вопрос о соотношении терминов в родственных языках заслуживает специального рассмотрения.

4. В-четвертых, выявляется круг вопросов, связанных с наименованием реалий, которых нет у чукчей и коряков.

В ряде случаев используется не только видовое, но и родовое наименование. Соединение исконного и заимствованного слова дает возможность раскрыть значение переводимого текста. Так, на Чукотке, на Камчатке нет ослов, нет голубей. Пришлось прибегнуть к переводу кор. *явагыйнэк-осел* – буквально «ездовое животное-осел», *пычик-голубь* – «птица-голубь». Этим приемом, близким к толкованию, нельзя, разумеется, злоупотреблять.

5. С формированием терминологии, необходимой для перевода Евангелия, связаны и вопросы последовательного/непоследовательного соблюдения фонетических и морфонологических закономерностей, таких, как гармония гласных, ассимиляция согласных, законы начала и конца слова. После ряда проб переводчики пришли к заключению – в корякском и чукотском переводах имена собственные не будут отражать закономерности сингармонизма.

Освоение имен собственных, не являющихся исконными, в дописьменный период и в период, предшествующий общей грамотности, сопровождалось фонетическим преобразованием этих имен: «Никифор» – *Микифлю*, «Лаврентий» – *Лявво*. В современных условиях исходный звуковой облик заимствованных имен, как правило, сохраняется.

6. С терминологическими проблемами адекватного перевода на младописьменные языки связано и выявление характерных особенностей в корякском и чукотском языках синонимии, метафоры, тех стилистических приемов, которые дают воз-

можность совершенствовать перевод. Уделяется внимание и благозвучию терминов.

7. Неизбежно встает вопрос и о системе терминов. Процессы формирования терминологии в языках чукотско-камчатской группы мало изучены. Если попытаться обобщить опыт перевода Евангелия, можно отметить, что источниками формирования терминов, ранее не востребуемых, явились готовые слова, чье значение уточняется в контексте, термины-дериваты, образованные на базе исконных чукотских и корякских слов, заимствования из русского языка (или через него), термины-дериваты, образованные на базе заимствованных слов, образование у слов новых значений, введение частичного толкования заимствованного слова через употребление его совместно с широкоупотребительным исконным словом.

Формирование терминологии – процесс контролируемый, и контролируется он в первую очередь общими закономерностями формирования словарного состава языка перевода. Так, в чукотский и корякский языки редко заимствуются глаголы, и для новых понятий, обозначающих действия, необходимо изыскивать наименования, избегая заимствований.

На определенном этапе переводчик вынужден выявлять систему терминов. Это не означает, что выявленные элементы системы не могут быть пересмотрены и перегруппированы в процессе дальнейшей работы над переводом.

На чукотский и корякский языки производится смысловой перевод Евангелия. Сложнейшую задачу перевода памятника такой культурной значимости невозможно было бы решить без той большой подготовительной, проводимой на самом высоком уровне, работы, которая осуществляется Институтом перевода Библии в виде семинаров для переводчиков, в организации сотрудничества переводчиков, редакторов и консультантов.

Библия – великое явление культуры. Перевод Библии на языки народов Крайнего Севера означает приобщение этих народов к подлинным общечеловеческим ценностям.

Проблемы перевода Библии на современный грузинский язык

З.Г.Кикнадзе, Тбилисский Государственный Университет

В определенных кругах (не только церковных) бытует мнение о том, что современный литературный грузинский язык не может адекватно передать стиль библейского повествования и поэтому переводить Библию бесполезно и даже нежелательно, если не кошунственно.

Такое отношение к новым переводам Библии на грузинский язык вызвано недоверием к возможностям современного языка вообще. На сознание читателей явно действует мощное давление древнегрузинского текста Библии, оваянного ореолом древности. В их сознании библейские книги глубоко и неразрывно связаны с древнегрузинским языком, который на протяжении более чем тысячелетия являлся единственным сосудом для Священного Писания. Неприятие перевода на современный язык имеет три переходящие друг в друга аспекта: психологический, эстетический и богословский.

Восприятию и принятию современного перевода мешает дистанция, которая образовалась по известным причинам между современным человеком и миром Библии (особенно ветхозаветным). Современный читатель не представляет Авраама и других ветхозаветных лиц говорящих на обиходном языке, поскольку, по его представлениям, патриархи, пророки и цари живут в совершенно отличном от современности мире. Несведущий в библейском языке и в сути библейских книг читатель для поддержания чувства этой искусственной и порой ложной дистанции ожидает и требует особого возвышенного языка. По его представлению, к примеру, о Христе следует говорить лишь по-божественному (resp. по-старогрузински) «возвышенно»:

მეგობარი («взалкал»), а никак не по-человечески просто მამოვდი («почувствовал голод», в оригинале *ἐπεινάσεν*).

Эстетический момент довлеет в сознании читателя, принимающего Священное Писание за литературное произведение архаической эпохи, требующее поэтому особого возвышенного языка, каким для него является древнегрузинский. Древнегрузинский язык ему представляется в первую очередь эстетическим феноменом. Возвышенность с некоторой долей туманности стала особенностью этого языка, независимо от передаваемого им содержания.

Архаическая лексика, архаический, порой не совсем ясный, эллинизированный синтаксис, необычные для современного языка обороты придают тексту вторичную эстетичность, которая не может иметь ничего общего с текстом оригинала. Именно этот импрессионистский подход при чтении древнего перевода Библии и является главным препятствием для адекватного понимания текста на информационном уровне, не говоря уже о постижении библейских истин в смысле религиозном. Как чрезмерный и вычурный орнамент на наружных стенах храма и архитектурные излишества мешают свободному восприятию его архитектоники и внутреннего пространства, так и приобретенное самостоятельное значение, пропитанное древним ароматом одеяние — выдвинутый на передний план феномен языка — отчуждает читателя от подлинного библейского реализма. Привыкший к «эстетике» древнего перевода читатель не узнает «свою Библию», не находя в ней «возвышенных» пассажижей, вроде «И... напоследок взалкал» (Мф. 4:2) и т.п. Библейские книги обоих Заветов — трезвые книги, далекие от романтической туманности, импрессионистских полутонов, они объективно передают Божье Слово и создают объективный образ мира. Каждое их слово, каждый эпизод имеет онтологическую основу и адекватное словесное выражение. Слово здесь, в принципе, имеет понятийную ценность со своими границами и объемом. Это не поэтическое слово в его обычном смысле, как часто представляется на среднем уровне восприятия библейских текстов.

Многие пассажи посланий апостола Павла исполнены такого вдохновения, что могут показаться читателю примерами художественного мышления. Тут мышление в понятиях восходит к таким высотам, что естественно оставляет впечатление поэтического вдохновения.

Туманность как одна из эстетических категорий придает тексту таинственный нюанс. Но при всей поэтичности библейских книг в их переводах нельзя допустить недосказанностей и двусмысленностей. Таинственность библейских книг совершенно иного рода, она заключается не в туманной псевдопоэтической лексике. На словесном уровне все должно быть предельно четким. Лишь при этой четкости и ясности и возможно толкование любого уровня, чтобы Библия, библейские истины, библейская реальность в чистом виде могли дойти до каждого.

Теологический аспект. В церковных кругах бытует убеждение, что библейские истины можно передать лишь на древнегрузинском, т.е. церковном языке. Осененный многовековой письменной традицией и литургической практикой церковный язык приобретает сакральный авторитет, которым он в начале традиции, когда Священное Писание переводилось впервые, не обладал. Язык оплодотворился библейскими истинами и стал таким, каким является ныне. Но ведь авторитет святости и сакральности придает языку не время, а само Божье Слово, когда оно воплощается в языке. Тут «стаж» воплощения не имеет объективного значения. «Стажем» лишь усиливается субъективный момент. В языке либо присутствует Слово, либо его нет в нем. Благодать от Слова невидима, она не являет себя ни на лексическом, ни на морфологическом, ни на синтаксическом уровнях. Она пронизывает язык изнутри, преобразует его, подобно действию Святого Духа, претворяющего хлеб и вино в Плоть и Кровь Спасителя.

Если следовать скептическому в отношении современного языка убеждению, придется допустить существование языков, изначально определенных для принятия Слова, и языков, которые лишены этого дара. Подобный подход к проблеме про-

творечит духу христианства и наводит на мысль о гностической ереси. В любом языке мира заложена потенция Слова, о чем свидетельствует чудо Пятидесятницы, когда апостолы заговорили на разных языках, изначально находившихся в равных условиях для восприятия Благой Вести.

В отношении Священного Писания нет привилегированных языков ни среди древних, ни среди современных. В этом смысле, выражаясь словами апостола Павла, нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного... Во Христе все едины, все равноправны для постижения Слова. Истины Христа не пренебрегают современными языками, еще не исполненными Словом. Они потенциально присутствуют в них и ждут часа своего откровения.

Архимандрит Макарий, кому принадлежит перевод отдельных библейских книг на современный русский язык, в первой половине XIX в. писал: «Если мы веруем в Духа Святого, глаголевшего через пророков, то будем уверены в том, что пророки и на русском языке будут изрекать нам глаголы Духа Святого и что Духу Святому приятен живой язык народа».

И мы тоже должны верить, что пророки и на современном грузинском языке могут изрекать слова Святого Духа и Святому Духу приятна наша живая речь.

Св. Василий Великий пишет: «Описывать словом божественное — дерзко; потому что и мысль далеко не досягает достоинства предмета, а опять и слово не ясно изображает представляемое мыслию. А поэтому, если и мысль наша во многом ниже великости предмета, а слова ниже и самой мысли» (Беседа 15. О вере). Все это истина, но тем не менее человек должен заставить человеческий язык выразить хотя бы приблизительно ту реальность, для выражения которой он призван.

Текст перевода Библии на любом языке, без исключения, не может быть дан раз и навсегда. Перевод тем и отличается от подлинника, что у него недостает той глубины, которой обладает оригинальный текст, как пишет средневековый грузинский богослов Ефрем Младший, подлинник — это кровный сын. За-

дача переводчика должна заключаться в том, чтобы некровного сына как можно больше приблизить к кровному. Задача эта хотя неосуществима полностью, но существуют разные способы преодоления препятствий на этом пути.

Процесс перевода библейских книг — перманентный процесс. Существующий перевод должен совершенствоваться постоянно, из поколения в поколение, либо должны появляться новые переводы, основанные на различных, восполняющих друг друга принципах. Восходящий ко времени обращения Грузии перевод библейских книг периодически подвергался переработке, лексическим и синтаксическим изменениям, о чем свидетельствует несколько десятков отличных друг от друга редакций. Однако средневековые грузинские переводчики, выходящие из разных переводческих школ, никогда не отождествляли языковую проблему с богословской традицией, которая всегда была едина. Истина одна, но ее одяние, план ее выражения может меняться и меняется в ходе развития языка. Библейский текст должен быть предельно понятным во все периоды жизни народа, он всегда должен соответствовать современным нормам языка, так как Библия есть живая книга, и она должна остаться такой для каждого поколения в веках.

Переводчику следует разграничить божественную и человеческую сторону Библии. Разделяя мнение Дэниэля К. Эричиэ (Мир Библии, 1994, 1[2], с. 86), следует признать, что Слово Божие не должно отождествляться с каким-либо конкретным переводом, превратив его в единственный канонический текст. Слово Божие вечно, слово же человеческое — преходяще, оно естественно меняется на пути приближения к вечному.

Ведь Христос Свои вечные истины обращал к Своему родному народу и на его родном языке. Обращение продолжается, и Христос и присно будет обращаться к СВОЕМУ народу — христианам — на всяком их живом современном языке.

Оппоненты современного перевода Библии забывают тот элементарный факт, что современный грузинский литературный язык является единственным языком церковной пропове-

ди и богословской литературы. Совершенно очевидно, что для дальнейшего его укрепления в этой функции необходимо внедрение духа и энергии Священного Писания в его субстанцию. В Житие афонских святых отцов сказано, что они «украшили и прославили наш язык и страну переводами Священного Писания». В другом средневековом же тексте говорится, что обращенный в христианство грузинский язык стал «украшенным и благословенным именем Господа». Такого же украшения, благословения и прославления требует современный грузинский язык, чтобы он исполнил свою миссию и на этом священном (богословском) поприще.

Современный грузинский язык может и должен стать новым сосудом, принимающим в себя вечное вино.

Перевод Евангелия на коми язык Георгия Степановича Лыткина (1835-1907 гг.)

Т.Лёфстедт, ИПБ, Хельсинки, Финляндия

Георгий Степанович Лыткин считается ведущим знатоком коми языка, истории и фольклора прошлого столетия. В наши дни он не очень хорошо известен; о его жизни и деятельности писали только некоторые ученые: А.Забоев [2], В.И.Лыткин [10, 11], Г.И.Тираспольский [23] и И.Н.Костромина [7, 8]¹. Эти ученые упоминают, что Г.С.Лыткин:

1. Впервые установил, что в коми языке имеется 33 фонемы (7 гласных и 26 согласных) [10, с.293].

2. Создал фонетические и орфографические нормы коми литературного языка [10, с.293]. В отличие от Стефана Пермского, Г.С.Лыткин не создал новый алфавит. Он использовал вариант кириллицы, где буквы «ё, э, ю, я, й, ь, ъ, щ» не употребляются; фонема «й» всегда пишется латинской буквой «j», фонема «и» пишется латинской буквой «i» и для мягких согласных есть особые знаки. Эта система была вполне фонематична — для каждой фонемы своя буква². Он советовал всем пишущим на коми употреблять эту графику, которая основана на графике финского ученого Шегрена и впервые употреблена им в его грамматике осетинского языка [36]. До Лыткина ее употребляли Н.П.Попов (Учебник зырянского языка [20], Русско-зырянский словарь) и Ф.Й.Видеман в его Коми-немецком словаре[39]. Эта графика очень похожа на

¹ К этому списку надо добавить и Евгения Беладубровского, который сделал устный доклад о Г.С.Лыткине в 1994 году в Институте перевода Библии.

² Эту систему можно сравнить с алфавитом Стефана Пермского, который состоял из 24 букв; в нем одна буква могла обозначать несколько фонем.

так называемую молодцовскую графику, которая употреблялась при письме на коми языке после революции до сталинского времени. Можно предположить, что молодцовская графика была принята потому, что тем, кто уже умел писать по лыткинской системе, нетрудно было научиться писать по новой системе. Хотя молодцовско-лыткинская графика была совсем фонематична, в ней употреблялось меньше знаков, чем в графике, которая используется сейчас.

3. Написал первую грамматику на коми языке и создал много грамматических терминов, которые употребляются до сих пор, как, например, названия падежей³. В.И.Лыткин пишет, что он тем самым основал грамматические нормы литературного языка; в отличие от зырянноведов, которые до него основывали свои грамматики на переводе Евангелия от Матфея, сделанном А.Шергиным, Г.С.Лыткин ориентировался на живой язык [10, с.291]⁴.

4. Отредактировал самый большой русско-коми словарь того времени (который, однако, был опубликован только в 1931 году, спустя много лет после его смерти в 1907 году). Он внес очень много изменений, так что его можно считать вторым автором⁵. Он составил также коми-русский, удмуртско-русский, русско-удмуртско-коми и хантыйско-русский словари⁶.

5. Занимался древнепермской письменностью, т.е. переводами Стефана Пермского на коми язык. Он впервые расшифровал некоторые из этих текстов [11, с.125]⁷.

6. Изучал историю коми края [11, с.125].

³ Эта грамматика является частью его труда «Зырянский край» [17, с.1-42].

⁴ Однако Г.С.Лыткин в своей грамматике всегда ссылается и на старые грамматики Флерова [27], Шегрена [35], Габеленца [32], Кастрена [31], Видемана [37], Савваитова [22] и Рогова [21].

⁵ Туркин [24, 25] и Костромина [7] пишут более подробно об истории этого словаря.

⁶ Первые три словаря опубликованы в книге «Зырянский край» [17, с.43-116; 117-154]; Приложение к «Зырянскому краю» (1884, с.1-60).

⁷ Эти исследования включены в книгу «Зырянский край» [17, с.24-39].

7. Собрал и впервые опубликовал собрание фольклора народа коми. Только маленькая часть его фольклорного собрания была опубликована; итоги важнейшей экспедиции по коми краю исчезли, когда украли его чемодан [1, с.187].

8. Перевел разные тексты с русского на коми язык и фольклорные тексты с коми на русский язык. В.И.Лыткин пишет о переводческой работе Г.С.Лыткина: «Его переводы, как и записанные им оригинальные коми народные произведения, являются образцами коми литературной речи — особенно в фонетическом, синтаксическом и морфологическом отношениях» [10, с.293]. В.И.Лыткин не упоминает в подробностях о его переводах библейских книг и богословских произведений, хотя, безусловно, знал о них. Другие ученые тоже мало пишут об этом. Самый надежный источник по переводческой деятельности Лыткина — это написанная им самим книга «Зырянский край». Оттуда известно и что он перевел, и как он перевел.

Г.С.Лыткин перевел: четыре Евангелия [14]; Деяния святых Апостолов [15]; Псалтирь [16]; Последование вечерни (рукопись, 1883); Последование утрени (рукопись, 1883) «Божественную Литургию святого Иоанна Златоустаго» [13]; Чин поминовения усопших (рукопись, 1883); «Акафист и службу святому Стефану, епископу Пермскому» (рукопись, 1883); Часослов (рукопись, 1883); Воскресный Апостол (рукопись, 1883); Воскресное Евангелие (рукопись, 1883); Жизнеописание святых Кирилла и Мефодия (рукопись, 1883) [17; 1, с.191; 26, с.145]. Более того, он отредактировал «Начатки христианского православного учения» (перевод Ф.И.Забоевой) [3]. Все это он делал «после обычных дневных работ» [17]; он работал преподавателем географии в шестой гимназии в Санкт-Петербурге.

Не только Лыткин, но и другие коми писатели начали переводить православные книги в это время; А.Попов перевел «52 жития различных святых Православной Церкви» (рукопись, 1889), «Житие святого Прокопия Праведного» (рукопись, 1889), «Священную историю Ветхого и Нового Завета, с приложением Деяний святых Апостолов и истории важнейших праздни-

ков христианской церкви» (рукопись, 1889), «Житие Стефана Пермского» (1902); Н. Попов перевел «О книгах старых и новых» (1901) и «Слова любви, глаголемому старообрядцу» (рукопись, 1902); Н. П. Чеусов перевел «Начальные наставления православной христианской веры» (рукопись, 1902) [26, с. 145].

До Г. С. Лыткина публиковалось мало книг по коми языку. Государство начало публиковать переводы религиозных книг после принятия системы Н. И. Ильминского об учении нерусских христианству по их языкам в 1870 году [26, с. 144]. Н. И. Ильминский считал, что если бы нерусские имели возможность читать Священное Писание на своих языках, то им было бы гораздо легче понять и принять христианство. Кажется, что государство не следовало Ильминскому всем сердцем. Хотя некоторые переводы были опубликованы, многие остались в рукописном виде; наверное, эти переводы не считались такими необходимыми.

Есть разные теории о том, почему Г. С. Лыткин перевел Священное Писание и религиозные произведения.

Многие из писавших о Лыткине упоминали его связь с Чернышевским и его обществом «Земля и воля». Хотя мы не знаем, как тесно он сотрудничал с этой группой, хорошо известно, что Лыткин хотел как-то помогать своему народу. Он, например, стремился стать или смотрителем уездного училища в Усть-Сыольске, или инспектором училищ коми края [1, с. 189]. Когда это ему не удалось, он понял, что все-таки можно помочь просвещению своего народа переводом священных книг.

А. Н. Грен упоминал, что Лыткин был женат на лютеранке (Ольге Ивановне Ланге), и предполагал, что он хотел сделать для своего народа то же, что Мартин Лютер сделал для немцев, переведя Библию и тем самым основав немецкий литературный язык [11, с. 127]. Известно, что Лыткин был знаком с переводом Библии Лютера. Можно предположить, что Лыткин хотел объединить коми народ при помощи своих переводов, как перевод Библии Лютера объединил немецкий народ. Г. С. Лыткин хотел создать один письменный язык для всех коми; не считая, что

коми-зырянский и коми-пермяцкий — это два языка, он пишет о «Северо-камском говоре, неправильно названном пермяцким языком» [17]⁸. Он сам написал: «Моими переводами, можно сказать, кладется основание литературной обработке зырянского языка» [17]. Возможно, что Лыткина воодушевлял Ильминский; переписка между ними не изучена, но известно, что Ильминский защищал Лыткина, когда цензор настаивал на том, чтобы Лыткин употреблял больше русских выражений [33, с.21].

Читатель «Зырянского края» не может не заметить, что Лыткин очень уважал Стефана Пермского, который шестьсот лет назад перевел отрывки из Библии на коми язык для употребления в литургии. Лыткин, наверно, хотел быть его последователем [2, с.59]. Вопреки мнениям советских ученых⁹, есть основание полагать, что Лыткин сам был верующий и хотел, чтобы Благая Весть была более доступна его землякам. В советское время мало кто признал, что Г.С.Лыткин сам написал, что именно по этой причине он сделал этот перевод.

Вышеупомянутые теории не противоречат друг другу; Лыткин был знаком с деятельностью Стефана Пермского, Ильминского и Лютера, он хотел помочь просветить свой народ и дать своим землякам возможность учиться читать и на коми, и по-русски и слышать Слово Божие на своем языке.

Различия между переводом Г.С.Лыткина и другими переводами

Г.С.Лыткин — не первый, кто занимался переводом библейских книг на язык коми. Эта честь принадлежит святому Стефану Пермскому. Однако от переводческой работы Стефана Пермского до нас дошло только девятьсот слов связного текста [29, с.83].

⁸ После революции многие коми зыряне были того же мнения; однако было решено разделить коми народ на две языковые группы.

⁹ В.И.Лыткин пишет, например: «Перевел на коми язык Г.С.Лыткин и несколько религиозных книг православного толка. Что побудило его на такое дело? Вероятно, не побуждения религиозного характера...» [11, с.127].

После святого Стефана были и другие попытки перевести Священное Писание на язык коми. Это переводы следующих авторов¹⁰:

Александр Шергин (1823). Евангелие от Матфея. С.-Пб, Российское Библейское Общество. Вычегда диалект, кириллица.

Маттиас Александр Кастрен (1844). Евангелие от Матфея, главы 4-7. Ижма диалект, латинский шрифт.

Фердинанд Йохан Видеман (1847). Евангелие от Марка, главы 1-3. Вычегда диалект, латинский шрифт.

Фердинанд Йохан Видеман (1864). Евангелие от Матфея. Вычегда диалект, латинский шрифт.

Павел И. Савваитов (1850). Отрывки из Евангелия от Матфея и Иоанна. Вычегда диалект, кириллица.

П.А.Попов и Ф.Й.Видеман (1866). Евангелие от Матфея. Северный Пермский диалект, латинский шрифт.

П.А.Попов и Ф.Й.Видеман (1882). Евангелие от Матфея. Коми-Пермяцкий говор; современный шрифт (Мiян господьвон Иисус Крiстосвон вежа бур-ювбр Матвейсянь комион).

Три из этих переводов представляют собой только отрывки, включенные в грамматики в качестве примеров языка. Итак, на самом деле, когда Лыткин начал переводить Священное Писание, существовал только перевод Евангелия от Матфея на коми язык. Г.С.Лыткин был хорошо знаком с этими переводами и очень критично относился к ним. Оценивая их в предисловии к книге «Зырянский край», Г.С.Лыткин пишет, что его собственные переводы отличаются от других тем, что:

1. Они основаны на фонетике сысольского говора. Сысольский говор более консервативен в области фонетики, чем, например, сыктывкарский говор. Г.С.Лыткин считал, что правописание в этом говоре логичнее и легче, потому что корень слов не меняется при склонении. Интересно заметить, что сысольский говор не был его родным; он сам родился в Сыктывкаре.

2. «Я по возможности сократил употребление русских и других иноземных слов...» [17].

¹⁰ Иван Алексеевич Куратов намеревался перевести Новый Завет на коми язык, но, насколько нам известно, успел перевести только первые две главы Евангелия от Луки. Этот перевод остался неизвестным Г.С.Лыткину [23, с. 120; 30].

3. «Я безусловно исключил русские союзы, которые чужды зырянскому языку и которых нет в зырянских переводах св. Стефана» [17].

4. «Я принял в соображение строй речи языков урало-алтайских вообще и строй речи народных произведений зырян в частности» [17].

Другие переводы полны иностранных слов и конструкций. Лыткин писал, например, что «А. Шергин снабдил свой зырянский перевод русскими союзами и словами уже в таком обилии, что я, когда впервые прочел его перевод в 1850-х годах, не понял смысла его зырянской речи и вынужден был обратиться к славянскому тексту» [17, с.37]. Чтобы объяснить читателю, не знающему коми язык, как плохо это звучит, Г.С.Лыткин сделал «новый немецкий перевод» Евангелия от Марка 3:29, употребляя русские слова в тех местах, где употребляются русские слова в переводе этого стиха на коми язык, сделанном Видеманом, и еще один «новый русский перевод» с немецкими словами в этих местах. Эти переводы следующие:

Вер но ден Святой дух хулить, дер хат не прощение эвиглих, но ист шул-
дих дес эвиген судс.

(Wer aber den heiligen Geist lästert, der hat keine Vergebung ewiglich, sondern ist schuldig des ewigen Gerichts.)

Абер кто леистерт на Хейлигаго Геиста, тому не будет Вергебунг во век,
сондерн повинен вечному Герихту.

(Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения во век, но
подлежит он вечному осуждению) [17, с.232].

Переводя Евангелие и Деяния, Г.С.Лыткин пользовался славянским и русским переводами, а «в затруднительных местах прибегал к тексту греческому, также не пренебрегал текста-ми латинским и немецким» [17]. Он также пользовался объяснениями Священного Писания («Толковое Евангелие», «Толковый Апостол» архим. Михаила). Ясно, что он весьма серьезно относился к этой работе и стремился правильно перевести этот очень важный для него текст.

Влияние переводов Г.С.Лыткина на язык и народ коми

Переводы Г.С.Лыткина имели большое значение в начале этого столетия. В отличие от других переводов, они довольно широко использовались среди говорящих на коми¹¹. Переводы Лыткина дали возможность понимать Священное Писание тем, кто не знал русского языка (т.е. большинству коми народа). Сто лет назад очень мало русских проживало среди зырян, и сам Г.С.Лыткин пишет, что Божественная Литургия была ему непонятна в детстве, «так как совершалась на славянском языке» [17].

Как уже было отмечено, Лыткин впервые создал орфографические и грамматические нормы языка коми. Он также расширил словарь. Г.С.Лыткин старался избежать слишком частого употребления русских слов, поэтому ввел в язык древнепермские слова и слова из разных диалектов, дал словам новые значения и создал новые слова, употребляя морфемы языка коми [10, с.293]. Вот некоторые примеры¹²:

Диалектные слова: *мõвпавны* — «думать», *õксы* — «князь».

Древнепермские слова: *быдкутьсь* — «вседержитель».

Новые значения: *дзоридз* — «цветок у ягод» → «цветок» (вообще); *сынõд* — «марь, марево» → «воздух», *перна* — «натальный крест» → «крест», *нõдкыв* — «загадка» → «притча»; *тиõктõм* — «закон» → «заповедь».

Новые слова: *шыпас* — «буква», *бурюёр* — «Евангелия», *дольдін* — «рай», *келманін* — «синагога», *ылыса õксõм* — «синедрион».

Не все слова, созданные Лыткиным, вошли в язык; созданные им богословские слова, например, не вошли в новые словари. Но эти принципы обогащения словаря употреблялись и после смерти Лыткина, во время «зырянизации» в двадцатых годах.

¹¹ Коми языковеды сообщают нам, что довольно часто встречались со старыми людьми, которые читали переводы Лыткина. Я сам встретился с одной женщиной, которая сказала, что у ее бабушки был перевод Священного Писания на коми язык, который она постоянно читала.

¹² Часто неясно, какие именно слова Лыткин ввел в язык. Возможно, он просто первым записал какое-то слово, уже бытовавшее в устной речи.

Зачем требуется новый перевод Евангелия на коми язык?

Возникает вопрос: если переводы Г.С.Лыткина такие хорошие, зачем тогда делать новые? Было бы лучше их переиздать. (Что Институт перевода Библии и сделал, переиздав «Евангелие от Матфея» в 1973 году). Есть несколько причин, почему мы сейчас работаем над новым переводом Библии на язык коми.

1. Г.С. Лыткин перевел не всю Библию.

2. В настоящее время мало кто понимает использованный Лыткиным шрифт.

3. Сегодняшний литературный язык основан на фонетике сыктывкарского говора.

4. За сто лет язык изменился, особенно в советское время.

5. Его перевод сделан на основе церковно-славянского текста, а согласно сегодняшним принципам, перевод Евангелия должен быть основан на реконструкции греческого оригинала.

6. Хотя его перевод лучше предыдущих, он все-таки очень буквален.

7. Хотя Г.С.Лыткин понял, что перевод должен быть основан на живом языке, складывается впечатление, что он часто слепо следовал правилам русского языка, особенно в области синтаксиса; а где он не делал этого, там употреблял конструкции, наверно заимствованные из тюркских языков, которые чужды языку коми.

В молодости Г.С.Лыткин занимался восточными языками в Санкт-Петербургском университете и вместе со своими современниками считал, что алтайские языки родственны зырянскому. Хотя сегодня лингвисты обычно так не считают, есть много похожего в их структуре, особенно в области синтаксиса. Лыткин выступал против изобилия русизмов в других переводах и утверждений, что в языке коми есть предлоги (хотя их нет) и что в нем только шесть падежей, как и в русском (на самом деле их не меньше шестнадцати). Поскольку книг по синтаксису языка коми не было, Лыткину пришлось рекомендовать другим переводчикам на язык коми опираться на некоторые статьи Н.И.Ильминского о переводе христианских книг на татарский язык [4; 5; 6] и даже на «Граматику алтайского языка, со-

ставленную членами Алтайской миссии» (Казань, 1869) или на «Монгольско-калмыцкую грамматику» А. Бобровникова [17, с. uii, 227]. Он, наверное, был согласен с Ильминским, который писал: «...достаточно узнать основательно внутреннее устройство одного из многочисленных языков урало-алтайского семейства, чтобы иметь понятие о внутреннем устройстве и прочих языков того же семейства» [5, с. 176].

Поскольку Лыткин не изучал синтаксис своего языка, в его переводах возникли некоторые синтаксические неточности:

а. Он никогда не употреблял двойного отрицания, наверное, считая это русским влиянием. Насколько нам известно, все коми употребляют двойное отрицание.

б. Если грамматически под отрицание попадает любая часть речи, кроме глагола, он использует *абу* – «нет» вместо отрицательных форм глагола. Сегодняшним говорящим на коми это кажется очень странным.

«abu sy керёс вылын, abu Иерусалимын понданныд кевмысьны Айлы» (Иоанн 4:21), а должно быть – *«оз sy керёс вылын, оз Иерусалимын понданныд кевмысьны Батлы»*.

в. Он употреблял сложное будущее время чаще, чем это делается в устной речи. В устной речи обычно употребляется простое будущее время, которое, как правило, совпадает с настоящим временем.

г. Он употребляет страдательный залог гораздо чаще, чем это позволено нормами устной речи. Лыткин практически всегда передавал страдательный залог русского текста страдательным залогом в переводе на коми.

д. Он употреблял множественное число после числительных, что недопустимо в устной речи.

е. Он употреблял множественное число после слов, обозначающих парные части тела. В устной речи обычно употребляется единственное число.

ж. Он искусственно исключил русские союзы, которые являются важной частью устной речи и встречаются в фольклорных текстах девятнадцатого века [30, с. 44]. Вопреки мнению Лыткина,

святой Стефан тоже употреблял их [29, с.94]. Вместо союза «и», например, он употреблял запятую или слово *эсся* – «потом». В этом Лыткин следовал идеям Ильминского, который писал: «...в русском языке подчиненные предложения соединяются с главным посредством союзов; в инородческих языках подобных союзов нет, или весьма мало» [5, с.179].

3. Он чрезвычайно редко употреблял определенный артикль, хотя это важная часть языка. В этом отношении Лыткин не одинок; и сегодня есть грамматики коми языка, которые не упоминают определенный артикль.

8. Он, вероятно, исключил слишком много слов русского происхождения. Он сам пишет по поводу своего словаря: «у академика Видемана в зырянско-немецком словаре 456 страниц, а в моем 70 страниц ...Такая резкая разница в зырянских словарях г. Видемана и моего произошла оттого, что я исключил все русские слова, которые, как зырянские, внесены г. Видеманом в его словарь» [17, с.iii].

В своих переводах он все-таки употребляет некоторые русские заимствования, например, «ангел», «Пасха», «пророк», «Господь». Но нет причин исключать слова, которые уже являются частью языка и не воспринимаются как заимствования, только из-за их этимологии. Результат чрезмерного языкового пуризма – снижение качества перевода: часто перевод Лыткина не совсем понятен, потому что у некоторых слов (кажется) слишком много значений; вместе со своими первоначальными значениями они заменяют несколько слов русского происхождения. Но не будем слишком критичны к Г.С.Лыткину; как отмечает Костромина, «конкретно никто не знает, какие заимствования вошли в общее употребление, какие слова были уже в речи народа коми во времена Г.С.Лыткина» [7, с.118]. В современном языке коми очень много русских заимствований, а сто лет назад их было гораздо меньше.

Г.С.Лыткин сделал хороший перевод, продемонстрировав тем самым возможность выражать самые глубокие богословские истины на языке коми. Мы пользуемся его переводами и сейчас, проверяя новый перевод Евангелия на коми язык.

Литература

1. Аралов Игн., Г.С.Лыткин: некролог. – Журнал министерства народного просвещения, 1907, №5-6, с.186-192.
2. Забоев А., Ученый, педагог, лингвист. – Войвыв кодзув, 1971, №5, с.58-60.
3. Забоева Ф.И., Начатки христианского православного учения. Христос выльö веськыда эскыны велöдöмлöн понданыс. На зырянский языкъ перевела Ф.И.Забоева, переводъ исправлень Г.С.Лыткинымъ. – С.-Пб., Синодальная типография, 1900, iv, 180 с.
4. Ильминский Н.И., О переводе православных христианских книг на татарский язык. – Журнал министерства народного просвещения, 1870, с. 152.
5. Ильминский Н.И., Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках. – Православный Собеседник, 1871, кн. 3.
6. Ильминский Н.И., О церковном богослужении на инородческих языках. – Православный Собеседник, 1883, март.
7. Костромина И.Н., О словарях Г.С.Лыткина. Вопросы лексикологии и словообразования коми языка, 1984, с.114-129.
8. Костромина И.Н., Медводдза коми ученый-лингвист: Г.С. Лыткин чужан лунсянь 150 во. – Войвыв кодзув, 1985, №6, с.40-44.
9. Лыткин В.И., Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь. М.: Изд-во Академии Наук, 1952, 174 с.
10. Лыткин В.И., Георгий Степанович Лыткин (1835-1907). – Советское финно-угроведение, 1975, №11, с.290-293.
11. Лыткин В.И., У истоков коми литературного языка. – Север, 1976, №5, с.125-128.
12. Лыткин Г.С., Мйян Господьлöн Йисус Крйстослöн Вежа Бурйуöбр Матвейсянь. С.-Пб. Академия Наук, 1882 (переиздано ИПБ в 1973 году).
13. Лыткин Г.С., Божественная Литургия святого Иоанна Златоуста, 1883.
14. Лыткин Г.С., Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, 1885.
15. Лыткин Г.С., Деяния святых Апостолов, 1885.
16. Лыткин Г.С., Псалтырь, 1885.
17. Лыткин Г.С., Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык: пособие при изучении зырянами русского языка. С.-Пб. Академия Наук, 1889.
18. Лыткин Г.С., Русско-зырянский словарь: составлен по рукописному словарию Н.П.Полова. Ленинград: Изд-во Академии Наук, 1931, vi, 360 с., тираж: 550.
19. Попов Н. А., Мйян Господьлöн Йисус Крйстослöн вежа бур-ювöбр Матвейсянь комйöн. С-Пб: Императорская Академия Наук, 1882 (переиздано ИПБ в 1975 году).
20. Попов Н.П., Учебник зырянского языка. С.-Пб., 1863.
21. Рогов Н., Опыт грамматика пермяцкого языка. С.-Пб., 1860.
22. Савvaitов П.И., Грамматика зырянского языка. С.-Пб.: типография Императорской Академии Наук, 1850, 168 с.

23. Тираспольский Г.И., По следам переписки И.А.Куратова и Г.С.Лыткина. – Север, 1983, №2, с.118-120.
24. Туркин А., Русско-зырянский словарь Н.П.Попова. – Советское финно-угроведение, 1976, №12, с.293-299.
25. Туркин А., О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П.Попова. – Советское Финно-угроведение, 1977, №12, с.293-296.
26. Туркин А., Социальные условия развития коми языка в XIX – начале XX века. – *Linguistica Uralica*, 1993, №29, с.142-148.
27. Флеров А., Зырянская грамматика. С.-Пб., 1813.
28. Шергин А., Миянь Господьлөнъ святой Евангелие Матфейсянь. С.-Пб., 1823.
29. Baker Robin W., Slavonic influence upon the language of the Old Permian texts. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1983, №45, p.82-106.
30. Bartens Raija, Zur Sprache des Übersetzung des Lukas-Evangeliums von I.A. Kuratov. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1984, №46, p.35-52.
31. Castrén Mattias Aleksander, *Elementa grammatices syrjaenae*. Helsinki, 1844, 168 p.
32. Gabelentz H.C. von d., *Grundzüge der syrjänischen Grammatik*. Altenburg, 1841, 75 p.
33. Kreindler Isabelle, Nikolai Il'minskij and language planning in nineteenth century Russia. *International Journal of Sociology of Language*, 1979, №22, p.5-26.
34. Popov P.A. & Wiedemann Ferdinand J., *Das Evangelium Matthäi in den nördlichen Dialect des Permischen, zum ersten Male übersetzt von P.A.Popov; durchgesehen von F.J.Wiedemann*. London: Strangeways & Walden, 1866, 113 p, 250 copies.
35. Sjögren A. J., Über den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische. *Mémoires de l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersbourg*. Tome premier, 1830, p.149-169.
36. Sjögren A. J., *Ossetische Sprachlehre*. Sankt-Petersburg, 1844.
37. Wiedemann Ferdinand Johann, *Versuch einer Grammatik der sūrjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte*. Reval: Franz Kluge, 1847.
38. Wiedemann Ferdinand Johann, *Das Evangelium des Matthäus syrjänisch/revidirt von F.J.Wiedemann*. London: Strangeways & Walden, 1864, 114 p, 250 copies.
39. Wiedemann Ferdinand Johann, *Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register*. Sankt-Petersburg, 1888.

Проблемы перевода библейских имен Бога

(На материале тюркских языков)

К.М.Мусаев, Институт языкознания РАН, Москва

Перевод имен Бога на разные языки с первого взгляда кажется задачей простой, не требующей отдельного обсуждения. Однако, как показывает ознакомление с переводами Библии и библейских отрывков, а также как свидетельствуют многочисленные словари, здесь имеются определенные проблемы, решение которых значительно улучшит качество переводов Библии на языки мира.

В современном мире проживают свыше 40 тюркских народов, насчитывающих более 150 млн. человек. На территории бывшего СССР они представляют наиболее многочисленную группу неславянских народов.

Из них более 25 народов обладают национальными письменными языками, что повышает ответственность переводчиков Библии, которые берутся донести до этих народов высшие духовные ценности человечества. Тюркские народы с древнейших времен живут среди разных народов и разных религий: шаманизма, буддизма, манихейства, индуизма, зороастризма, ислама, христианства, иудейства. Это создает сложную религиозную ситуацию. В течение истории носители указанных верований стремились внедрить свои религиозные представления в сознание тюрков. Первоначально придерживавшиеся тенгрианства тюрки постепенно переходили к другим религиям.

Из современных религий тюркские народы исповедуют все веры, основой которых в большей или меньшей степени является учение Ветхого Завета: иудаизм, христианство и ислам, а также буддизм. Можно было бы сгруппировать народы по верованиям.

1. Иудаизм — у караимов и крымчаков.
2. Христианства придерживаются чувашаи, якуты, алтайцы и др.

В древности, судя по языковым материалам, этой веры придерживались некоторые народы, ныне исповедующие иудаизм и ислам — предки караимов, карачаевцев и балкарцев (ср. названия дней недели). История христианизации тюрков весьма сложна. В прошлом и начале нынешнего века предпринималось много попыток христианизации тюрков Поволжья, Урала и Сибири, Центральной Азии, включая казахов и киргизов.

3. Наибольших успехов среди тюрков добился ислам. В настоящее время ислам стал главной религией большинства тюркских народов. Верующих стало больше за последние десятилетия, особенно — за последние пять лет, когда началось духовное освобождение народов бывшего СССР. Рост количества верующих начался фактически в последние тридцать-сорок лет — после смерти Сталина.

Хотя ислам — наиболее распространенная религия среди тюрков, однако степень охвата им населения неодинакова. Например, мусульманство сильно среди татар, узбеков, туркмен, турок, уйгуров, кумыков, карачаевцев, балкарцев, крымских татар. Оно еще не так распространено среди казахов, киргизов, башкир. В прошлом веке один из русских православных миссионеров писал, что за двести лет проповеди ислама среди казахов даже два процента не стали правоверными мусульманами.

Большинство верующих Корана-то как следуют не знают, не говоря о Библии и писаниях других религий. (Впрочем, как и русские и другие восточные славяне, у которых христианство и христианская мораль не привились как следует за тысячелетие, несмотря на многочисленность христианских храмов и людей, считающих себя христианами.) Уровень образования многих мулл оставляет желать лучшего; издаваемые газеты и журналы не всегда способствуют углублению религиозных знаний и культуры общения, немало еще проповедников, враждебно относящихся к другим религиям, в том числе и к христианству,

иудаизму, что создает определенные трудности в распространении знаний о Библии.

4. Буддизм существует, главным образом, у тувинцев.

5. Манихейство в прошлом было у уйгуров, которые теперь придерживаются ислама.

6. Шаманизм возрождается у сибирских народов.

Библия и Евангелие не так часто переводились на тюркские языки, причин тому много. И в настоящее время некоторые руководители мусульманского духовенства с ревностью относятся к переводам Евангелия и Библии, рассматривая их как вторжение на территорию ислама посторонних верований.

Полная Библия была переведена на караимский язык с древнееврейского в XIII-XIV вв. и половина Тенаха была издана в двух книгах древнееврейским квадратным алфавитом в 1841 г. в Гёзлеве, который теперь называется Евпатория. Это было первое и последнее издание перевода на караимский.

Старейший перевод Евангелия на тюркские языки — это, пожалуй, турецкий перевод, сделанный в XVII в. Али Беём — главным переводчиком Мехмед Паши IV. Таким образом, перевод Евангелия на турецкий язык имеет определенные традиции.

На ряд тюркских языков бывшего СССР Евангелие переводилось раньше христианами миссионерами из России. А отрывки Ветхого Завета изредка переводились любителями, так что Библия в полном объеме еще ждет своих выдающихся переводчиков.

В новых условиях, открывшихся перед народами бывшего СССР, Библия и Евангелие — новое явление для большинства тюркских народов. Квалифицированный перевод, высококачественное редактирование разными специалистами обеспечат успех дела. Здесь возникает, как уже показывает опыт, много проблем; как и во всякой творческой деятельности, тут нужны таланты. Одна из сложных проблем — знание переводчиком языка оригинала. Пока таких единицы. Сейчас большинство переводов осуществляется с русского языка.

Сто лет назад в России миссионеры своими плохими переводами отбили охоту у ряда тюркских народов изучать Евангелие, Библию (потом — большевики). Сейчас начинается вторая волна переводов — как бы не повторить прошлое. Появились новые исторические возможности для распространения Библии, Евангелия среди народов, которые раньше не имели о них представления, для приобщения их к высшим духовным ценностям мировой культуры.

Профессиональный переводчик плюс хорошее знание Библии, истории религии, прекрасное владение как языком источника, так и целевым языком, чувство духа Библии — такое сочетание редкое явление, но надо стремиться найти людей с подобными качествами, для этого нужны поиски.

В Литературном институте Союза писателей на кафедре художественного перевода я учил искусству перевода казахов, киргизов, туркмен, татар, алтайцев, хакасов, каракалпаков. Но даже они, получившие высокую квалификацию переводчиков в Москве, не получили достаточного религиозного образования и им было очень трудно переводить Евангелие.

Многие реалии и понятия Библии вновь для многих языков и народов, но их необходимо хорошо передать, чтобы люди читали Библию с интересом. Старые термины и понятия в новых условиях требуют уточнения, определения места каждого понятия и термина. Современные словари национальных языков не всегда могут служить надежной опорой для переводчика Библии. У них совершенно другая направленность. Поэтому есть потребность в создании специальных библейских словарей на разных языках.

Не во всех словарях можно было найти имена Бога (например, в Башкирско-русском словаре 1954 г. нет слов «Бог», «Господь»), а поскольку словари на языках нацменьшинств издаются очень редко, то вы не найдете имени Бога во многих существующих словарях. Не все значения и тем более словоупотребления фиксируются в словарях.

До недавнего времени люди боялись произносить имя Бога, особенно представители национальных меньшинств. Была

строгая цензура на его употребление в печатной продукции, в средствах массовой информации. Язык Библии очень доступен для самых неподготовленных людей — как будто она разговаривает, беседует с читателем: много вводных слов, эллипсисов, имя говорящего нередко опускается, внешняя простота и глубина смысла — во всем этом гениальность Библии. Однако нельзя быть рабом простоты в переводе, приносить в жертву смысл ради простоты. Например, в новом переводе Нового Завета «Слово жизни» наряду с удачными местами много «халтуры».

Помимо двух главных имен — Бог, Господь, такие понятия, как «Создатель», «Всевышний», «Мессия», сочетание «Господь Бог» и т.д. — новы для некоторых народов, в том числе и для тюрков. Хотя из ислама и христианства были известны многие понятия, верующим нельзя забывать, что большинство людей были атеистами, многие — воинствующими атеистами, у которых религиозные термины и слова вызывали негативные чувства.

Как известно, имя Бога встречается уже в первом стихе первой главы первой книги Пятикнижия Моисеева.

Понятие «Бог» в Ветхом Завете обозначалось еврейскими словами: *Элоах* (мн.ч. *Элохим*, отсюда казахское *ылайым, ылайым-да солай болгай*; мн.ч. *Элохим* выражает особое почтение — ср. в тюркских языках употребление формы множественного числа даже по отношению к одному человеку: *сиз, сизлар*, это — древняя семантика), *Йаһве, Адонай. Элохим* (Быт. 1:1) и *Йаһве* («Я есмь Суший», Исх. 3:14; это имя не произносят, вместо него произносят «Адонай») выражает величие Бога и его превосходство над всеми, главную мысль всей Библии, всего Евангелия, ключевое понятие — «Творец неба и земли и всего сущего». Другие имена Бога: Господь, Всемогущий (Быт. 17:1, 28:3; Исх. 6:3), Всевышний (Быт. 14:18; Пс. 7:18). Первые два имени употребляют-ся чаще других как в Ветхом, так и в Новом Завете.

Раньше тюркские языки обходились одним именем Бога *Таңир* со значением «Всевышний, создатель, хранитель, повелитель...», потом появились заимствования: *Қудай, Аллах, Бурған*. Теперь в связи с переводом Библии возникла потре-б-

ность в обозначении ряда ранее неизвестных имен. Русские не обозначают Бога еврейским именем, а называют русским словом. Тюрки же в результате влияния разных религий стали для обозначения Бога употреблять заимствования.

1. *Бог*. В современных тюркских языках для обозначения Бога наиболее употребительными являются три слова – синонимы, возникшие из разных источников: *Тәңір*, *Кудай*, *Аллаһ*.

Четвертое слово употребляется чаще в тувинском языке – *Бурған* «бог, божество, бурхан, идол, икона».

Развитие представления о Боге у тюрков отражается в цепочке имен *Тәңір – Кудай – Аллаһ*, т.е. на первичное тюркское наложились персидское и арабско-исламское названия.

Проблема при переводе Библии заключается в том, какое из этих имен выбрать для каждого языка для обозначения разных имен Бога, поскольку они не являются абсолютными синонимами.

1.1. *Тәңір* «небо > бог», исконно тюркское слово, передающее все качества Бога: Создатель, Всевышний, объект поклонения, Он – Единственный и т.д.; слово имеет только положительное, уважительное ассоциативное значение. *Тәңір* имеется во всех тюркских языках в разных фонетических вариантах, но оно – не первое слово для обозначения понятия «Бог».

1.2. *Кудай* – иранское заимствование, коннотация слова может быть положительной, нейтральной или отрицательной. Слово может обозначать и другие божества, которым данный человек не верит, их может быть много. К этому имени могут относиться как с уважением, так и с непочтением: кирг. *Кудайыңа ишенсең, жөө каласың* – «Если надеешься на Кудай, останешься пешим». Каз. *Кудайыңнан ойбайым жақсы!* – «Лучше мне кричать “Ойбай!”, чем “Кудай”» – выражение, употребляемое при сильных болях. При употреблении имени *Тәңір* такое непочтение в речи не допускается. Также каз. *О Кудай-ай!* – в значении сожаления невозможна замена: *Ой, Тәңір-ай!*

1.3. *Аллаһ* – высшее мусульманское божество у народов, исповедующих ислам, у некоторых народов оно обозначает обоб-

щенное (не только мусульманское) высшее божество, употребляется больше в положительном значении.

У большинства *Алла(һ)* ассоциируется только с мусульманским богом Аллахом и неприменимо к другим божествам. Нельзя сказать *Үнділердің алласы*, но можно: *үнділердің құдайы* — «бог индийцев».

При обращении к конкретным материалам тюркских языков можно установить определенные ареалы по признаку первенства и широте употребления того или иного из трех упомянутых слов для обозначения Бога. Однако границы ареалов не всегда проявляются четко.

Регион использования имени *Аллах* — Северный Кавказ. Закавказье, Крым, Приднепровье, Придунай, Поволжье, где мусульманское имя Бога употребляется и для обозначения общего имени Бога. В этих регионах тюрки сильно подвержены влиянию ислама. Кумык. *Аллағъ, Худай, Тенгири*. *Худай* считается устаревшим, а *Тенгири* редко употребительным. Ног. *Алла; Алласыз* — «безбожник». Много словосочетаний и словообразований с этим словом. Тагауз. *Алаа* — много словосочетаний и новообразований. Тур. *Allah, Ilah, Tanri. Allah bilir* — «Бог знает». Очень много словосочетаний именно со словом *Allah*, а не *Tanri*, что свидетельствует о наибольшей употребительности первого. А со словом *Tanri* очень мало новообразований и словосочетаний. Азер. *Аллаһ, Танры* — как в турецком. Татар. *Алла, Ходай, Тәңре, Алла белсен* «Бог знает» — на первое место ставит *Алла* — современное наиболее распространенное название мусульманского бога, поскольку верующие татары в основном мусульмане, за исключением крещенных татар. Уйгур. *Алла* — «Бог».

Регион использования слова *Қудай* — Средняя Азия и часть Сибири, где персидское влияние оказалось сильным: узбекский, туркменский, киргизский, каракалпакский, частично — казахский, алтайский языки. Возможно, до ислама в этом регионе было господство персидского божества. Узб. *Худо(й): Худога шукур* — «слава Богу». *Тангри: Мен қиламан уттиз, Тангри қилади тус-тус* — «Я создаю тридцать, а Бог превращает их в прах» — негативное отно-

шение к значению этого имени, наряду и с положительным: *Тенг еганни Тангри суйибди* — «Бог любит тех, кто ест поровну». Со словом *Оллох* словосочетаний немного. Наиболее многочисленные примеры употребления в словаре приведены со словом *Худо*. Туркм. *Худай, Алла, Таңры. Худайсыз* — «безбожник» (это понятие иногда может служить показателем главного слова), но: *Таңры ялқасын!* — «Да благословит Бог». Алт. *Кудай: Кудайга баш* — «Слава Богу». *Кудай учун* — «Ради Бога». *Онгудай* — топоним «десять богов» говорит о существовании многобожия на этой территории. Татар. *Ходай* больше употребляется в значении «Господь».

Регион использования слова *Тәңір* охватывает народы, в меньшей степени подверженные исламизации. Казах. *Тәңір, Құдай, Алла*. Больше примеров в словарях со словом *Тәңір*. Башкир. *Тәңре, Хозай: Көслө Хозай менән алышыр* — «Сильный, смелый тягается с богом». *Алла: Аллаға ышанған ас қалған* — «Кто понадеялся на Бога, тот остался голодным» — не очень-то почтительное обращение к *Хозай* и *Алла* (ср. выше отношение киргизов и казахов к *Құдай*). Кирг. *Теңир, Кудай, Алда. Теңир* имеет два значения: «Бог» и «небо», второе представляет собой наиболее древнее, доисламское значение этого слова в тюркских языках. *Теңирдин каары* — «Гнев (синего) неба». *Кудай бетин көрсөтпө* — «Не приведи Бог». Каракалп. *Тәңир, Алла, Қудай. Уа Алла!* — «О Боже!»; наряду с *Тәңир* много новообразований и словосочетаний со словом *Кудай*, что говорит о высокой частоте его употребления.

2. *Господь*. Классифицировать языки по обозначению этого понятия значительно сложнее, словари не всегда дают его обозначение. Евр. *Адонай* соответствует евр. *Йаһве* — «Вечный» и *Адон* — «Господин», греч. *Кюриос* — «имеющий силу, власть над кем или чем; господин, хозяин, глава семейства, царь» (А.Д. Вейсман. Греческо-русский словарь. 1899, с. 742).

С переводом этого слова не все благополучно. Смешение терминов и понятий «Бог» и «Господь», отсутствие их четкого терминологического разграничения происходит почти всюду.

В тюркских словарях можно заметить много случаев различения понятий, употребления разных не абсолютных си-

нонимов на одной и той же странице перевода, особенно *Тәңір* – *Қудай* – *Аллаһ*.

Наблюдается большое разнообразие в обозначении слова «Господь»: *ие/ээ; би, қожжа, парвардигар, рабби, адонай*, а также при употреблении имени Бога: *Тәңір, Аллаһ, Қудай*.

Би. Казах. *Би* имеет положительную коннотацию, первичное его значение – имеющий власть, занимающий высокое социальное положение человек. Это слово наиболее соответствует греч. *Кириос* и евр. *Адонай*.

Казах. *Ие, Еге* также положительно характеризует обозначаемое, оно подчеркивает обладание, а не власть. Имеет семантическое и фонетическое сходство с др. евр. *Йагве*. Отсюда производные: *егемен, егеменді. Ием* – «Господи» – форма обращения. Алтай. *Ээ, бий* – «господин, хозяин», *бойы бий* – «сам себе господин». Башк. *Эйэ* – «господин, хозяин».

Алла. Татар. *Алла, Тәңре, Хода*. Узбек. *Оллох, Тангри, Худо, Парвардигар* – «Господь»; *жаноб* – «господин». Кумык. *Аллагъ* – «Господь». Ногай. *Алла* – «Господь, всевышний, Господь Бог».

Қожжа. Қожайын, как обозначение Бога, – положительное, но как «господин» может быть и отрицательным.

Каракалп. *хожа* – «господин», потомки Мухаммеда; *мырза* – «господин, барин, щедрый». Ногай. *хожа* – «чудак, простак» – от Ходжи Насреддина. Гагауз. *коджа* – «муж, супруг, взрослый, пожилой, известный». Тур. *хоса* имеет такое же значение, как в гагаузском. Караим. *ходжа* – «богатый». Каракалп. *хожайын*, кумык. *хожаайын* – «хозяин, господин» = каз. *қожайын*. Башкир. *хужа, эйә* – «господин». Татар. *әфәнде, хаким, хужа* – «господин».

Раб, Рабби характерны для ограниченного круга языков: Турец. *Rab, Rabbi*. Азерб. *Рәб, Рәбби*. В этих языках на базе одного слова *Rabbi* созданы два слова. *Rab* служит для обозначения обобщенного понятия Господь, а *Rabbi* – обозначает конкретного Господа.

В Деян. 2:34-35 в рассказе Петра дважды употребляется слово «Господь» в разных значениях. Англ. *The Lord said to my Lord*.

Рус. «Сказал Господь Господу моему» (смысл – Сказал Бог Сыну Давида – Мессии-Христу): *For David did not ascend to heaven, and yet he said: «The Lord said to my Lord: “Sit at my right hand until I make your enemies a footstool for your feet”»* (NIV) – «Ибо Давид не восшел на небеса, но сам говорит: “Сказал Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножье ног Твоих”» (Синодальный перевод).

Азербайджанский перевод: *Рəб Рəббимə деди...* Турецкий перевод: *Rab Rabbime dedi...* (а в разговорной турецкой речи: *Tanrı, Yarabbim! Aman Allah!* – «Господи!» *Allah gostermesin!* – «Не дай Бог!» – всюду – *Allah*).

Казахский перевод: *Тəңір *менің Иеме ... деді.* (в примеч.: **Немесе: Ием*) («Киелі Кітап», Стамбул, 1993) по смыслу правильно, но терминологически неверно. Следовало бы перевести: *Би менің Биіме... деді.* Здесь ведь *Би* – общий для всех Господь, *Биім* – «мой Господь». Немало и других несоответствий можно найти в «Киелі кітап» – употребленное там слово *Мырза* к Богу неприменимо, обычно оно применяется при обращении к человеку. Только в «Киелі Кітап» оно употреблено для обозначения слова «Господь», что неправомерно.

В некоторых случаях для обозначения слова «Господь» используется слово *Мурза/Мырза*, правомерность такого употребления может быть оправдана при отсутствии других синонимов. Кумык. *мурза* – «канцелярский писец, государственный чиновник среднего ранга». Турец. *mirza* – «мирза». Ног. *мырза* – «князь», *мырза кызы* – «княжна».

В двух языках, носители которых придерживаются иудаизма разных направлений, Господь обозначается библейским словом *Адонай*: караимском (носители – ветхозаветцы) и крымчакском (носители – талмудисты). А Бог называется *Таңри*, как у всех тюркских народов.

Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух – эти понятия легко калькируются при установленном названии Бога. Имя Иисус известно мусульманам и как имя пророка ислама – Иса, поэтому в его передаче у мусульман-тюрков не возникает проблем.

Мессия (евр. מָשִׁיחַ — Лев. 4:3; Ис. 45:1) в Ветхом Завете также употребительно, хотя не относится к именам Бога. В Евангелии это — имя Иисуса Христа (греч.), широко употребляемое. Вопрос о его передаче на тюркские языки еще требует разработки. Например, в казахском переводе «Киелі кітап» оно передано так, что ни один казах его не может произнести на людях из-за неприличного звучания (*Mәсіх* — такого слова, естественно, в словарях не найдете), а ведь перевод будут читать те, кто не знает других языков, кроме родного. Это тот случай, когда одним словом можно отбить желание читать. Приведенное имя по-казахски можно было бы передать: в Ветхом Завете — *Машайық*; в Евангелии — в разных ситуациях: *Христос* или *Машайық*, например, в стихотворении казахского поэта: *Уа, Машайық, сыйлығыңа разымын* — «О Мессия, я доволен твоими дарами» (К. Беккожин, Қайран жас). Можно сделать и кальки: *Майланған* или *Сыланған* (по модели «Избранник» — *Сайланған*), что образует новое понятие на почве казахского языка. В крайнем случае, взять другие фонетические варианты слова «Мессия»: *Mесиаһ*, *Мессиаһ*, но никак не с конечным «х» — звуком, чуждым казахскому языку, хотя в письменном языке его часто используют в заимствованиях.

В стремлении максимально использовать словарное богатство языка должна существовать определенная терминологическая система обозначения имен Бога. Причем в каждом языке может быть своя система обозначения этих понятий. Например, для казахского языка: *Тәңір* («Бог», «Всевышний», *Элоһим*), здесь подчеркивается его возвышенность над всеми существами.

Құдай — имя языческих и других богов и идолов, здесь подчеркивается нейтральность отношения говорящего или его неприятие.

Ие, Еге — «Господь-*Йаһве*» это слово подчеркивает, что человек — собственность Господа, здесь имеется и семантическая, и фонетическая близость с еврейским словом.

Би — «Господь-Адонай» здесь акцентируется власть Господа (ср. *бике* — «госпожа»).

Например, как передать на казахском языке сочетание *Адһй Йһуһ – Адонай Йаһве* (в русском переводе – «Господь Бог») в Ис. 50:4,5 (англ. NIV – *Sovereign Lord*)? Для него вполне подходит сочетание *Би Ием*.

Қожа(ыйн) – «господин»; *Машайық* – «Мессия»; *Иса* – «Иисус»; *(Тәңірмен) Майланган* – «Помазанник Божий».

Мырза – «господин» употребляется только при обращении к человеку. В «Киелі кітап» в пояснениях к слову *Тәңір* дается ссылка на *Мырза*, таким образом, главное имя Бога выпадает. А при пояснении слова *Мырза (Ием)* лишь упоминается, что иногда его значение передается словом *Тәңір*. А ведь главным словом и до ислама и после принятия ислама в казахском языке является *Тәңір*: *Тәңір жарылқасын* – «Да благословит Бог», *Тәңірге табын* – «Поклялись Богу» и т.д.

Сказанное выше говорит о необходимости дальнейшего расширения работ по переводу Библии. Необходимо обсуждать проблемы перевода системы понятий, блока понятий внутри группы родственных языков. Можно было бы устраивать специальные семинары по этим проблемам. Положение с переводом на тюркские языки требует создания специальных библейских словарей. Переводчики нуждаются в специальных пособиях типа «Translators' Guides», которые можно издавать на русском языке и т.д.

О первом переводе Евангелия на нанайский язык

А.В.Столяров, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

В истории переводов книг Священного Писания на тунгусо-маньчжурские языки известно лишь три эпизода. Первым был перевод на маньчжурский язык, который к тому времени имел двухсотлетнюю письменную традицию и являлся одним из двух официальных языков в Китае. Перевод был выполнен членом русской православной миссии в Пекине С.В.Липовцовым по заказу Британского и Иностранного Библейского Общества. Он перевел все четыре Евангелия и большую часть других книг Нового Завета. Ксилографическое издание этих текстов было осуществлено в 1834 г. в Санкт-Петербурге¹.

Следующим по времени был перевод на эвенский язык, который относится к северной ветви тунгусо-маньчжурских языков и до той поры не имел письменности. Инициатором создания этого перевода был архиепископ Камчатский Иннокентий, который известен как апостол русской Америки, но кроме того, немало труда приложил для христианского просвещения народов, проживавших на дальневосточных рубежах России². Перевод Евангелия на эвенский язык был поручен Охотскому протоиерею Стефану Попову, который, хотя и был знаком с языком кочевников-эвенов, но все же посчитал сей важный труд выше своих сил. Для этой работы он пригласил «испытанного толмача, отставного станичного старшину Шелудякова». Результатом их совместной трехлетней

¹ Волкова М.П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии. М., 1965, с.32.

² Барсуков И.П. О жизни и подвигах Иннокентия, архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского. СПб., 1897, изд. 4.

работы стал перевод Евангелия от Матфея, законченный в 1854 г. Это сочинение упоминает в своих путевых очерках «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончаров, описывая свое пребывание в Якутске и знакомство с трудами тамошних миссионеров: «Кроме якутского языка, Евангелие окончено переводом на тунгусский язык, который, говорят, сходен с маньчжурским, как якутский с татарским...

Так как у тунгусов нет грамоты и, следовательно, грамотных людей, то духовное начальство здешнее, для опыта, намерено разослать пока письменные копии с перевода Евангелия в кочевья тунгусов... в ожидании, когда распространится между ними знание грамоты и когда можно будет снабдить их печатным переводом»³. Для распространения данного перевода по церквам охотского округа священник Михаил Земянин «напечатал пером» шесть рукописных копий, выполненных славянским шрифтом. Эти рукописи читались при церковном богослужении и использовались для наставления кочующих эвенов. Печатное издание на основе этих рукописей появилось лишь через четверть века в 1880 г.⁴ На титульном листе указано, что перевод выполнен «на тунгусском языке», что является одним из названий языка эвенкийского, в то время как прежнее название эвенского языка — ламутский. В России этот перевод более не переиздавался, а в 1984 г. был перепечатан в Будапеште в серии «Материалы по Центральной Азии и алтайские исследования»⁵.

Третьим эпизодом в истории библейских переводов на тунгусо-маньчжурские языки стал перевод Евангелия от Матфея на гольдский язык, который тоже не имел письменности. Современное название этого языка — нанайский, и он, так же как и маньчжурский, относится к южной ветви указанной языковой группы. Этот перевод был напечатан, как и предыдущий, в Казани в 1884 г.

³ Гончаров И.А. Собрание сочинений. М., 1978, т.3, с.393-394.

⁴ Господа нашего Иисуса Христа от Матфея святое Благовествование на тунгусском языке. Казань, 1880.

⁵ St. Matthew in Lamut. Budapest, 1984.

Издание переводов христианских книг на языки народов России было одним из направлений деятельности Казанского братства св. Гурия. Оно было учреждено при Казанском кафедральном соборе в 1867 г. с целью утверждения и распространения христианства среди крещенных и некрещенных инородцев⁶. При братстве состояла переводческая комиссия для обращения инородцев на их природных языках.

Для того чтобы издаваемые переводы были доступны инородцам, необходимо было обучить хотя бы часть из них грамоте. Эту задачу призвано было решать Православное Миссионерское Общество, деятельность которого состояла в устройстве и поддержании миссионерских школ. Открытие Общества состоялось в Москве в январе 1870 г. Первым председателем Совета стал митрополит Московский Иннокентий, упоминавшийся выше как архиепископ Камчатский. При открытии общества митрополит Иннокентий в своем обращении сказал, что основной его задачей является «обращение в православную веру нехристиан, обитающих в пределах нашего отечества», а важнейшим инструментом в этом деле признавалось издание книг, приспособленных к разумению и духовным потребностям инородцев⁷.

Вслед за открытием Православного Миссионерского Общества в том же году открываются Епархиальные комитеты в Иркутске, Томске, Якутске и Благовещенске. В 1871 г. за существующим в Казанской епархии братством св. Гурия признано значение комитета. Именно здесь сосредоточилась работа по переводу и изданию христианской литературы для многих народов Сибири. Во главе переводческой комиссии при братстве св. Гурия стоял директор Казанской учительской семинарии, профессор Н.И. Ильминский (1822–1891). Этот выдающийся ученый-тюрколог гораздо меньше известен как создатель системы инородческого образования, в основе которой лежало требование просвещения этих

⁶ Машанов М.А. Обзор деятельности братства св. Гурия за 25 лет его существования 1867-1892. Казань.

⁷ Никольский А.И. Православное миссионерское общество (1870-1895). М., 1895.

народов с помощью их родного языка. В связи с этим им были разработаны принципы применения русского алфавита для создания письменности на этих языках. Немало было сделано Н.И. Ильминским и в области теории и практики перевода христианских книг на инородческие языки⁸.

В результате деятельности переводческой комиссии за 17 лет было издано 846 тысяч экземпляров книг на 14 языках.

Расширялся круг миссионерской деятельности и непосредственно в местах проживания инородцев. Открытая в 1870 г. Благовещенская миссия к концу века состояла из двух отделов — гольдского и гиляцкого. В ведении гольдского отдела было 5 миссионерских станов и 5 гольдских школ. В состав Благовещенской миссии входили 1 иеромонах, 14 миссионеров-священников, 10 псаломщиков и 4 катехизатора. Из этих 14 миссионеров нам известны двое, два брата — Александр и Прокопий Протодяконовы, сведения о которых удалось почерпнуть из писем все того же Н.И. Ильминского⁹. Протодяконовы предположительно якутские уроженцы, так как один из переводов подписан: «священник А. Протодяконов и якутский мещанин П. Протодяконов». По этому поводу Н.И. Ильминский отмечает, что знание ими якутского языка, который структурно близок гольдскому, предполагает верный путь к усвоению последнего. Отец А. Протодяконов был назначен в Среднеамурскую миссию в 1865 г. для обращения живущих ниже Хабаровки гольдов, как в то время называли здешних нанайцев. Как свидетельствовал миссионерский журнал «Странник», за время с 1866 по 1869 гг. миссионер Протодяконов обратил в христианскую веру более 200 человек, а в 1870 г. — 142 человека¹⁰. Этому способствовало то обстоятельство, что «приамурские инородцы вследствие сво-

⁸ Ильминский Н.И. О переводе христианских книг на инородческие языки. Казань, 1897.

⁹ Ильминский Н.И. Письма к обер-прокурору Синода Победоносцеву. Казань, 1895.

¹⁰ Странник. 1871, с. 270.

его природного кроткого характера обнаруживают вообще готовность к обращению в христианство»¹¹. Тот же журнал «Странник» сообщал, что в 1872 г. было крещено 424 корейца, 437 гольдов, 65 тунгусов, 66 негидальцев, 31 гиляк, 7 китайцев¹². Поначалу миссионеры заботились лишь о крещении инородцев, а не о том, чтобы христианские начала вошли в их жизнь. Поэтому было признано необходимым изучение и знание миссионерами инородческого языка. Образцом такого миссионера и стал о. А. Протодьяконов. Им была составлена краткая грамматика гольдского языка и русско-гольдский словарь, опубликованный в небольших фрагментах и лишь частично в «Иркутских епархиальных ведомостях»¹³. Вот что писалось о нем в этом издании за 1869 г.: «Гольдский миссионер священник Александр Протодьяконов вполне знаком со своим делом, свободно говорит по гольдски, с 1868 г. стал трудиться в переводах на гольдский язык и к концу года представил Преосвященному перевод на гольдский язык общеупотребительных молитв, Символа веры и части заповедей, сверх того составил небольшой корнеслов гольдского языка»¹⁴.

Позднее, в 1885 г., в отчете о миссионерском путешествии Камчатского епископа Гурия об о. А. Протодьяконове сказано следующее: «Протоиерей Николаевского собора Протодьяконов 15 лет прослужил миссионером, изучил гольдский, гиляцкий, тунгусский язык, приобрел любезным отношением большое влияние на инородцев, чего миссионеры не имеют...»¹⁵. Он назначается управляющим Камчатской миссией в Николаевске. Здесь же сообщается, что на территории проживания гольдов, кроме Хабаровского миссионерского училища, открыты Долет-

¹¹ Сумаринов П. Миссионерство в Сибири, СПб, 1885 г. с. 146.

¹² Странник. 1873, сентябрь, с. 147.

¹³ Иркутские епархиальные ведомости. 1869, №№ 32, 40, 41, 44, 45 и 1870, №№ 17, 19, 22, 24, 25, 29, 47, 50.

¹⁴ Иркутские епархиальные ведомости. 1869, № 13.

¹⁵ Ильминский Н. И. Письма к Обер-прокурору Синода Победоносцеву. Казань, 1845, с. 184-185.

роицкая, Болонская и Горинская миссионерские школы, где обучается 58 гольдов.

С 1878 г., приняв сан священника, приступил к обучению грамоте гольдских детей брат о. Александра Прокопий Прото-
дьяконов. Результатом совместной переводческой деятельности
о. Александра и о. Прокопия явилось изданное в 1881 г. «Объ-
яснение главнейших праздников Православной Церкви». Все
последующие работы по переводу религиозных и других книг
на гольдский язык подписаны именем Прокопия Прото-
дьяконова. Только в одном 1884 г. вышли из печати Гольдская азбука,
Толковый молитвенник и, наконец, Евангелие от Матфея¹⁶. Это
было издание малого формата объемом 353 страницы с парал-
лельным русским и нанайским текстом. Его тираж составлял
800 экземпляров.

Несколько общих замечаний о самом переводе. Мы не будем
акцентировать внимание на ошибках переводчика, учитывая всю
сложность исполненной им работы. Отметим лишь наиболее су-
щественные отличия языка данного перевода от литературного
нанайского языка. Нелишне заметить, что П. Прото-
дьяконов был первопроходцем в создании нанайской письменности и разрабо-
тал он ее на основе кириллической графики. Через полвека уже в
иную эпоху была создана нанайская письменность на латинской
основе, которая через некоторое время была заменена русской
графикой. Сравнивая эти две разновидности нанайского письма
на основе русской графики, можно сказать, что вариант П. Про-
тодьяконова мало в чем уступает более позднему. Следует признать,
что особенности его графики затруднили бы сегодняшнему чита-
телю восприятие текста. Прото-
дьяконов широко использует ди-
граммы: *дж* на месте сегодняшнего мягкого *д'*, *нг* вместо *н*, *кг* вме-
сто *к*; кроме того, *х* вместо увулярного *к*, *ы* вместо *э*.

В области фонетики важной характеристикой нанайского
языка является гармония гласных. Текст данного перевода де-

¹⁶ Хонгуль пичьха Матфейдди. От Матфея Святое Благовествование на гольд-
ском языке. Казань, 1884.

монстрирует частичное разрушение сингармонизма, что характерно для некоторых периферийных говоров. И другие особенности перевода — монофтонгизация дифтонгов, замена смычного *n* на щелевой *ɸ* — свидетельствует о принадлежности используемого говора к верхнеамурскому наречию. В области морфологии характерно опущение во многих случаях личных и притяжательных суффиксов, усеченные формы некоторых глагольных показателей (*-м* вместо *-ми*), стянутые формы падежных окончаний, неиспользование весьма характерных для нанайского языка каузативных глагольных форм. В синтаксисе наблюдается нарушение обычного для нанайского языка порядка слов со сказуемым в конечной позиции. В тексте перевода сказуемое занимает то же место, что и в русском источнике. И в целом перевод страдает калькированием, при котором полностью игнорируется характер нанайской речи и повторяется строение русской фразы. В области лексики отметим некоторые приемы, используемые П. Протоdjяконовым для передачи отсутствующих в нанайском языке понятий. Он расширяет значение нанайских глагольных лексем: так, использует глагол со значением «рассказывать» для передачи понятия «исповедоваться», «учить, объяснять» для «проповедовать». Иногда при отсутствии соответствующих слов в нанайском языке автор перевода использовал такие русские лексемы как святой, креститель и т.д. Имеются случаи неточного употребления некоторых слов: «меч» вместо «топор», «муравьи» вместо «саранча». Суммируя эти краткие замечания, следует сказать, что данный перевод вызвал бы значительные затруднения в понимании у современного нанайского читателя по целому ряду причин: во-первых, отличная от литературной нормы диалектная база, во-вторых, особенности применяемой графики и, наконец, нарушения закономерностей строения нанайской речи.

Проследивая историю создания переводов Священного Писания на тунгусо-маньчжурские языки, можно отметить, что эта работа велась достаточно планомерно и за полвека с 1834 по 1884 гг. были опубликованы Евангелия на трех языках. С тех пор

прошло больше века, но на этом пути не было сделано ни единого шага. И вот теперь есть надежда, что работа над новыми переводами на различные языки народов России, начатая благодаря активной деятельности сотрудников Института перевода Библии (Стокгольм), даст возможность представителям этих народов читать Евангелие на родном языке.

Из опыта перевода сакральных текстов на эрзя-мордовский язык: Дамаскин

А.П.Феоктистов, Мордовский Педагогический институт им.М.Е.Евсевьева, Саранск

История перевода сакральных текстов на эрзя- и мокша-мордовские языки неразрывно связана с историей создания и становления письменной формы этих близкородственных языков. Грамотность в не столь отдаленные от нас времена, как известно, была сосредоточена в среде духовенства, а развитие письменности на языках подвластных и подневольных малых народностей в феодальном государстве связывалось с определенной религией. В XVIII в. письменность на отдельных местных языках в условиях Российской империи создавалась если и не исключительно, то преимущественно для удовлетворения нужд официальной религии как более эффективный инструмент в деле пропаганды догматов христианства среди туземцев-язычников и представителей других вероисповеданий. Однако создание письменности, в частности, на мордовских языках в первое время и не мыслилось иначе, как только для внедрения в мордовское письмо русской графической системы и русского письма без какого-либо изыятия. Весьма красноречивым в этом отношении было откровение Екатерины II: «Для показания произношения... нет лучше и способнее всех европейских азбук, как российский» (Из предисловия к «Сравнительным словарям всех языков и наречий, собранным десницею всевысочайшей особы...», СПб., 1787, т.1).

Мордовская письменность на основе русского письма возникает на завершающей стадии христианизации мордвы в ходе борьбы Православной Церкви с остатками язычества у отдельных этнических групп мокши и эрзи. Это был XVIII век. Во второй половине этого столетия было подготовлено несколько мор-

довских переводов миссионерской литературы. Печатная продукция, вышедшая на мордовских языках уже в XIX в. и в первом десятилетии XX в., включала Священную историю (в фрагментах), Катехизис (в сокращенных вариантах), Новый Завет и некоторые вероучительные тексты.

В истории мордовских письменно-литературных языков и перевода Библии на мокша- и эрзя-мордовские языки выделяются три периода: до 1917 г. — предреволюционный; после 1917 г. — послереволюционный; современный (с середины 80-х годов). Первый и второй периоды вместе образуют этапы в следующей последовательности: этап зарождения, этап становления, этап формирования и этап кодификации литературных норм.

Первый этап — предлитературный, являющийся временем зарождения и возникновения письменной формы мордовских языков. На протяжении этого длительного хронологического отрезка (начиная с последней четверти XVII в. и до середины XIX в.) вышли из печати, но в большинстве своем сохранились лишь в единичных рукописных списках многочисленные образцы мордовской речи, составленные на разных эрзянских и мокшанских диалектах. К концу первого этапа были изданы некоторые сакральные тексты в переводе на мокша- и эрзя-мордовские языки:

Господань минекъ Иисусань Христань святой евангелья евангелистань Лукасто. Сиормадозь эрзянь келсе. Петербургсе, типографиясо Николаень Гречань, 1821 иень.

Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского просторечия, ради удобнейшего оного познания восприявших святое крещение, 1788 года. Печатано третьим тиснением. М., 1853. (Первое издание 1804 г. и второе издание 1808 г. не сохранились, но уцелела рукопись, по которой было осуществлено в Московской синодальной типографии первое издание: Центральный госархив древних актов, ф.381, № 1314. 16 рукописных листов.)

Краткий катехизис на (мокша-) мордовском языке. Издание первое. М. В Синодальной типографии, 1861.

Священная история, в пользу мордвов на их природном языке, для удобнейшего им уразумения православного христианского закона и чудес Божиих. Переведена с русского языка на мордовский Симбирской губернии Алатырского уезда села Напольного священником Андреем Ивановым Охотиным. СПб., 1820.

Евангелие от Матфея. На мокшанское наречие переведено А. И. Тюменевым. Казань, 1879.

Тявть святойть апостолтнень кучовкст и Апокалиписис или Штафтома святой Иоаннань Богословань. Сюрмадозь эрзянь келсе. Пецятазь ярмак велга Россиянь Библейскоень Промксонь. Петербургсе, Типографисо Николаень Гречань, 1827 иень.

Господань минек Иисусань Христань святой евангелья Матфей, Марко, Лука и Иоанн пелдест. Сюрмадозь эрзянь келсе. Пецятазь ярмак велга Россиянь Библейскоень промксонь. Петербургсе, 1821 иень.

Второй этап (со второй половины XIX в. и до 1917 г.) является временем либерализации норм мордовских литературных языков и характеризуется тем, что к активному участию в духовном просвещении мордвы были привлечены грамотные представители мордовского народа – ученики Н. И. Ильминского, директора Казанской учительской семинарии и председателя переводческой комиссии при братстве св. Гурия в Казани (М. Е. Евсевьев, А. Ф. Юртов и др.). Язык мордовской литературы, созданной в течение второго этапа, достигает, по сравнению с первым этапом, значительного совершенства. В мордовской орфографии в эти годы господствующим был фонематический принцип, который был надежной опорой при переводе сакральных текстов, а именно следующих:

Иоан-вельденье Шкайстьнь ёнь-куля. Мокшьнь кяельс кепедиец Пшяеняереень поп Н. Барсов. От Иоанна святое евангелие. На центральном мокшанском наречии мордовского языка. Перевел села Ст. Пшенева Пенз. г. Инсарского у. священник Николай Барсов. Гельсингфорс, 1901.

Евангелие от Матфея. На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1882.

Евангелие от Луки. На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1889; 2-е изд. Казань, 1897.

Евангелие от Луки. На мокшанском наречии мордовского языка. Казань, 1891.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на эрзя-мордовском языке. Казань, 1910.

Священная история Ветхого и Нового Завета. На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1880; 2-е изд. Казань, 1883.

Священная история Ветхого Завета. На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1894.

Священная история Ветхого Завета. На мокшанском наречии мордовского языка. Казань, 1897.

Молитвы и церковные песнопения. На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1890; 2-е изд. Казань, 1898.

Покш праздникт. Главные церковные праздники, Господни и Богородичны, на эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1881.

Чин исповедания и како причащати больного. На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1884.

К этим изданиям примыкают следующие книги по преимуществу также религиозного содержания:

Крещение Руси при святом князе Владимире. На эрзянском наречии мордовского языка. В память 900-летия крещения Руси. Казань, 1888.

Крещение Руси при святом князе Владимире. На мокшанском наречии мордовского языка. Казань, 1891.

Рассказ о болезни и смерти... Александра III... На эрзянском наречии мордовского языка. Казань, 1894.

Рассказ о болезни и смерти... Александра III... На мокшанском наречии мордовского языка. Казань, 1894.

Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Казань, 1884.

Букварь для мордвы-эрзи. Казань, 1892; 2-е изд. Казань, 1894.

Букварь для мордвы-мокши. Казань, 1892; 2-е изд. Казань, 1897.

Первоначальный учебник русского языка для мордвы-эрзи. Казань, 1892; 2-е изд. Казань, 1897. Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши. Казань, 1892; 2-е изд. Казань, 1898; и др.

Третий этап (довоенные десятилетия после революции 1917 г.) является временем дальнейшей либерализации и расширения функциональной нагрузки мокшанского и эрзянского литературных языков за счет многотиражных изданий учебно-педагогической и общественно-политической литературы, тематических сборников, художественных альманахов, словарей и грамматик, газет и журналов, а также публичного обсуждения литературных норм на языковых конференциях и их кодификации в специальных изданиях справочного характера. Однако после 1917 г. были резко прерваны работы, связанные с переводом Библии, и все достигнутое в этой области до 1917 г. было отдано на поругание и предано забвению.

Четвертый этап (вторая половина 30-х годов – 80-е годы) характеризуется общим спадом как теоретической, так и практической работы по совершенствованию в то время еще не окончательно установившихся норм и особенно функциональных

стилей и специальной терминологии в мокшанском и эрзянском литературных языках. Недвусмысленный отказ и отход от несомненных достижений предшествующих этапов в начале четвертого этапа привел к нарушению принципа преемственности и прогрессирующей эволюции литературного языка. В послевоенные десятилетия не прекращались колебания в расширении, но чаще всего в дальнейшем сужении общественных функций мордовских литературных языков. Тем не менее, к концу рассматриваемого этапа стал очевидным факт общего прогресса в развитии мордовской художественной литературы в разных жанрах, газетно-публистического и других стилей. Однако работа над переводом Библии в течение всего этапа свелась лишь к переизданию Четвероевангелия и отдельно Евангелия от Иоанна, вышедших в свет первым изданием еще в начале века (1901 и 1910 гг.).

Современный период. Со второй половины 80-х годов в среде мордовских филологов (писателей и лингвистов) наметилось течение, направленное на коренное обновление терминологии в мокшанском и эрзянском литературных языках, на вытеснение искусственно внедренных в 30-е и последующие годы русизмов и замену их неологизмами, создаваемыми традиционными средствами мордовского словообразования и словосложения. Обновленческие тенденции в терминотворчестве особенно заметны в переводах Библии, работа над которыми на обоих мордовских языках возобновилась с наступившей перестройкой общественной жизни в стране и идет теперь полным ходом.

Древне- и старописьменные языки с многовековой историей развития (такие, например, как английский, немецкий, русский, французский и др.) отличаются необычайным богатством точных и многозначных средств выражения мысли и чувства, особенно таких форм и оборотов речи, которые создавались для обозначения специальных понятий (например, библейских) и предназначались для включения в терминированные тексты (как, например, при переводе Библии — для интерполяций в сакральные

контексты в виде сносок и т.д.). Все это, в конечном счете, предназначалось для организации терминированной и высококонформированной литературной речи. Развитые литературные языки характеризуются также четкой противопоставленностью диалектам и просторечию, необыкновенной гибкостью форм функциональной и социальной дифференциации. И совсем иную картину можно видеть в языках новописьменных, к которым относятся мордовские и другие финно-угорские языки (марийский, удмуртский и т.д.). На первых этапах своего развития эрзя- и мокша-мордовские письменные языки вообще не имели, общепризнанных и стабильных литературных норм. Вплоть до 1917 г. письменная форма мордовских литературных языков развивалась только в локальных вариантах (или территориальных разновидностях) на базе определенного диалекта — эрзянского или мокшанского. В истории мордовской письменности было создано несколько таких вариантов, на которые осуществлялся и перевод сакральных текстов.

Остановимся на характеристике первого, самого раннего варианта. Он был создан в Нижнем Новгороде епископом нижегородским и алатырским Дамаскиным, поэтому этот вариант называется — нижегородский (или вариант Дамаскина). Хронология: последняя четверть XVIII в

Дамаскин родился в 1737 г. в Калужской губернии в семье дьяка Симеона. В 1750 г. Дамаскин (в то время — Димитрий Семенов) был отдан на учебу в Крутицкую семинарию при Покровском монастыре в Москве, а через два года переведен в Славяно-греко-латинскую Академию. Здесь ему дали новую фамилию — Руднев. В 1752-1761 гг. Руднев прошел полный академический курс в числе лучших студентов. По окончании Академии Димитрий Руднев был определен учителем риторики и греческого языка в Крутицкой семинарии. Позднее в судьбе Руднева произошли значительные перемены. В 1765 г. его вызвали в Петербург и в следующем году отправили в немецкий город Геттинген для инспектирования русских студентов, приехавших туда на учебу. В Геттингене Руднев не ограничился одним выполнением надзора над вверенной ему группой студентов, но все свое время посвятил учебе в

университете и исследовательской работе. Руднев слушал университетские лекции, повторил и те науки, которым обучался в Славяно-греко-латинской академии, прошел новые курсы у выдающихся профессоров этого университета. Он овладел несколькими языками, перевел на немецкий Несторову летопись, издал несколько богословских книг на латинском языке. За эту и другую ученую деятельность Рудневу был вручен почетный диплом члена-корреспондента Исторического института при Геттингенском университете. В 1772 г. члены геттингенской группы держали экзамен перед академической комиссией в Петербурге. Особенно глубокие познания в разных отраслях науки на этом экзамене обнаружил Руднев. Вскоре он был определен префектом и профессором философии в Славяно-греко-латинской Академии. После этого высокого назначения Руднев около двух лет продолжал свои ученые занятия в Петербурге. В 1775 г. на 38-м году жизни Руднев вступил в монашество и принял духовное имя Дамаскина. В 1778 г. Дамаскин был назначен ректором Академии. В 1782 г. он принял сан епископа. 22 сентября 1783 г. с поста Московского викария был переведен в Нижегородскую епархию. При Дамаскине в этой епархии произошли коренные изменения. И они коснулись прежде всего духовной семинарии, где начали процветать «прежние науки..., а с ними вместе вводились и новые». В семинарии по распоряжению Дамаскина было «введено преподавание языков татарского, мордовского и чувашского, которыми и сам он занимался» (Иер. Макарий. История Нижегородской семинарии. Н.-Новгород, 1849, с.13). Дамаскин «особенно изучал язык мордовский, для которого готовил и грамматику» (Архим. Макарий. История Нижегородской епархии. СПб., 1875, с.172). Назначение Дамаскина епископом Нижегородской епархии совпало со временем «особенно литературного и ученого настроения императрицы. Тут она основала Российскую академию, дозволила заведение вольных типографий, составила план сравнительного словаря всех языков и наречий...» (Н.А. Добролюбов. Собр. соч. в 3-х томах, М., 1952, т.2, с.378). Через год своего правления епархией Дамаскин получил рескрипт Екатерины II, в котором императрица вырази-

ла свое пожелание таким образом: «Преосвященный епископ Нижегородский Дамаскин! Считаю, что в Нижегородской семинарии преподается учение языков разных народов в епархии вашей обитающих, я желаю, чтобы ваше преосвященство доставили мне словарь тех языков с российским переводом, расположа оный по алфавиту российских слов и сверх письмян оных народов, написав по-русски каждое слово, как оно произносится... Екатерина. В Царском селе августа 26-го дня 1784-го года» (см. текст рескрипта в рукописи: Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис... 1785 года. — Госархив Нижегородской обл., ф.2013, оп.602, д.187, л.2).

По получении монаршего повеления Дамаскин призвал к составлению словаря своих учеников — «природою из мордвы» — семинаристов и священников, которые уже завершили учебу в семинарии. Для составления других частей словаря Дамаскин пригласил тех же семинаристов и священников, «знающих оные языки», т.е. татарский, чувашский и марийский. Все части словаря были написаны русской графикой. В предисловии к словарю, составленному за семь месяцев, Дамаскин по этому поводу заметил: «...народы, в Нижегородской епархии обитающие, не имеют собственных своих письмян или букв, то и слова их в сем словаре писаны российскими буквами». В разделе предисловия, посвященном историко-этнографической характеристике мордвы, Дамаскин далее указал, что язык эрзи и мокши «с татарским и русским премного перемешан, поелику прежде долгое время были они у татар в подданстве, а ныне у россиян, и русскими селениями так перемешаны, что инде от русских и различить их невозможно... У них же нет письмян или букв своих, а кто из них учился читать и писать, тот пишет русскими литерами».

Орфография мордовской части, как и других частей словаря, построена на принципах русского правописания. При графическом воплощении мордовских слов и словоформ составители словаря умело использовали не только буквы русского алфавита, но и орфографическую систему русского языка второй

половины XVIII в. Следует подчеркнуть, что большая часть правил русского правописания была приспособлена к мордовской фонетике и мордовскому письму в целом удачно.

Словарь Дамаскина в его мордовской части занимает первое место среди немногих памятников письменности XVIII в., содержащих в себе лексический материал в столь значительном объеме (более одиннадцати тысяч словарных статей). Для истории мордовской письменности и перевода Библии приобретают огромное значение первые попытки поиска и закрепления на письме мордовских эквивалентов при переводе сакральной терминологии, а также других тематически близких групп слов-терминов и оборотов речи. Например: «бдение» — *пазнэнь ознума*, букв. «моление Богу», «адвокат» — *тявь мяльга якиця*, «ад» — *чопуда тарка*, «ассессор» — *поки ломань*, «бездушный» — *оймевтеме*, «бездыханный» — *лексимавтомо*, «без завещания» — *валтомо*, «бестелесный» — *кискевтеме*, «бессмертный» — *куломовтомо*, «благовещение» — *паро куля*, «благодарение» — *паро тьяйме*, «благодать» — *паронь тьяйма*, «благодетельный» — *паронь тьяиця*, «благородный» — *паро чачтонь*, «благословляю» — *баславан*, «благодать» — *паро*, «блаженный» — *уцяскав*, «богобоязливый» — *Паздо пяли*, «Бог» — *Паз*, «божественно» — *пазонь тьявь*, «божество» — *пазонь*, «великолепие» — *поки слава*, «величественный» — *покишкавтиця*, «величество» — *покишолма*, «воля Божья» — *пазонь оля*, «воскрешаю» — *вялмсян*, «восход» — *стямо*, «в жертву приношу» — *оскс кандан*, «гарнизон» — *ламо пукштурдот*, «покаяние» — *пяжетень иовтлима*, «договор» — *ладямо*, «дух» — *лексима*, «душа» — *ойме*, «единодушный» — *вя оймень*, «епископ» — *ломань озныця*, «жертва» — *озномо*, «жертвенник» — *тарка*, *косо озномо кшеть пелнить*, «жертвенный хлеб» — *озномо таркань кше*, «закон» — *кой*, «заповедь» — *америма*, «знак» — *содавкс*, «знамение» — *содавкс*, «император» — *инязоро*, «империя» — *мастор*, «искушение» — *тяржавтомо*, «исповедь» — *кявснима*, «исповедуюсь» — *иовтнян пяжеть*, «крест» — *крюст*, «милосердие» — *вечкемста максома*, «милостивый» — *паро эрьвехкенень*, «мир» — *сатме*, «покаяние» — *янксема*, «помазание» — *ваднима*, «право» — *кой*, «правосудие» — *виде судямо*,

«предтеча» — *молиця икелдень*, «призрак» — *неема*, «причта» — *вал*, «проповедник» — *паз валонь юфлиция*, «проповедую» — *ювтян*, «прорицатель» — *ювлиция*, «прославление» — *паро вал ки ланга*, «прощение» — *простямо*, «пустыня» — *анейме тарка*, «род» — *рашт*, «родство» — *раштума*, «рождество» — *чачмо*, «святость» — *ванькстома*, «священник» — *поп*, «слава» — *марямо*, «славлю» — *куля тьян*, «слуга» — *уре*, «служанка» — *уре ава*, «суеверие» — *эсь пряве*, «суеславие» — *стяко кортамо*, «царство» — *инязоронь эрямо*, «явление» — *содавкс*, «язычник» — *лия келевь* и многие др.

Кроме русско-татарско-чувашико-мордовско-марийского словаря в период деятельности Дамаскина в Нижегородской епархии на эрзя-мордовском письменном-литературном языке были созданы еще такие произведения, как «Речи для перевода на мордовский язык», «Слова, взятые из разговоров для перевода на мордовский язык» и др. И в этих памятниках отечественной лексикографии высокий интерес вызывает специальная терминология, созданная на эрзя-мордовском письменном литературном языке в варианте Дамаскина, например: «Бог бес-смертен» — *паз акулы*, «урок» — *максозь тявь*, «дворец» — *инязоронь кардаз*, «дворянин» — *паро кудо кирде*, «учитель» — *тонавтлия*, «учительница» — *тонавтлия ава*, «ученик» — *тонадыця*, «месяцеслов» — *ковонь вал*, «родство» — *раштума*, «парус» — *варма мевть*, «клясться» — *божамс*, «обряд» — *обуця*, «ангел» — *ангель*, «жаловаться» — *пеняцямс*, «крестный отец» — *крюсной тятя*, «колыбель» — *лавце* и т.д.

На нижегородском (или дамаскинском) варианте эрзя-мордовского письменного языка был исполнен перевод следующих сакральных текстов: «Действие Нижегородской Духовной семинарии...» (1788 г.), «Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского просторечия, ради удобнейшего оного познания восприявших святое крещение» (1788 г.), «Отче наш» (1790 г.), «Священная история. Краткими вопросами и ответами сочиненная и переведенная на мордовский язык» (1790 г.), «Символ веры. Переведен на мордовский язык. Кирдима кямимань, путозь эрзя кель ланкс» и др.

В приведенном перечне памятников мордовской письменности сотрудники Дамаскина «природою из мордвы» (Григорий Семилейский, Иван Тихов и др.) создали большое количество неологизмов, которые значительно пополнили словарный состав эрзя-мордовского письменного языка последней четверти XVIII в. абстрактной лексикой и специальной терминологией. См. список таких инноваций в лексике «Священной истории...» в переводе слушателя Нижегородской семинарии Семена Березовского: «ангел» — *пазонь уре*, «апостол» — *кучиця*, «бес» — *чопача*, «будущее» — *икельть тявть*, «вера» — *кой*, «восток» — *чинь стямо*, «глава» — *кирдима*, «демон» — *чопача*, «евангелие» — *паро куля*, «жертва: в жертву принести» — *озномо ланкс туймекс*, «жертвенник» — *озномонь тарка*, «завет» — *духовной сiorма*, «закон» — *кой*, «заповедь» — *америма*, «идолопоклонство» — *идолнень сюкунямо*, «книжник» — *ловныця*, «креститель» — *лямдиця*, «кумир» — *чопача*, «лицемер» — *коштан*, «мир» — *вясе ломать*, «молитва» — *озномо вал*, «мудрец» — *прявиця*, «обетованный» — *алтазь*, «первозванный» — *икелемерезь*, «племя» — *шачмо*, «почитание» — *каванявтомо*, «праотцы» — *сыреть атят*, *ташт тятят*, «предатель» — *максыця*, «предтеча» — *икеле молиця*, «премудрость» — *пщи прявь*, «престол» — *инязоронь эрямо*, «проповедь» — *ювтлима*, «пророк» — *ювтлиця*, «пустыня» — *чаво тарка*, «раскол» — *коень коламо*, «религия» — *кой*, «Россия» — *минек инязоронь эрямо*, «свет: на свете» — *вясе мастуцо*, «святой» — *ванькс*, «скрижали» — *ласт*, «спаситель» — *оймень ваныця*, «учение» — *тонавтомо*, «ученик» — *тонавтлиця*, «учитель» — *тонавтыця*, «фамилия» — *шачмопель*, «христианин» — *паро коинь ломань*, «христианство» — *нишке кой*, «царство» — *инязоронь эрямо*, «чудо» — *покш тявь*, «язычники» — *лия кельвь*, *лиякелицят* и многие др.

Традиции нижегородского варианта эрзя-мордовского письменно-литературного языка с уходом Дамаскина из Нижегородской епархии, которую он возглавлял в течение десяти лет (1783-1794 гг.) нарушились, но не прервались окончательно. Об этом свидетельствует издание в 1820 г. фрагментов из Ветхого Завета и в 1821 г. — Нового Завета в полном объеме.

Перевод Ветхого Завета на шведский язык

(текстология – гебраистика – целевой язык)

Ш.Хогнесиус, Шведская Библейская Комиссия

Прежде всего позвольте мне извиниться за то, что я не говорю по-русски. Месяц назад я узнал, что конференция будет проходить на русском языке, а не на английском, как я думал. А за один месяц новый язык, как известно, не выучить.

Меня пригласили сюда рассказать немного о текущем проекте по переводу Библии на шведский язык. Последний перевод полной Библии был осуществлен в 1917 г., с тех пор назрела необходимость в создании нового перевода: многое изменилось и в библеистике, и в еврейской и греческой филологии, и в самом шведском языке. Достаточно вспомнить о том влиянии, которое оказали на текстологию Ветхого Завета найденные в районе Мертвого моря свитки, или о том, что в последнем столетии шведский язык претерпел сильнейшие изменения, такие как потеря флексии глагола в категории числа.

Шведская Библейская Комиссия является государственной комиссией. Мы не получаем финансовой поддержки ни от Объединенных Библейских Обществ, ни от Института перевода Библии, ни от какой-либо церкви, ни от одной организации, кроме шведского правительства. Это зачастую вызывает удивление. Многие считают, что все, касающееся Библии, является заботой исключительно Церкви или церковей. Однако мы полагаем, что Библия – не просто христианская книга. Она – часть нашего общекультурного наследия. Более того, иудеи и христиане, верующие и неверующие, имеют право читать Библию на своем родном языке, причем с уверенностью, что перевод, который они читают, выполнен точно и абсолютно непредвзято.

Для того, чтобы получить единый перевод на шведский, удовлетворяющий этим требованиям и интересам всех потенциальных читателей, который мог бы использоваться и в школах, правительство и парламент Швеции создали в 1972 г. Шведскую Библейскую Комиссию. В январе 1973 г. Комиссия начала работу над Новым Заветом, в 1975 г. — над Ветхим Заветом, а в 1981 г. — над второканоническими книгами. В 1981 г. был опубликован перевод Нового Завета, в 1986 г. в свет вышли второканонические книги. Работа над Ветхим Заветом все еще не окончена. На сегодняшний день переведено около 80% Ветхого Завета и мы надеемся, что к началу третьего тысячелетия работа будет завершена.

Но почему же работа, на выполнение которой другим требуется не больше десяти лет, занимает у нас более 25 лет? Ответ на этот вопрос и составляет цель моего доклада. Мне следовало бы рассказать о том, каким образом осуществляется работа над переводом, но из-за ограниченного времени я попрошу вас рассмотреть те материалы, которые вам раздали. Я приведу лишь несколько примеров относительно проблем, с которыми мы сталкиваемся в ходе работы над переводом. Каждый пример затронет одну из проблем, перечисленных в подзаголовке моего доклада.

Приступая к работе над древним текстом (не имеет значения, над каким именно), необходимо ответить на три вопроса:

1. Какой текст переводить?
2. Каково значение текста?
3. Каким образом обозначается то или иное понятие на целевом языке?

Как вы хорошо знаете, Ветхий Завет писался в течение продолжительного времени, приблизительно тысячи лет. До нас не дошло ни единого документа-оригинала. То, что мы имеем, — это копии, сделанные с копий, а те, в свою очередь, с более ранних копий и так далее. В большинстве случаев копии делались очень точно, но иногда в тексты все же вкрадывались ошибки. Ошибки могли быть самыми разными — пропущенные или, наоборот, лишние буквы, слова и т. д. Это касается не только Пятикнижия или книги пророка Иеремии, но и любого древнего текста, например,

классических греческих текстов, таких как «Илиада» Гомера или «О государстве» Платона. Заметив в манускриптах расхождения, вы должны сделать выбор.

Как я уже сказал, тексты неоднократно переписывались. Самый древний из уцелевших манускриптов, содержащих Ветхий Завет целиком, называется Codex Leningradensis (датируется 1008 г. н.э.). Он содержит стандартный еврейский текст, получивший название Масоретский. Каждый перевод Ветхого Завета должен основываться на этом документе. Но научный перевод не должен пренебрегать и другими свидетельствами, такими как Септуагинта или свитки Мертвого моря, для того чтобы дойти до более ранних ступеней развития текста, не искаженного переписчиками, и следовательно, яснее отражающего первоначальную мысль автора.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, хочу привести один пример. Во 2 Цар. 6:5 (Revised Version) говорится: «А Давид и все сыны Израилевы играли перед Господом на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах». Проблема в том, что в еврейском тексте ничего не сказано о «музыкальных орудиях». Эти слова добавлены в текст (о чем свидетельствует курсив) для того, чтобы он не звучал бессмысленно. На самом деле в еврейском тексте речь идет о «всевозможных видах кипарисового дерева» или «разных кусочках кипарисового дерева». Уже давно ученые заметили, что текст в этом месте искажен, и, к счастью, мы знаем, как восстановить первоначальное прочтение. То же самое событие описывается в 1 Пар. 13, а поскольку летописец часто переписывает текст из книг Царств, его версия может оказаться очень полезной. В соответствующем месте в книге Паралипоменон ни слова не говорится о «кусочках дерева», но описывается, как люди молились Богу «изо всей силы» и «с песнями», что, конечно, гораздо правдоподобнее отражает события на религиозном празднестве. Что же тогда произошло с текстом 2 Цар. 6:5? Очевидно, переписчик перепутал местами две буквы и изменил один еврейский символ, обозначающий звук «с», на другой. Этого оказалось доста-

точно, чтобы сила и песни превратились в кусочки дерева. Гипотеза о том, что текст 2 Цар. 6 в оригинале совпадал с текстом 1 Пар. 13, подтверждается Септуагинтой, а с некоторых пор и манускриптами, найденными в четвертой пещере Кумрана, в которых значились именно «песни», а не «кусочки дерева». Разумеется, за основу нужно принимать этот текст, а не поврежденный Масоретский (именно такое решение было принято в одном из последних английских переводов — New Revised Standard Version).

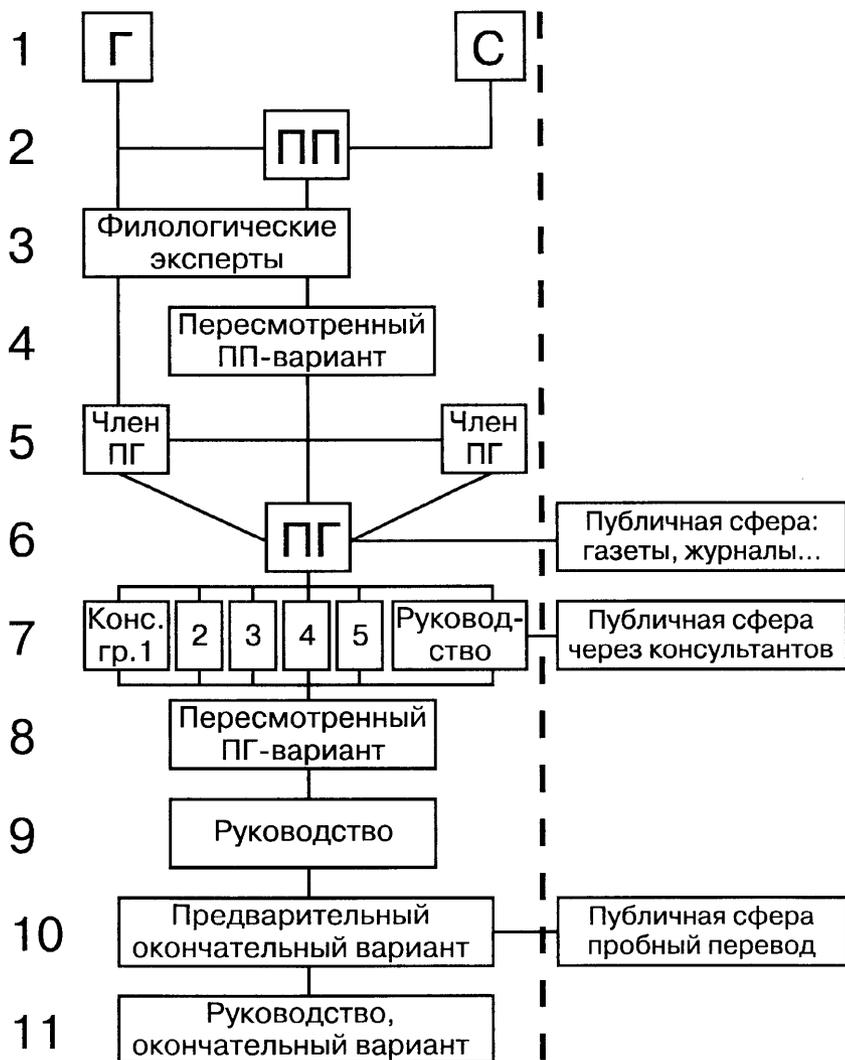
Иногда новые переводы отличаются от старых не потому, что были выполнены с разных манускриптов, но потому, что тот же самый текст был по-разному понят. Ученые могли выявить новые, ранее неизвестные значения того или иного слова благодаря сравнительному языкознанию. Например, во 2-й книге Царств мы находим поэтический отрывок, фиксирующий последние слова Давида. Еще раз цитирую Revised Version, 23:1: «Вот последние слова Давида. Давид, сын Иессеев говорит, И человек, поднятый высоко, Помазанник Бога Иаковлева, И сладкий псалмопевец Израилев». При более внимательном рассмотрении этого стиха появляется ощущение, что конец его звучит не вполне естественно. Нарушается параллелизм между «Помазанник Бога Иаковлева» и «сладкий псалмопевец Израилев». Параллелизм — одна из наиболее свойственных еврейской поэзии особенностей. В еврейском языке имеется одно очень распространенное слово с согласными זמר, обозначающее музыку или пение, и именно это слово подразумевалось в Revised Version. Но, к примеру, в угаритском тексте мы находим другой корень слова с теми же согласными, значение которого не имеет ничего общего с музыкой, но с охраной и защитой. Если мы допустим, что здесь было использовано то же слово, что и в угаритском тексте, то отчетливым становится параллелизм с описанием Бога, «Сильного Израилева» (New Revised Standard Version), а не Давида.

Проблемы, которые я обозначил, касаются языка-источника и являются общими для всех переводчиков. По крайней мере, они касаются всех тех переводчиков, которые не решили a priori

отвергать все новое в науке. Однако многие проблемы, с которыми сталкивается переводчик, касаются целого языка и зависят от ресурсов конкретного языка. Среди них есть некоторые проблемы которые приходится решать всем переводчикам, несмотря на то, что результаты могут быть очень разными в зависимости от конкретных особенностей языка перевода. Первый выбор, который встает перед каждым переводчиком, — это выбор степени буквальности и последовательности, которой он будет придерживаться в переводе. Теоретически можно утверждать, что каждое еврейское слово необходимо переводить каждый раз именно так, как оно было употреблено в оригинале. В результате перевод получится очень последовательный и, вероятно, очень буквальный. Я думаю, вы все хорошо понимаете, что подобное решение нельзя назвать вполне удачным. В словаре редко встречается слово, имеющее только одно значение. Позвольте мне проиллюстрировать эту мысль. Еврейское слово בן значит «сын», но это не единственное значение этого слова. Евреи используют его и когда речь идет о внуке или еще более дальнем потомке. Слово может также использоваться для обозначения члена какого-либо биологического вида, например «сын коровы». Более того, слово может использоваться и для обозначения члена некоторой общности, например «сын пророка» или «сын мудрецов», и даже в выражениях вроде «сын лука», которое попросту является еврейским способом обозначения стрелы. Для того чтобы сделать перевод, верный оригиналу, необходимо учитывать все возможные значения слова. Адекватным переводом слова בן может стать «сын», «внук», «потомок». Зачастую это слово можно опустить вообще, как, например, в случае с сочетанием «сын пророка», так как выражение означает, что лицо принадлежит к гильдии пророков, и в переводе лучше всего оставить просто «пророк».

Поскольку времени в моем распоряжении было немного, я не мог слишком углубиться в подробности и ограничился лишь некоторыми примерами. Если разобравшись в этих примерах, у вас создалось впечатление, что перевод Ветхого Завета — дело сложное, значит я говорил не напрасно.

*Процедура перевода Ветхого Завета,
принятая в Шведской Библейской Комиссии*

Гebraист (Г), т.е. специалист по семитским языкам или в области ветхозаветной экзегезы, делает перевод с древнееврейского оригинала. Задача частично заключается и в установлении текста, который должен быть переведен, с применением обычных критических методов. Стилист (С), то есть писатель, переводчик или лицо, которое как-то иначе проявило свои навыки в решении подобных задач, создает первый черновик на основе комментариев и современных переводов.

Переводческая пара (ПП) состоит из Г и С и готовит объединенный вариант, или вариант переводческой пары (ПП-вариант). Этот вариант должен быть снабжен подзаголовками, сносками и заметками по критике текста. Гебраист также пишет к тексту критический и филологический комментарий, в котором объясняются и обсуждаются его соображения по критике текста, выбор интерпретации и другие темы, относящиеся к переводу.

ПП-вариант вместе с критическим и филологическим комментарием направляется двум внешним специалистам в области языка-источника, которые называются филологическими экспертами. Обычно они являются по меньшей мере младшими преподавателями в области ветхозаветной экзегезы или семитских языков в Швеции или в одной из соседних стран. Они записывают свои замечания по поводу ПП-варианта и сопровождающего его комментария.

На основе замечаний филологических экспертов ПП переделывает свой вариант и подготавливает пересмотренный ПП-вариант. Гебраист может письменно ответить на замечания экспертов.

Пересмотренный ПП-вариант с сопровождающим комментарием, замечаниями филологических экспертов и ответами гебраиста направляется членам переводческой группы. Переводческая группа (ПГ) состоит из гебраиста (Бертиль Альбректсон), стилиста (Гун-Бритт Сундстрем) и координатора (Кристер Осберг). В переводческую группу входит также секретарь (Шелл Хогнесиус). Все они излагают свои мнения в письменной форме и направляют их участникам переводческого за-

точно, чтобы сила и песни превратились в кусочки дерева. Гипотеза о том, что текст 2 Цар. 6 в оригинале совпадал с текстом 1 Пар. 13, подтверждается Септуагинтой, а с некоторых пор и манускриптами, найденными в четвертой пещере Кумрана, в которых значились именно «песни», а не «кусочки дерева». Разумеется, за основу нужно принимать этот текст, а не поврежденный Масоретский (именно такое решение было принято в одном из последних английских переводов — New Revised Standard Version).

Иногда новые переводы отличаются от старых не потому, что были выполнены с разных манускриптов, но потому, что тот же самый текст был по-разному понят. Ученые могли выявить новые, ранее неизвестные значения того или иного слова благодаря сравнительному языкознанию. Например, во 2-й книге Царств мы находим поэтический отрывок, фиксирующий последние слова Давида. Еще раз цитирую Revised Version, 23:1: «Вот последние слова Давида. Давид, сын Иессеев говорит, И человек, поднятый высоко, Помазанник Бога Иаковлева, И сладкий псалмопевец Израилев». При более внимательном рассмотрении этого стиха появляется ощущение, что конец его звучит не вполне естественно. Нарушается параллелизм между «Помазанник Бога Иаковлева» и «сладкий псалмопевец Израилев». Параллелизм — одна из наиболее свойственных еврейской поэзии особенностей. В еврейском языке имеется одно очень распространенное слово с согласными זמר, обозначающее музыку или пение, и именно это слово подразумевалось в Revised Version. Но, к примеру, в угаритском тексте мы находим другой корень слова с теми же согласными, значение которого не имеет ничего общего с музыкой, но с охраной и защитой. Если мы допустим, что здесь было использовано то же слово, что и в угаритском тексте, то отчетливым становится параллелизм с описанием Бога, «Сильного Израилева» (New Revised Standard Version), а не Давида.

Проблемы, которые я обозначил, касаются языка-источника и являются общими для всех переводчиков. По крайней мере, они касаются всех тех переводчиков, которые не решили a priori

седания, т.е. членам ПГ и ее секретарю, а также ПП (члены и секретарь ПГ могут быть членами ПП).

ПГ и ПП встречаются на переводческом заседании с целью подготовить вариант переводческой группы (ПГ-вариант). Предварительные варианты (ПП-вариант или, в исключительных случаях, более ранние варианты) могут распространяться публично в текущих отчетах и интервью в газетах и журналах. Библейская Комиссия может проводить изучение того, насколько хорошо переводы понимаются при чтении и т.п.

ПГ-вариант направляется пяти консультативным группам и руководству Комиссии. Им рекомендуется использовать текст в разнообразных ситуациях. Все эти лица присылают свои замечания в письменной форме.

Замечания консультантов и членов руководства служат базой для переработки ПГ-варианта (пересмотренный ПГ-вариант). Этот вариант утверждается на следующем переводческом заседании, в котором принимают участие как ПП, так и ПГ. Это заседание обычно проходит через год или два после первого.

Пересмотренный ПГ-вариант предьявляется руководству Комиссии. На собрании руководства текст исследуется страница за страницей. При исследовании присутствуют представители ПГ. Руководство обращает особое внимание на то, каким образом ПГ были учтены замечания консультантов при переработке перевода. Руководство дает указание ПГ учесть замечания, сделанные на собрании руководства, в дальнейшей работе над текстом.

ПГ делает еще одну переработку пересмотренного ПГ-варианта (предварительный окончательный вариант). На этом этапе руководство может решить опубликовать пробный вариант. До сих пор с переводами Ветхого Завета это случалось трижды: «Пять книг Библии» (Fem bibelböcker, 1979), «Девять книг Библии» (Nio bibelböcker, 1984) и «Три книги Библии» (Tre bibelböcker, 1991).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Циркулярное письмо

Institute for Bible Translation

Box 80100

S-104 60 Stockholm

Sweden

TELEPHONE 108193 07 10
108194 54 14
CABLE/TELEGRAMM:

POSTAL GIRO ACC. 60 15 02-1
FAX 108193 92 45
INSTITRANS STOCKHOLM

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА

117334 ГСП-1 Москва В-334
Ленинский проспект 32А
тел. 938 19 36, 938 55 84
факс 938 18 44

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ
ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ

119191 Москва, Давыдовский в-зд. 22
Домский монастырь, 001191
Телефон 255-00-22

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

"ПЕРЕВОД БИБЛИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И БОГОСЛОВСКИЕ АСПЕКТЫ"

Москва, 28-29 ноября 1994 г.

6 июля 1994г.

Первое циркулярное письмо

28-29 ноября 1994г. состоится международная научная конференция "Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты". Конференция проводится Институтом перевода Библии (Стокгольм), Российской академией наук и Русской Православной Церковью, по инициативе Института перевода Библии. Сегодня в условиях освобождения церковно-религиозной жизни стихийно возобновились опыты перевода Священного Писания на языки разных народов СНГ. Эти переводы широко публикуются на страницах периодики, поступают из-за рубежа. На представителях Церкви, науки и культуры лежит обязанность принять компетентное участие в этой, пока еще новой форме деятельности, осмыслить ее отношение к культурно-историческим традициям народов России. В этом смысле отрядным фактом представляется серия семинаров, организованных в последние годы Институтом перевода Библии и Объединенными Библейскими обществами.

На конференции предполагается обсудить лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты библейских переводов, преимущественно на материале неславянских языков. Вопросы церковного применения переводов затрагиваться не будут.

Конференция должна главным образом подвести итоги первого этапа возобновившейся переводческой деятельности в России и дать рекомендации для дальнейших шагов в желаемом направлении.

Лингвистические проблемы и задачи, которые предлагаются для обсуждения на конференции:

- воспроизведение смысловых категорий греческого текста при переводе Библии на различные языки, прежде всего языки СНГ;
- терминологические проблемы: создание новой терминологии на базе обиходной лексики; уточнение существующей религиозной терминологии;
- обобщение перевода Библии в виде словарей, грамматик, интерлинейных переводов;
- роль библейских переводов в развитии языка.

В культурно-историческом аспекте значимыми являются следующие проблемы:

- функциональное назначение новых переводов, социальный круг, на который каждый из них ориентирован;
- традиции индивидуального чтения Священного Писания;
- взаимодействие библейских переводов с культурной традицией (литература, живопись и др.).

Конференция состоится 28-29 ноября 1994 г. в г. Москве, в новом здании Президиума РАН (Ленинский пр-т, 32А).

Приглашаем Вас и Ваших коллег принять участие в работе конференции и выступить с докладом или сообщением, участвовать в обсуждении. Продолжительность доклада - 20 мин., сообщения - 10 мин. Пребывание и транспортные расходы иногородних докладчиков оплачиваются Институтом Перевода Библии.

Ваши заявки просим направлять в Оргкомитет конференции по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, Отделение литературы и языка РАН, ответственному секретарю Оргкомитета конференции Лупырёву Андрею Викторовичу (тел. 095 - 938 19 36, 938 55 28, факс 938 18 44).

Сопредседатели Оргкомитета:

Директор Института
перевода Библии
доктор философии
Борислав Арапович

Академик-секретарь
Отделения литературы
и языка РАН
академик Е. П. Четышёв

Председатель Отдела Внешних
Церковных Сношений Московского
Патриархата, Митрополит
Смоленский и Калининградский

Анонс конференции

АНОНС!!!

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

"ПЕРЕВОД БИБЛИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И БОГОСЛОВСКИЕ АСПЕКТЫ"

Москва, 28-29 ноября 1994 г.

28-29 ноября 1994г. состоится международная научная конференция **"Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты"** (Москва, Ленинский проспект, 32А, 3 этаж, "зеленый зал"). Конференция проводится Институтом перевода Библии (Стокгольм), Российской академией наук и Русской Православной Церковью по инициативе Института перевода Библии. Сегодня в условиях освобождения церковно-религиозной жизни стихийно возобновились опыты перевода Священного Писания на языки разных народов СНГ. Эти переводы широко публикуются на страницах периодики, поступают из-за рубежа. На представителях Церкви, науки и культуры лежит обязанность принять компетентное участие в этой, пока еще новой форме деятельности, осмыслить ее отношение к культурно-историческим традициям народов России. В этом смысле отрадным фактом представляется серия семинаров, организованных в последние годы Институтом перевода Библии и Объединенными Библейскими обществами.

На конференции предполагается обсудить лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты библейских переводов, преимущественно на материале неславянских языков. Вопросы церковного применения переводов затрагиваться не будут.

Конференция должна главным образом подвести итоги первого этапа возобновившейся переводческой деятельности в России и дать рекомендации для дальнейших шагов в желаемом направлении.

Приглашаем Вас и Ваших коллег принять участие в дискуссии на конференции. Для регистрации: Оргкомитет конференции - Москва, Ленинский пр-т, 32А, Отделение литературы и языка РАН тел. 938 19 36, 938 55 84, факс 938 18 44. Окончание регистрации: 25 ноября в 16.00.

Сопредседатели Оргкомитета:

Директор Института перевода Библии
доктор философии
Борислав Арапович

Академик-секретарь
Отделения литературы
и языка РАН
академик Е.П.Чельшев

Председатель Отдела Внешних
Церковных Сношений Московского
Патриархата, Митрополит
Смоленский и Калининградский
Кирилл

Программа конференции

"ПЕРЕВОД БИБЛИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И БОГОСЛОВСКИЕ АСПЕКТЫ"

Программа конференции

28 ноября, понедельник

☉ 10.00 - 10.30 - *Открытие конференции. Выступления:*

Директор Института перевода Библии д-р фил. Б. Арапович (Швеция)
Академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН ак. Е.П.Чельцов
Председатель Отдела Внешних Церковных сношений Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

☉ 10.30 - 12.30 - ☞ Доклады

лорд Дональд Когган (Винчестер, Великобритания) "Перевод Библии с раннехристианского времени по XXI век".

д-р фил. Саймон Крип (Хай Викам, Великобритания) "Современные теории перевода и современные переводы Библии".

д.ф.н. А.А.Алексеев (Санкт-Петербург) "Библейские переводы как форма религиозной деятельности".

архимандрит Ианнуарий Ивлиев (Санкт-Петербург) "Богословские основы библейского перевода".

чл.-корр. РАН Г.Г.Гамзатов (Махачкала) "Из опыта перевода Библии на языки народов Дагестана".

о.С.А.Овсянников (Амстердам, Нидерланды) "Текстологическая основа новых русских переводов Библии".

☉ 12.30 - 13.00 - *Обсуждение*

☉ 13.00 - 14.00 - *Обед*

☉ 14.00 - 15.00 - ☞ Доклады

д-р фил. Борислав Арапович (Стокгольм, Швеция) "Деятельность Института перевода Библии в Советском Союзе и в СНГ в 1973-1994 гг."

о. С.Гордун (Минск) "О работе Белорусской библейской комиссии".

☒ *Сообщения*

А.С.Десницкий (Москва) "Подстрочный еврейско-русский перевод Ветхого Завета".

д.ф.н. М.А.Кумахов (Москва) "Роль библейских переводов в развитии языка и культуры адыгов".

☉ 15.00 - 15.30 - *Перерыв*

☉ 15.30 - 16.30 - ☞ Доклады

К.И.Логачев (Санкт-Петербург) "Проблемы пособий для переводчиков в России".

д-р фил. Шель Хогнесиус (Уппсала, Швеция) "Перевод Ветхого Завета на шведский язык. Текстуальная критика - еврейская филология - целевой язык".

☞ **Сообщения**

д.ф.н. И.М.Стеблин-Каменский (Санкт-Петербург) "О персидских и таджикском переводах Библии и их значение для перевода на памирские языки".

проф. А.П.Феоктистов (Саранск) "Опыт перевода Библии на мордовские языки: история и современность".

☞ **16.30 - 17.00 - Обсуждение**

29 ноября, вторник

☞ **10.00 - 12.30 - ☞ Доклады**

д-р фил. Торстен Лёфстетт (Хельсинки, Финляндия) "Перевод Евангелия на коми язык Г.С.Лыткина".

игумен И.Павлов (Москва) "История переводов Библии на русский язык в XIX в., выполненных под руководством РПЦ".

проф. З.Кикнадзе, М.Сонгулашвили (Тбилиси) "Некоторые проблемы перевода Библии на современный грузинский язык".

д.ф.н. К.М.Мусаев (Москва) "Проблема перевода имен Бога на тюркские языки".

☞ **Сообщения**

д.ф.н. А.П.Володин (Санкт-Петербург) "Опыт перевода Евангелия от Луки на язык первобытного общества (ительменский язык)".

к.ф.н. А.А.Горбачевский (Челябинск) "О соотношении между понятиями "буквальный" и "адекватный перевод" /на материале перевода на таджикский язык Евангелия Иоанна".

☞ **12.30 - 13.00 - Обсуждение**

☞ **13.00 - 14.00 - Обед**

☞ **14.00 - 15.00 - ☞ Доклады**

игумен Венедикт Кантерс (Москва) "Богословие времени в корпусе Иоанна".

М.Б.Бабицкая (Санкт-Петербург) "Подстрочный греческо-русский перевод Нового Завета".

☞ **Сообщения**

к.ф.н. А.В.Столяров (Санкт-Петербург) "О первом переводе Евангелия на нанайский язык".

Д.В.Дмитриев (Санкт-Петербург) "О гипертекстовом справочном аппарате библейского переводчика".

☞ **15.00 - 15.30 Перерыв**

☞ **15.30 - 16.30 - ☞ Доклады**

д.ф.н. А.Н.Жукова (Санкт-Петербург) "Терминологические проблемы, возникающие при переводе Евангелия от Луки на корякский и чукотский языки".

д.ф.н. М.Е.Алексеев (Москва) "Проблемы формирования новых литературных языков Дагестана и перевод Библии".

▣ **Сообщения**

священник Максим Козлов (Москва) "Глаголы "любви" в греческом тексте Нового Завета".

к.ф.н. Е.В.Головкин (Санкт-Петербург) "Четыре Евангелия на алеутском языке: лингвистические аспекты перевода".

⊙ **16.30 - 17.00 Обсуждение. Закрытие конференции**

⌘⌘⌘ **Регламент Конференции:** Доклад - 20 минут, сообщение - 10 минут.

▣▣▣ **Порядок издания материалов Конференции:** Тексты докладов (до 15 страниц) А4, 60 знаков в строке, через два интервала) и сообщений (до 10 страниц) должны быть представлены или в секретариат Конференции Лупырёву А.В. 28-29.11.1994 г. или присланы до 31 января 1995 г. по адресу: 101000 г.Москва, Главпочтамт, а/я 360, Институт перевода Библии.

✍️ **Порядок регистрации участников Конференции, гостей и журналистов:** все перечисленные в настоящей Программе участники проходят в здание Президиума РАН (Ленинский пр-т, 32А, 3-й этаж, "зеленый зал") по списку на вахте главного входа, все приглашенные и желающие принять участие в дискуссиях или освещении работы Конференции должны зарегистрироваться в Отделении литературы и языка РАН не позже 14.00 25 ноября с.г. по тел. 938 19 36 или 938 55 84 или факсу 938 18 44. Регистрация необходима и связана с режимом здания Президиума РАН. *Не забудьте взять с собой паспорт.*

➤➤➤ **Проезд:** Москва, Ленинский проспект, 32А, новое здание Президиума РАН, 3-й этаж, "зеленый зал", ст.м. "Ленинский проспект" или на любом наземном транспорте до остановки "Дом Обуви" или "Дом ткани".

🏠➔ **Проживание и проезд иногородних участников Конференции:** с 27 по 30.11.1994 г. гостиница "Академическая/Россиянка" (Ленинский пр-т, д.1, ст.м. "Октябрьская") и проезд до Москвы и обратно оплачивается Институтом перевода Библии (Московский филиал - тел. 463 17 19). Проживание и проезд представителей РПЦ оплачивается Московской Патриархией.

🍴 **Питание для всех участников и гостей конференции:** столовая нового здания Президиума РАН расположена на втором этаже, открыта с 11.30 до 15.00, буфет - также на 2-ом этаже, открыт с 11.30 до 17.00, бар и ресторан расположены на 22-ом этаже, открыты с 12.00 до 24.00. *Все питание - за наличный расчет, в порядке общей очереди.*

Издания
Института перевода Библии
Стокгольм – Хельсинки – Москва
(1973-1994 гг.)

Язык	Издание	Примечания	Год издания
Тюркские языки			
азербайджанский	Ев. от Иоанна	P-1982	1984
азербайджанский	Ев. от Луки	Н	1993
азербайджанский	Новый Завет	Н	1982, 1991, 1993
алтайский	Четвероевангелие	P-1912	1975
балкарский	Ев. от Луки	Первый перевод	1993
балкарский	Новый Завет и Псалтырь	Первый НЗ	1994
башкирский	Четвероевангелие	P-1902	1975
гагаузский (болг.)	Ев. от Иоанна	P-1927	1975
гагаузский (молд.)	Ев. от Матфея	P-1934	1975
казахский	Четвероевангелие	P-1901	1973
казахский	Ев. от Луки	Н	1983
казахский	Ев. от Матфея	Н	1989, 1991, 1993
казахский	Ев. от Марка	Н	1990, 1991, 1993
казахский	Ев. от Матфея, арабский шрифт	Н	1992
карачаевский	Ев. от Марка	Первый перевод	1978
киргизский	Ев. от Матфея	Первый перевод	1982
киргизский	Ев. от Иоанна	П	1982
киргизский	Деяния Апостолов	П	1984
киргизский	Ев. от Луки	П	1987, 1993
киргизский	Ев. от Марка	П	1987
киргизский	Новый Завет	Первый НЗ	1991, 1992, 1993
крымско-татарский	Книга пророка Ионы	Первый перевод	1978
крымско-татарский	Ев. от Матфея	П	1986
татарский	Четвероевангелие и Псалтырь	P-1908, 1914	1973
татарский	Четвероевангелие и Деяния	Н	1986
туркменский	Ев. от Иоанна	П	1982
туркменский	Ев. от Луки	П	1993
туркменский	Новый Завет, Псалтырь, Притчи	Первый НЗ	1994
узбекский	Ев. от Иоанна	Н	1981

Язык	Издание	Примечания	Год издания
узбекский	Бытие и Ев. от Иоанна	П и РИ-1981	1983
узбекский	Пророк Иона	П	1983
узбекский	Четвероевангелие	Н	1986
узбекский	Ев. от Луки	Р-1986	1990, 1993
узбекский	Новый Завет, Бытие и Псалтырь	Первый НЗ	1992, 1993
уйгурский	Ев. от Марка	Н	1982
уйгурский	Новый Завет, арабский шрифт	Р-1939	1986
чувацкий	Новый Завет	Р-1911	1973
чувацкий	Ев. от Иоанна	Н	1984
чувацкий	Быт., Исход, Левит, Числа (1-18:5)	П	1988
якутский	Четвероевангелие	Р-1898	1975
Финно-угорские языки			
вепсский	Ев. от Марка	Первый перевод	1992
вепсский	Ев. от Иоанна	П	1993
карельский	Ев. от Иоанна	П	1993
карельский	Ев. от Марка	П	1993
коми-зырянский	Ев. от Матфея	Р-1882	1973
коми-зырянский	Ев. от Матфея	Н	1979
коми-зырянский	Новый Завет	Первый НЗ	1980
коми-пермяцкий	Ев. от Матфея	Р-1882	1975
мари-луговой	Четвероевангелие	Р-1906	1973
мари-луговой	Ев. от Иоанна	Н	1986
мари-луговой	Новый Завет и Псалтырь	Первый НЗ	1986
мари-луговой	Ев. от Марка	Н	1994
мокша-мордовский	Ев. от Иоанна	Р-1893	1973
эрзя-мордовский	Четвероевангелие	Р-1910	1973
эрзя-мордовский	Ев. от Иоанна	Н	1990
удмуртский	Четвероевангелие	Р-1912	1973
удмуртский	Ев. от Марка	Н	1991
удмуртский	Четвероевангелие	Н	1993
удмуртский	Псалтырь	П	1994
Иберийско-кавказские языки			
абхазский	Четвероевангелие	Р-1912	1975
абхазский	Ев. от Иоанна	Н	1981
аварский	Ев. от Иоанна	Первый перевод	1979
адыгейский	Новый Завет	Первый НЗ	1991, 1992
грузинский	Новый Завет	Р-1963	1973
грузинский	Ев. от Иоанна	Н	1979, 1984, 1991

Язык	Издание	Примечания	Год издания
грузинский	Новый Завет	Н	1980
грузинский	Новый Завет и Псалтырь	Новая ред.-1980	1982, -85, 91-93
грузинский	Библия в 4-х томах	Пробное изд.	1989-1990
грузинский	Ев. от Луки	Р-1982	1993
кабардинский	Ев. от Иоанна	Первый перевод	1991
кабардинский	Ев. от Луки	П	1991
кабардинский	Новый Завет	Первый НЗ	1993
лезгинский	Отрывки из Ев. от Матфея	Первый перевод	1990
чеченский	Ев. от Иоанна и Деяния	Первый перевод	1986
Монгольские языки			
бурятский	Ев. от Матфея и Марка	Р-1909, 1912	1975
Индоевропейские языки			
армянский	Ев. от Иоанна	Р-1969	1975
армянский	Новый Завет	Р-1975	1976, 1990
армянский	Библия	Р-1893	1978, 1989, 1990
курманджи-курдский	Ев. от Матфея (кирилл. и латин.)	Н	1993
литовский	Ев. от Иоанна	Р-1961	1988
молдавский	Новый Завет (транск. с румын.)	Первый НЗ	1979, 1983, 1990
молдавский	Библия (транск. с румын.)	Первая Библия	1984
молдавский	Ев. от Иоанна	Р-1979	1989
осетинский	Четвероевангелие	Р-1923	1973
осетинский	Ев. от Иоанна	Н	1984
осетинский	Новый Завет	Первый НЗ	1993
русский	Библия (издание Б.Геце)	Р-1939	1981-1990
русский	Толковая Библия в 3-х томах	Р-1904-1913	1987-1990
греческо-русский	Ев. от Луки (подстрочный перев.)	Первый перевод	1994
таджикский	Ев. от Марка	Первый перевод	1981
таджикский	Новый Завет	Первый НЗ	1983, 1993
таджикский	Ев. от Иоанна	Р-1983	1984
таджикский	Библия	Первая Библия	1992
таджикский	Ев. от Луки	Р-1983	1993

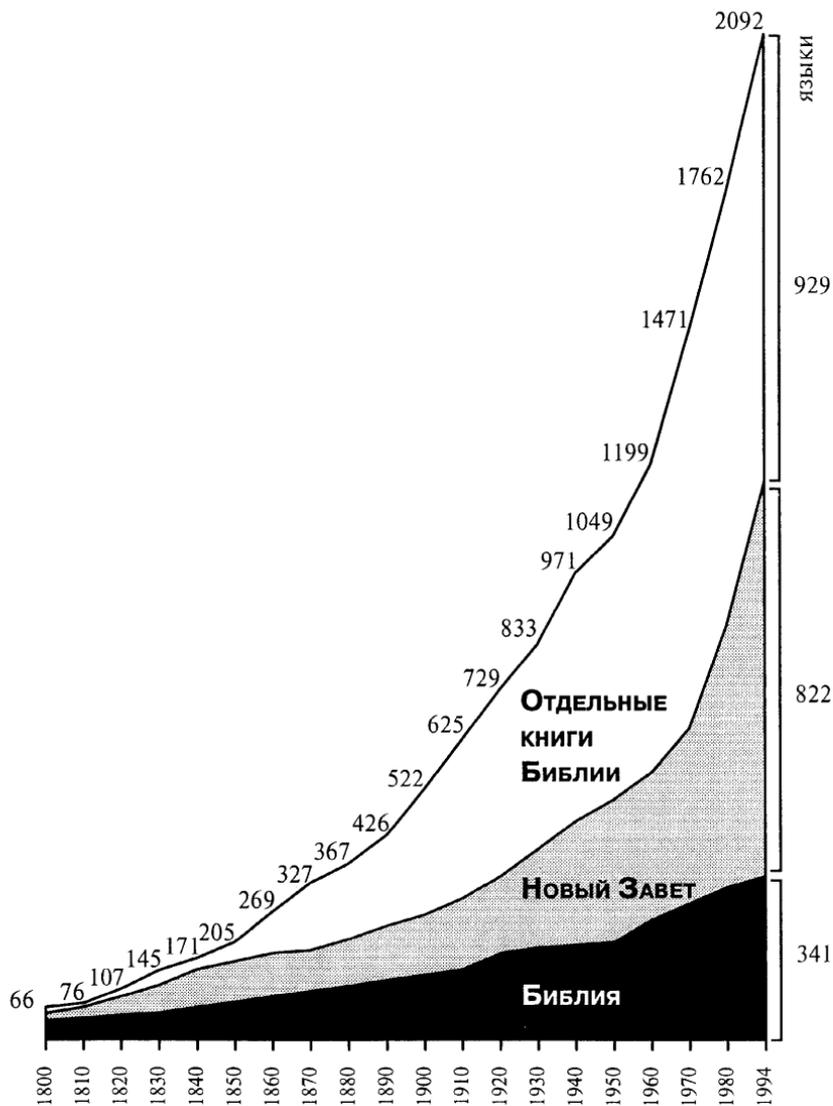
Условные обозначения и примечания:

П Первый перевод этой книги Библии. Р Репринтное издание.
 Первый перевод Первый библейский перевод на данном языке. Н Новый перевод.

Большинство изданий новых переводов отдельных книг Библии содержат ч/б иллюстрации.

Все издания новых переводов Нового Завета содержат цветную вкладку с географическими картами и фотографиями.

Переводы Библии на языки народов мира (1800-1994 гг.)*

* По материалам книги "Scriptures of the World", UBS, 1994